

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

БЕРЕГ ДЕТСТВА

Книга для детей

ОРЕЛ-2010

ББК
К-29

Художник Л.Е. Жмакина

К-29 Катанов В.М.
Берег детства. – Орел: издательство “Вешние воды”, 2010. – 440 с.

ISBN

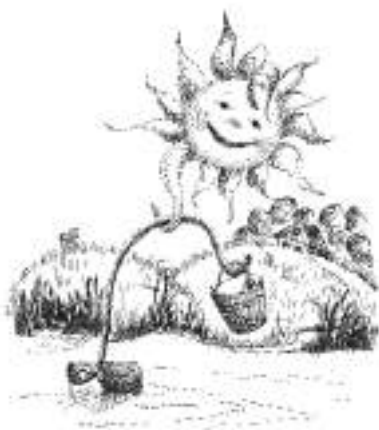
Автор – орловский поэт и прозаик, историк родного края, член Союза писателей России, лауреат Всероссийских премий Отечествоведения им. Н.М. Карамзина, Фетовской и “Вешние воды”, заслуженный работник культуры РФ. В книгу включил стихи для детей разных лет (сборники “Радуга”, “Дедушкин дом”, “Ракита у пруда”, “Карусель” и др.), а также публиковавшиеся. Новая поэма “Михайло Ломоносов”.

ББК

ISBN

© Катанов В.М., 2010
© Оригинал-макет А.П. Литюга, 2010
© Издательство “Вешние воды”, 2010

БЕРЕГ ДЕТСТВА

РОДИНА

Рощами и селами
Хожу – не нахожусь.
На цветы веселые
Гляжу не нагляжусь.

Речка-серебрянка
Шелестит волной.
Каждая травинка
Говорит со мной.

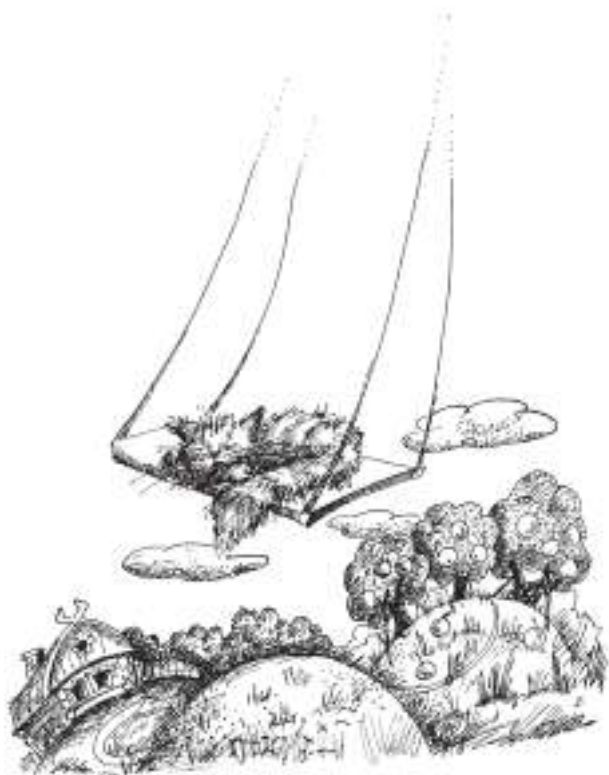
Говорит мне ветер
С дорогих полей:
Лучше нет на свете
Родины моей.

РЕКА

Бежит река.
Шумит река.
Тростник на ней качается.
Ее дорога далека,
За лесом не кончается.

“Стой!” – громыхнул сердито гром,
Все небо задрожало.
Река взмахнула рукавом
И дальше побежала.

Она уйдет на край земли,
С другой рекой сольется,
Но будет двигать корабли
И чайкам улыбнется.

КАЧЕЛИ

Мы проснулись на заре,
Встали и запели:
“Во дворе,
Во дворе
Выросли качели”.

Мы садимся – наш полет
Долго не кончается.
Дом плывет,
Сад плывет,
Вся земля качается.

УТРО

Маленького мальчика
Разбудила мать:
"Солнечные зайчики
Начали играть.
Не пора ли, Сашенька,
И тебе вставать?"

Саша улыбается
И в ладоши бьет.
Саша умывается,
Песенку поет:
"День хороший,
День пригожий
За окном встает".

ШОФЕР

Руль машины я кручу,

Жму на все педали.

Прикачу

Куда хочу:

“Здравствуйте!

Не ждали?”

Покачу по мостовой –

Зашуршат шины...

Всех ребят бы взял с собой,

Да мала машина!

В САДУ

А мы с дедушкой вдвоем
В шалаше теперь живем.
Сад над речкой
Караулим,
Раньше солнышка встаем.

Вместе ходим вечерами
И осматриваем сад...
Звезды в сумерках над нами
Как антоновки
Висят.

КОСАРИ

Косари идут с покоса,
На плечах сверкают косы.
Говорят, войдя в село:
"Луг остригли наголо!"

Мы навстречу выбегаем
Стайкой загорелою
И в подарок получаем
Землянику спелую.

У БАБУШКИ

Я у бабушки Маруси
Очень весело живу.
У реки гогочут гуси,
Овцы вышли на траву.

Пью утрами
Чай из блюдца
На крыльце, как во дворце.
И у бабушки смеются
Все морщинки на лице.

Вместе с бабушкой встречаю
Рано солнышко в саду
И по маме не скучаю,
Только очень маму жду.

ЖУК

Коробок в моей руке,
Жук усатый в коробке.
Жук жужжит,
Щекочется:
Жить на воле
Хочется.

Ничего, что он сердит:
Пусть в потемках посидит.
Вот как выйду на лужок –
И открою коробок.

КУКУРУЗА

Кукуруза на просторе
Шелестит – шумит, как море.
В море этом
Не впервой
Я скрываюсь с головой.

Непчатые початки
Там со мной играют в прятки,
Если листья развернешь,
Зерна вкусные найдешь.

НА ВОЗУ

Я сижу на возу,
Я солому везу.
Высоко я сижу,
Далеко я гляжу.
Эх и жалко мне мальчишек,
Что остались там, внизу.

КОРАБЛИК

Кораблик мой бумажный
Прощается со мной.
Плывет, плывет отважно
И борется с волной.

Кораблик
Не вернется
Домой к закату дня...
А солнышко смеется
И в путь зовет меня.

ПРИВЕТ

Ветер, вей,
Ветер, вей
Над рябиною моей,
Подымай-ка выше к небу
Сизокрылых голубей.

Ты лети из края в край,
Облети весь белый свет
И ребятам передай
От меня большой привет!

ПОЛЕВАЯ СТОРОНА

Слышу звоны-перезвончики
Утром ранним на лугу.
Ой, какие колокольчики –
Наглядеться не могу.

Вдаль глядят глазами синими
И толкуют дотемна,
Что ты самая красивая,
Полевая сторона.

ДОЖДИК

Толпились тучи в синеве...
Я глянул из окошка:
Запрыгал дождик по траве
В серебряных сапожках.

Он молоточком постучал –
Заговорила крыша.
В саду подсолнух покачал,
И стал подсолнух выше.

Плясать пустился на лугу –
Смотреть ребята рады...
И я под дождик побегу:
Мне подрасти-то надо!

МОЛОТОК

Молоток я полюбил.
Тук-тук-тук! –
И гвоздь забил.
Не устанет рука
От такого молотка.

Я зайду во все углы,
Там, где надо, постучу,
Делать стулья и столы
Молоток свой научу.

РАК

Дом у рака – тесный дом.
Сам проходит
В дом
С трудом.
А гостей и не зовет.
В одиночестве живет.

Сам с собою,
Сам с собою
Говорит,
И ест,
И пьет.

ПАРАШЮТ

Парашют с высокой вышки
Приземляется – плывет.
А внизу ревет мальчишка:
Прыгнуть
Папа не дает.

Папа смотрит на мальчишку:
“Ты не прыгнешь –
Упадешь
И набьешь такую шишку,
Что домой не донесешь”.

“Донесу”, – малыш ревет
И глядит на небосвод.
Парашют с высокой вышки
Белой птицей
Вниз плывет.

КРАСАВКА

Вон идет моя Красавка!

Я навстречу побегу.

Для нее густая травка

Зеленеет на лугу.

Я кормлю ее травкою,

Я зову ее в избу.

Молча крутит головою

С белым пятнышком на лбу.

Ничему, видать, не рада.

На меня гладит с тоской.

“М-мне, – мычит, – домой не надо,

Мама в стаде за рекой”.

КОЛОКОЛЬЧИК

На лугу под развесистым вязом,
На закате погожего дня
Колокольчик стоит синеглазый,
Колокольчик глядит на меня.

Я его не срываю, жалею:
Пусть растет,
Пусть глядит веселей.
Где живет он,
Там небо светлее,
Там румяные зори теплей.

КРАПИВА

В канаве крапива,
В канаве крапива
Стоит одинока,
Стоит молчалива.

Она лишь кусаться
Да злиться умеет.
Легко догадаться –
Друзей не имеет.

СОН

Густая рябина
Стоит у ворот.
А Вова на льдине
По морю плывет.

Под окнами грядки
Лежат при луне.
А мальчик в палатке,
В иной стороне.

Там белая вьюга
Бушует,
Кружа.
Тюлени, как друга,
Встречают моржа.

Там в санках катает
Медведь медвежат.
Снежинки летают,
И звезды
Дрожат.

Проснулся – рябина
Стоит у ворот.
А белая льдина
По небу плывет.

БОБРЫ

Мы спускаемся с горы,
К речке мы идем.
Там работают бобры,
Строят себе дом.

Я хотел бобрам помочь,
Но они сказали:
“Прочь!”
И еще сказали мне:
“Сами
Справимся вполне!”

БЫЧОК

Назвали зря бычка Дружок,
Опасно с ним играть:
Его пустили на лужок,
А он давай бодаться.

Гонял он кур.
Гонял ребят,
Грозил рогами всем подряд...
Теперь унялся – и молчок:
Стоит на привязи бычок.

БАРБОС

Есть у Бори умный пес,
И зовут его Барбос.
У крылечка он лежит,
Борин дом сторожит.

То сидит,
Хвостом виляет,
То, рыча, подскочит вдруг.
На меня Барбос не лает:
Я, ребята, Борин друг.

ССОРА

У Олежки с Ваней ссора.
Ох, помирятся не скоро?
По углам они сидят,
Друг на друга не глядят.

Мама бросила дела,
Их обедать позвала.
Вот за стол ребята сели
И обиду с кашей съели.

СМОРОДИНА

“Смородина поспела!” –
Кричат перепела.
Аленка не стерпела,
В смородину пошла.
Искала дочку мама,
Весь исходила сад.
Смотреть под кустик стала,
А ножки там стоят.

ВОРОБЕЙ

Воробей молодой
Здорово резвился.
Вдруг в бочку с водой
С дерева свалился.

За бедой – беда другая.
Кто же выручит, друзья?
Кошка дымчатая злая –
Цап! – схватила воробья.

Ходит Мурка не дыша:
Эх! Добыча хороша!
“Уважаемая кошка! –
Воробей заговорил.
– Дай обсохну я немножко,
Чтоб потом вкуснее был”.

Кошка думала немного:
“Так и быть.
Лети, сушись!”
Воробей порхнул и строго
На нее прикрикнул:
“Брысь!”

Так ни с чем она осталась.
Улетучилась еда...
В бочке шумно рассмеялась
Молчаливая вода.

ПАРОВОЗ

Купили Пете паровоз,
Большой, красивый очень.
Но задирает Петя нос,
Дружить ни с кем не хочет.

Смотреть машину не дает,
Кричит: “Не тронь руками!”
Чуть что – и плачет, и ревет,
И жалуется маме.

Друзьями он не дорожит,
Их и не видно рядом.
И паровоз в углу лежит,
Ржавея от досады.

ШКОЛА

Белый дом на горе
Школой называется.
Там звонок на заре
Звонко заливается.

Я стою на мосту,
Школьникам завидую.
“Ну когда ж я подрасту?” –
Думаю с обидою.

БЕРЕЗКА

Стоит березка белая
В саду моем давно.
Что дома я ни делаю,
Она глядит в окно.

Холодный дождь набросится –
Шумит она сильнее
И в дом ко мне
Не просится:
Не страшен ливень ей.

Не сломит буря шалая,
И не завалит снег...
Она рассветы алые
Встречает раньше всех.

ТЕЛЕЖКА

Нас позвал к себе Олежка:

“Эй, ребята, у меня

Есть хорошая тележка.

Только нет еще коня”.

Порешили всем двором:

“Кошку сделаем конем!”

Мурка грозно зашипела,

Нас возить не захотела.

Запрягали мы Барбоса.

Посмотрел на всех он косо

И стремглав умчался прочь.

Больше никому помочь.

Осмотрели мы тележку

И решили всем двором:

“Пусть катает

Сам Олежка!”

И Олежка стал конем.

РАДУГА

Это что за коромысло
Над рекой Окой повисло?
Это солнце небосводу
Достает из речки воду.

Чтобы дождик шумный шел,
Чтобы луг скорей зацвел
И смеялись дети
На всем белом свете.

КОЗЛИК

Ходит козлик у колодца,
Где обрыв оброс лозой.
Хочет с мамою колотьяся,
С бородатою козой.

Подошел я осторожно,
Хворостиной его –
Хвать!
Ах ты, козлик!
Разве можно
Свою маму обижать?

КОТ

Сидит кот у ворот,
Умывает лапкой рот
И глядит,
Глядит усач,
Как гоняют дети мяч.

Сам играть он
Не умеет,
Но зато
За всех
Болеет.

ГРИБОК

Грибок стоит среди двора.
Не донимает нас жара.
Поем, играем в холодке
И строим город
На песке.

Стоит не низок, не высок
Наш уважаемый грибок,
При знойном ветре и грозе –
Всегда в железном картузе.

МОРЕ

Саша в таз воды налил,
Саша воду посолил
И кораблик свой бумажный
Тут же в плаванье
Пустил.

Другу крикнул: “Боря!
А в тазу-то море.
Берега зеленые,
А вода соленая.
Хорошо б сюда кита –
Вот была бы красота!”

ЛОПУХ

Рос лопух,
Большущий вышел,
Мне по пояс достает.
Под его широкой крышей
Вечно кто-нибудь живет.

То мяукают котята,
То щебечет воробей,
То хоронятся цыплята
Вместе с мамою своей.

Ни жара их не пугает,
Ни сердитый в небе гром.
А по крыше
Жук шагает,
Стережет зеленый дом.

КАРАНДАШИ

Опять сегодня Боря
С карандашами в ссоре.
Забросил и тетрадь:
“Не буду
Рисовать!”

Ни леса
И ни моря
Не нарисует Боря.
Остались корабли
И лодки
На мели.

Скучают где-то птицы.
Белы, как мел, страницы.
Карандаши сидят, грустят
В коробке,
Как в темнице.

КОВЕР

Вот вынесли во двор
Большой цветной ковер:
И чистят,
И трясут,
И даже палкой бьют.

“Зачем? – кричу я тете. –
Зачем ковер-то бьете?”
А тетя говорит:
“Он пылью был набит.

Он станет как картинка,
Когда его побьем.
Уж ни одна пылинка
Не заночует в нем”.

НАТАША

Издалёка девочка
Приехала к нам жить.
Не умеет девочка
По-русски говорить.

Зовем ее Наташею,
С собою в лес берем
И говорить по-нашему
Учим всем двором.

ТЕМНОТА

Боится мальчик Федя,
Боится темноты:
То чудятся медведи,
То дикие коты.

В углу белеет шапка,
А Феде не до игр.
Бежит,
Дрожит:
“Ой, папка!
Там притаился тигр!”

ЛИСТЬЯ

Большому небу нет границ.

Земле не видно края.

И всюду звон

Счастливых птиц:

Поют не умолкая.

Над рощей облако плывет,

Цветет в лучах рассвета.

И листья просятся в полет,

Да не пускает лето.

ПО ЯГОДЫ

Мы с Тоней по лесу идем,
По травам и цветам.
Мы, если ягоды найдем,
Поделим
Пополам.

В лесу и сыро, и темно,
А нам не страшно все равно,
Шепчу я смело:
“Ты не трусь!
Я даже волка не боюсь”.

ПЧЕЛЫ

Пчелы роем-хороводом
Собрались лететь за медом.
Сад цветет,
Луг цветет –
И везде душистый мед.
Так и носятся по кругу,
“Жу! Жу! Жу!” –
Кричат друг другу.
Улетят и вновь кружат,
Урожаем дорожат.

ГРИБЫ

Трава, умытая дождем,
Блестит и ниже клонится.
А мы грибы искать идем,
Они от нас хоронятся.

Шумят березки и дубы.
Цветами пахнет сладко.
Молчат грибы,
Весь день грибы
Играют с нами в прятки.

ИСКОРКИ

Разгорелся наш костер,
Так и пышет пламя.
Дым до неба
Он простер,
Сделал облаками.

Тишина в кругу ребят:
Не шумят,
Не ссорятся.
В небо искорки летят,
Звездами становятся.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошел,
Прошумел –
Сразу сад помолодел.
Стала гуще трава,
Ярче неба синева.
Шире листья у берез...
Только Шарик не подрос.

Лес подрос,
Засеребрился.
А щенок у нас пока
Шумно фыркать научился
И отряхивать бока.

ЛЕСНОЙ ТЕЛЕФОН

В шалаше у нас трезвон –
Не смолкает телефон.
На черемухе скворцы
Распевают хором:
“Подрастают огурцы,
Зреют помидоры!”

С поля ласточка звонит:
“У овса отличный вид.
А еще совсем не плох
В длинных стручках горох”.

И сказала пчелка тихо:
“До чего бела гречиха!”
Крикнул жаворонок с неба:
“Что я вижу?
Море хлеба!”

Из дубравы стал медведь
Оглушительно реветь:
“Я объелся вкусных ягод,
Опасаясь заболеть”.

Разговаривать с рассвета
Начинает телефон.
Вести солнечного лета
К нам летят
Со всех сторон.

ЕЛКИ

Рядами зеленые елки
Стоят на горе за рекой.
Косматы их ветки
И колки,
Не тронешь их голой рукой.

А тронешь,
То охнешь от боли...
Но елки не просто стоят,
А поле, широкое поле
От грозного лиха хранят.

Овраги к полям подступают,
Грозят разорвать на куски
Но елки
Навстречу шагают –
И руки у них коротки.

ПЕТУХ

Всякий горя наберется
С нашим черным петухом.
То и дело он дерется,
Поднимает
Пыль столбом.

Любит рано просыпаться
И горланить во весь дух.
Не могу ни с кем подраться,
Скажут:
“Вот еще петух!”

РАКИТА У ПРУДА

Стоит ракита у пруда
С какой поры – не знаю.
Была когда-то молода,
Теперь она седая.

Ей все кусты давно друзья
Над тихой водою.
Не помнит бабушка моя
Ракиту молодою.

Но вот играть сюда придут
Мальчишки и девчонки,
И сразу вспомнит старый пруд
Ее, как прутик, тонкой.

КАЛИНКА

Калинка любит край полей
И травянистые места.
Веревка тянется
За ней
Как продолжение хвоста.

На той веревке
Едет клин.
Скажу я без утайки:
Скоту он строгий господин
И верный друг хозяйки.

Посадят в землю глубоко
Стального гражданина –
И не уходит далеко
Послушная скотина.

КУМАНИКА

За рекой гора Кавказка,
А внизу, где шум воды,
Куманика-синеглазка
Бережет свои плоды.

Берег детства, помани-ка!
Сказка давняя жива.
Куманика-голубика
Тихо вяжет кружева.

Подойду, раздвину ветки:
“До чего же хороша!”
Чуть не выскочит из клетки
Беспокойная душа.

Вьется, словно повилика.
Источает аромат
Куманика-ежевика,
Наш орловский виноград.

Я сказал бы ей словечко,
Но от шума вдалеке
Водяной сидит у речки
С тонкой удочкой в руке.

Тишины он друг великий,
И ему не нужен шум.
Не чужой для куманики,
А надежный сват и кум.

НА ГОРЕ

Птицеферма стоит на горе.
Там поют петухи на заре
И такой вдруг концерт
Начинается,
Что четыре села просыпаются.

На горе от хохлаток бело,
Будто снега сюда намело.
Суетня-беготня затевается,
Кот придет
И, как в море, скрывается.

СКВОРЕЦ

В деревянный свой дворец
Прилетел вчера скворец.
Стал солому приносить
И постель себе стелить.

Я собрал в саду ребят.
Смотрим,
Смотрим на дворец:
Скоро ль маленьких скворчат
Заведет себе скворец?

ЧЕРЁМУХА

Веселое дело –
У наших ворот
Черемуха в белом,
Как вишня,
Цветет.

Плывет по поселку
Ее аромат.
К черемухе пчелки
За медом летят.

И птицам не тесно
На ветках у ней.
Здесь лучшие песни
Поет соловей.

МАСТЕРСКАЯ

Не идем, а летим:
Мы послушать хотим,
Как стучат день-деньской
Молотки в мастерской.

У порога до поры
Отдыхают топоры.
А пила сосну и дуб
Смело пробует на зуб.

Вот работа
Так работа!
Нам самим пилить охота.
“Можно нам?
Можно нам?” –
Пристаем мы к мастерам.

Через луг домой идем.
А опилки с нас – дождем.
Вот такую мастерскую
Мы и дома заведем.

РУЧЕЕК

Веет, веет ветерок
С теплой стороны.
Запеваает ручеек
Песенку весны.

Нам от песенки такой
Стало веселей.
Зашумел овраг рекой,
Снег сошел с полей.

Ручеек бежит, поет,
Он неутомим.
И уже скворец живет
В домике над ним.

КОТ НА ПНЕ

Кот сидел и спал на пне,
Шевелил усами,
Видел мышек он во сне
С длинными хвостами.

К ним подкрадываться стал.
Глядь –
Ох, как обидно:
Сам себя за хвост поймал,
А мышей не видно.

Огляделся кот сурово
И зажмурился опять,
Чтоб мышей увидеть снова
И на этот раз
Поймать.

НА ОПУШКЕ

Дуб стоит на опушке.
Листья дуба как медь.
Уверяют кукушки,
Что пора зеленеть.

Соловьи на рассвете
Знай поют о весне.
Спит в орешнике ветер,
Видит лето во сне.

Соловью и кукушке
Дуб не верит никак.
Гром ударит из пушки —
Сбросит шубу чуждак.

СТОГ

Не сразу вырос под окном
Большущий стог,
Почти как дом.
Не сразу
Моська тут залег,
Стал сторожить душистый стог.

Трава росла, и росы
Блестели на заре.
Потом запели косы
В логу и на бугре.

Мы травы по колено
Срезали до земли.
Потом сушили сено,
Грузили и везли.

ЛИНАЙКА

Линайка – наш теленок.
Был голос тих и тонок.
Вдруг стала,
Как медведь,
Внушительно реветь.

Попробуй угадай-ка,
Что стала есть Линайка?
Пока не надоест,
Сухие листья ест.

Так дела не оставим
Под крышею небес.
Линайку мы отправим
Для прожиганья в лес.

За все ее проказы
Погоним в лес не сразу.
Чтоб выросли рога,
Пошлем ее в луга.

Широкими шагами
Пойдет гулять лугами
И вырастет, авось,
Рогатою,
Как лось.

ИГОЛКИ

Душистый воздух жадно пью
В полях
Вдали от дома.
Иду по колкому жнивью
За свежую соломой.

От рощи веет ветерком,
Ногам ничуть не колко:
Под колесом и башмаком
Ломаются иголки.

Их запахать пришла пора.
Шумит-гремит округа.
Рычат все ближе трактора,
Позвякивая плугом.

КАПУСТА

Была похожа на лопух,
Но туча приказала –
Пошла стараться
Во весь дух
И завязь завязала.

К листу листок,
К листу листок –
Не будет место пусто.
И наступил последний срок:
Красуется капуста.

Срезай кочан
И в дом тащи.
Осталось постараться –
И будут щи,
Такие щи,
Что трудно оторваться.

В ТЕЛЕГЕ

Никакой не надо нам игры:
Мы в телеге катимся с горы.
Мы ничуть в телеге не молчим,
“Погоняйте!” –
Дедушке кричим.

Отвечает дедушка Игнат:
“Я и сам проехать рысью рад.
Но гора такая, удалцы,
Что рассыплю вас,
Как огурцы”.

Он сошел,
Взял лошадь под уздцы,
Осторожно, медленно пошел...
А в телеге пели “огурцы”:
“Хорошо нам ехать, хорошо!”

МАНЯ

Живет собака Маня,
Встает она чуть свет.
Родители в тумане,
А предков вовсе нет.

Они, конечно, были,
Нельзя же просто так.
Но их давно забыли,
Не вспомнятся никак.

В каком лежат кургане
И был ли долгим век?
Сидеть умеет Маня
Почти как человек.

Когда лежит – не лает,
Когда стучат – рычит.
Все речи понимает,
Но вежливо молчит.

Глядит на мир любовно,
Характер добрый дан.
И только в родословной
У ней большой изъян.

Она ж собака. Маня.
А псы – такой народ...
Есть даже Коли, Вани,
А свой не знают род.

ТАНЯ

Страницы шуршат,
Открываются Тане.
Там буквы стоят,
Как грибы на поляне.

Все буквы знакомы,
Все Таню встречают,
И девочка дома
Одна не скучает.

Живут на страницах
И звери,
И птицы.
И с ними не страшно ничуть
Подружиться.

МОСТИК

На речке вырос мостик –
И все ребята рады:
Нам к тете Тане в гости
Теперь кружить не надо.

Столбы его не шатки,
Настил не подведет.
Наш мостик,
Как лошадка,
Всех-всех перевезет.

ЕГОРКА

Говорит Егорке мать:
“Надо сучьев наломать”.
А Егорка морщит рот:
“У меня болит живот”.

Принести воды попросит –
Наш Егор сидит голосит:
“Я дорогу не найду.
Я в колодец упаду”.

У Егорки отговорки
Так и сыплются дождем.
Мы дружить с таким
Егоркой
Подождем.

ЗОЛУШКА

К нам принес котенка Ромка.
Не котенок –
Сущий бес.
Прыгал он,
Мяукал громко,
В блюдце мордочкой залез.

Ночью в доме все уснуло.
Вдруг котенок озорной
Уронил себя со стула
И попал в ведро с золой.

Мы котенка отмывали
В белой чашке у окна.
Тут же Золушкой назвали
Дорогого шалуна.

Шли года.
Росли котята.
Постарела кошка-мать.
Все, что было с ней когда-то,
Начинает забывать.

Любит очень прислониться
К теплой печке в холода...
Что-то снится,
Что-то снится,
Не расскажет никогда.

КОСТРЫ

Над Окой горят костры.
Языки у них остры:
К небу приближаются,
С темнотой сражаются.

Мы в огонь несем хворост,
Выше, выше вырос хвост,
Чтоб любые сказки
Слушать без опаски.

Мы таким большим огнем
Страхи ночи отпугнем...
Над Окой
Костры пылают,
Над Окой
Светло как днем.

ЧИБИС

Над дорогою облако тает,
Вдалеке зеленеют кусты.
Черный чибис
Над нами летает.
“Чьи вы? Чьи вы?” – кричит с высоты.

Мы ему отвечаем с тропинки:
“Ну зачем надрываешься, друг?
В лес Драгунский идем мы с Фоминки!
Тут для нас все родное вокруг”.

Не устал он
Над нами кружиться.
“Чьи вы? Чьи?” – раскричался опять.
Что поделаться с назойливой птицей:
Ни словечка не может понять.

ГОРОД У РЕЧКИ

Ласточкин город у речки
Клювами сотворен.
Маленькие человечки
Выглядывают из окон.

Сумрак ночной растает,
День суетой богат.
Жители вылетают
И над водой кружат.

Если дожди и громы,
Все остаются дома.
Выглянут и опять
Будут спокойно спать.

Снег упадет на хаты,
Станет река ледяной.
Все улетят куда-то,
Но прилетят
Весной.

КОМАРЫ

Дождь прошел.
Сверкают лужицы.
Смотрит радуга с горы.
Комары над лугом кружатся,
В небе пляшут комары.

Поднимаются все выше,
Выше сада,
Выше крыши.
И Сережка говорит:
“Глянь-ка, облако летит!”

На луг облако снижается
И к Сережке приближается.
Вот он руку протянул,
Закричал:
“Оно кусается!”

В СУМЕРКАХ

Где лучи резвились,
Прыгая в окно,
Сумерки явились,
Сделалось темно.

Ни полей не видно,
Ни раakit,
Ни хат.
Стало мне обидно,
Ничему не рад.

Ночь, как ведьма злая,
К нам идет с полей...
Вдруг
Дружок залаял –
Стало веселей.

КОЛОБОК

Тетя Таня месит тесто,
Говорит мне:
“Шалунок,
Положи клубок на место,
Брось, пожалуйста, клубок”.

“Вовсе это не клубок, –
Говорю, – а колобок.
Положу – беда случится,
Может съесть его лисица”.

МЯЧИК

Мячик по полю бежит,
Мячик по лугу кружит.
Он кусты любого роста
Перепрыгивает просто.

Скачет мячик по дорожке,
Не дает покоя всем.
Ну а если
Были б ножки,
Он сбежал бы насовсем.

МУЗЫКА

Дядя Петя на рассвете
Стадо собирает.
На ремне у дяди Пети
Музыка играет.

Роща слушает, смеется,
Головой качает.
Стадо весело пасется,
Стадо не скучает.

Даже заяц быстроногий,
Что бежал полями,
Встал как столбик у дороги,
Шевелит ушами.

Приутих бродяга ветер,
Слушает, вздыхает...
Хорошо у дяди Пети
Музыка играет.

ГРУША

Миша грушу посадил,
Грушу как тростинку.
Поливать ее ходил,
Проложил
Тропинку.

Груша воду все пила
И росла себе, росла,
Ветки вскинула до неба,
Солнце в гости позвала.

Подружилась с соловьями,
С песней-серебринкой
И осыпала цветами
Мишину тропинку.

ЗВЕЗДОЧКА

Стукнул вечер в окно –
Сразу стало темно.
Я гляжу из окна:
Вышла звездочка
Одна.

Тонкий вытянула хвостик,
Свет на землю льет и льет,
Хочет к нам пробраться в гости,
Да дорогу не найдет.

Летний ветер ходит лугом,
На земле у нас тепло...
А на небе звездной вьюгой
Все дороги замело.

КУКУШКА

Кукушка сидит на суку,
И громкое слышно: “Ку-ку!”
Кукушка по лесу летает,
Дубы и березы считает.

Считает, считает – собьется,
На ветку присядет устало.
А утром за дело берется,
Считает деревья сначала.

ФИЛИН

Вьются мошки, стрекочут сороки,
Гулко дятел стучит по коре.
Только филин вздыхает глубоко,
Никуда не летит на заре.

Даже зайка выходит из чащи
И, любуясь, глядит на цветы...
Серый филин вздыхает все чаще,
Не дождетя никак темноты.

На смех филина все поднимают,
Шелестит, усмехаясь, трава.
Лишь сова чудака понимает,
Тоже с солнцем не дружит сова.

ЗАЯЦ

Проснулись звери и зверушки...

Хлопот у зайца

Полон рот:

Присядет серый на опушке,

Проворно щавель свой жует.

Легко спугнуть его шагами.

Услышит шорох –

Задрожит,

Тряхнет широкими ушами

И в чащу леса убежит.

Он там с зайчатами играет,

Резвится даже кувырком...

А на рассвете собирает

С травинок звезды языком.

В ЛОДКЕ

Мы с дедушкой в лодке
По речке плывем.
Кричит он:
“Смелее
Работай веслом!”

От этой работы
Я песни пою
И солнце из речки
Веслом достаю.

КУСТ

Куст вихрастый молодой
Наклонился над водой.
Перед ним плывет карась,
Рыболова не боясь.

Ясно с берега видна
Серебристая спина.
Облака гуляют стайкой
В глубине речного дна.

Ничего не видит куст.
Он стоит высок и пуст,
Наклонился над водой,
Все любит себя собой.

ЧИЖИК

Коля клетку выстроил
И наружу выставил.
Славный чирик в ней живет,
Только песен не поет.

Упросил я Колю
Дверь открыть на волю.
Чирик порхнул,
На ветку сел
И спасибо
Нам пропел.

ПОДСНЕЖНИК

Прилетели в сад сороки,
Снег ручьями зажурчал.
Встал подснежник на припеке,
Головою покачал.

Призадумался немножко
На высоком бережку
И в зеленые ладошки
Взял по белому снежку.

“Что случилось? – грач гадает. –
Лед уходит по реке,
А снежок никак не тает
У подснежника в руке?”

ХОЛОДОК

Игорек в один присест
Три мороженого съест.
Уверяет Игорек:
Поедает холодок.

Ест и ест с утра до ночи,
Будто нет важнее дел.
Мы зимой
Боимся очень,
Как бы он зиму не съел.

КОТ НА СНЕГУ

У кота сверкают пятки.
Он разут – не то что мы.
Убегает без оглядки,
Убегает от зимы.

И на то, как снег искрится,
Кот не думает глядеть.
Он боится простудиться
И ангиной заболеть.

В дом вбежал –
На печку прямо:
Греет лапы,
Греет нос.
Посмотрел на кошку-маму –
Вздрыгнул:
Думал, дед Мороз.

РУКАВИЧКА

Сане нынче не везет,
Он стоит и слезы льет.
Плачет невеличка:
“Где же рукавичка?”

Всю мы горку исходили.
Как же быть с такой бедой?
Саню в санки посадили,
Повезли его домой.

Стали Саню раздевать
Возле печки на диване.
Сняли шапку,
Шубку –
Глядь:
Рукавичка спит в кармане.

ВЕТЕР

Дед Мороз рисует елки
Белой кистью на стекле.
Ветер лютый,
Ветер колкий
Разгулялся по земле.

Бьет снежками он в ворота,
Жучку гонит в конуру.
Он в трубу орет мне что-то –
Ничего не разберу.

То ль зовет меня кататься,
То ли хочет в дом забраться
И на теплую печь
Рядом с дедушкой прилечь.

СНЕЖИНКА

Снежинка летела,
Снежинка летела,
В ладошке моей
Отдохнуть захотела.

Присела, пригрелась,
Пропала снежинка.
В ладошке лежит и сверкает
Слезинка.

ГОРА

Как у нашего двора
За ночь выросла гора.
И на лыжах – эх!
И на санках – ух!
Разгоняются ребята
И несутся
Во весь дух.

А стемнеет –
Станет тихо,
Очень тихо у двора...
Как огромная слониха,
Спит, умаялась гора.

ПОД ЕЛКОЙ

Новый год!
Новый год!
Зашумел лесной народ.
Волк играет на баяне
И под елку всех зовет.

Говорит прохожим всем:
“Никого теперь не ем.
Никого не кушаю,
Только песни слушаю”.

Подкатил колючий еж
И сказал: “Ну что ж! Ну что ж!
Я не прочь плясать под елкой.
Я на елку сам похож”.

Волк и зайца зазывал.
Заяц мимо проскакал,
Крикнул издали в ответ:
“Не пойду! Колючек нет!”

ГАЛКА

Галка сильно заболела
Потеряла дом,
Семью.
Через форточку влетела
Прямо в комнату мою.

Стало галку очень жалко,
Накормил я булкой галку,
Уложил ее в кровать
И оставил ночевать.

Я потом ее лечил,
Разговаривать учил.
И теперь она чуть свет
Мне кричит:
“Прривет!
Прривет!”

ВОРОБЬИ

Воробьи летают стайкою,
Ищут зерен закрома.
Но сердитою хозяйкою
По селу идет зима.

Холодами занавесила
Все владения свои...
Все равно резвятся весело
Работяги-воробьи.

ЧЕРНОМОР

За окном белеют горы.
А за печкой в тишине
Бабушка про Черномора
Сказку рассказывает мне.

“Эй, скорее собирайся!” –
Мне кричит сосед Егор.
Говорю: “Один катайся.
Не пускает Черномор”.

ЖДУ ВЕСНУ

И лодка больше не плывет,
И не кричат лягушки.
Теперь такой на речке лед,
Что не пробьешь из пушки.

Ушли все рыбки в глубину
И там в потемках маются.
Я жду весну,
Я жду весну:
Весною лед сломается.

НА ДВОРЕ

На дворе лежит под крышею

Сено – целая гора.

Поднимаемся все выше мы:

Травку потчевать пора.

Корм несем большой охапкою

Во второй и третий раз.

Станет Травка

Новой Рябкою,

Молоком напоит нас.

КРОКОДИЛ

Приснился Коле крокодил,
Спросил он грозно Колю:
“Не ты ль недавно получил
Две двойки сразу в школе?”

Ножом не ты ли вырезал
За партою узоры?
Не ты ль к калитке привязал
Котенка, как Трезора?

Вот я возьму тебя и съем
За этикие штуки!”
Был с перепугу Коля нем,
Дрожали ноги-руки.

А встал – учить уроки стал,
Совсем переменялся:
Пошел – котенка отвязал,
За парту извинился.

Ребятам больше не грубил
И лучше стал учиться...

Мы ждем:
Когда же крокодил
И Славику приснится?

ЗИМА

Ветер снегом, словно мелом,
Побелил у нас дома.
В белой шубке,
В шапке белой
По селу идет зима.

Брови белые нахмурия,
Поглядит она –
И вот
Затекает ветер бурю,
Еле виден небосвод.

А наутро рассмеется,
На сугробы кинет взгляд –
И капли у колодца
О весне заговорят.

ПОЛЕ

Морозам злым и ветрам шалым
Гулять по свету не впервой.
Укрылось поле одеялом
Из белой крупки снеговой.

И в бурю держится упорно,
С набегом справится любым,
Чтоб зелеными стали зерна
И даже морем золотым.

СТУЖА

Молчит река, морозами закована.
Проворных рыб украла глубина.
В окне так много елок нарисовано,
Что ничего не видно из окна.

Земля от стужи лютой задыхается.
Никто в лесу нам песен не поет.
Под стогом заяц
Сеном укрывается,
Лежит-дрожит
И жаворонка ждет.

ПТИЧНИК

Тут солома весь день шевелится,
Кукарекает,
Пляшет,
Поет.

В этом доме – домашние птицы:
Что ни клюв, то разинутый рот.

Им уютно под крышей живется,
Не пугают мороз и пурга.
А в окне туча белая вьется,
Собираются в горы снега.

ЗВЕЗДОЧКИ

С неба звездочки слетели,
Жить в деревне захотели,
Принесли нам
Яркий свет.
Темной ночи
Больше нет.

В поле вьюга завывает,
По лесам темным-темно.
А у нас
Заря играет
И всюду идет кино.

ПРОТАЛИНЫ

Сугробами завалена
Вся улица была.
Но вот пошли проталины –
И к нам весна пришла.

Ни горки,
Ни ухаба я
Не вижу – ровный вид.
Земля, как Рябка, рябая
За окнами лежит.

У ПОРОГА

На дворе сверкают лужи,
Речке тесно в берегах,
И ушла куда-то стужа,
Видно, спряталась в овраг.

Вроде девочки-подростка,
К дому близко подойдя,
Белоногая березка
Ловит капельки дождя.

Листьев нет.
И стала сразу
И нарядней, и милей.
Бисеринки, как алмазы,
В косах светятся у ней.

КАПЕЛИ

Капели с крыши кап да кап,
А солнце дальше грело:
Мороз на улице ослаб,
И небо засинело.

Все воробьи
Из-за застрех
Летят смотреть,
Как тает снег.

О лете на припеке
Беседуют сороки.

На месте Оля не стоит,
Бежит, подруг толкая.
Капели ловит, говорит:
“Вон ты, весна, какая!”

СНЕЖОК

Разлилась река, и вот
В дальний путь собрался лед.
Я снежок на льдину брошу:
Пусть до моря доплывет.

Ты плыви, плыви, снежок,
Не забудь наш бережок.
Прилетай зимой обратно
С белой тучкою, дружок.

АПРЕЛЬ

Солнце. Апрель родился.
Водами пенится лог.
В темных полях заблудился
Рыжий соломенный стог.

Запах и горек, и сладок.
Суслик вдали засвистал.
Стая взвилась куропаток.
Заяц на цыпочки встал.

Снег потемнел и потаял.
Холод ушел за холмы,
Только в овраге оставил
Белую шапку зимы.

ДОРОГА

Выше крыши,
Выше стога,
Как заря, светла,
Журавлиная дорога
В небе пролегла.

Журавли за морем были
В жаркой стороне,
А дорогу не забыли
В край родной,
Ко мне.

НА СОЛНЦЕ

На солнце лед ломается,
Река забот полна:
За дело принимается
Погожая весна.

Погожая,
Пригожая,
У неба на виду,
На девочку похожая,
Что бегаёт в саду.
Там воробьи вприпрыжку
Вошли в большой азарт,
Как резвые мальчишки
Вдали от книг и парт.

РУЧЕЙ

Чей? Чей?
А ничей
По оврагу шел ручей.
Прыгал-прыгал по камням
И припрыгал
Прямо к нам.

Он спросил:
“Вы не видали,
Где река
И море где?”
Мы лопаткой показали
Путь ручью к большой воде.

ЗЯБЛИКИ

Шумит боярышник, но зяблики
На землю с веток
Не слетят:
Они в гнезде, как на кораблике
В каюте крохотной, сидят.

Дрожит листва,
Гнездо качается –
Они плывут себе вперед,
Туда, где синий мая кончается,
А лето красное цветет.

МАЛЫШ

Скребется он и стучает
У запертых дверей.
Потом как замяукает:
“Открой!
Открой скорей!

Совсем зима замучила.
Весну и ждать устал.
Голодный,
Замяученный,
Он даже плакать стал.

Малыш у печки греется,
В глазах – кусочки сна.
Теперь-то он надеется:
Придет, придет весна!

В САДУ

“Каррр!” – в саду кричит ворона,
Утка бродит: “кря” да “кря”.
Моська держит оборону,
Лаает он совсем не зря.

Два кота сошлись подраться,
Два сразились петуха.
Рассердился Моська:
“Братцы!

Ваша жизнь совсем плоха.
Скучно, муторно и горько
Перья рвать
И драть хвосты.

Где ручьи сбегают с горки,
Столько всякой красоты.
Посмотрите вместо драки,
Как река-то широка.
Даже вредные собаки
Ходят мирные
Пока”.

РЫБОЛОВ

Саша с удочкой в руке
Загорает на реке.
Сдвинул кепку на макушку,
Пескаря большого ждет.
Шепчет:
“Папа, а лягушка
На крючок не попадет?”
До заката ловит рыбу.
Трех поймает пескарей,
Скажет речке:
“Ну, спасибо!”
И домой бежит скорей.
А назавтра у раки
Снова с удочкой стоит.
Уж над ним смеяться стали
И ерши, и окуньки:
“Крепко мы его поймали –
Не отходит от реки”.

КРОЛИКИ

Выросли у Толика
Три пушистых кролика.
В белых шубках во дворе
Что-то ищут на заре.

За ворота побегут –
Луг старательно стригут,
А когда уже стемнеет,
Ночевать
Домой
Идут.

Толик встанет у дверей:
“Эй, ушастики, скорей!”
И бегут к нему зверьки,
Как из сказки колобки.

ЖАВОРОНОК

Целый день над головой
Колокольчик полевой.
Тесен луг,
И тесен лес,
Знай звенит среди небес.

Вьется крохотный комочек,
Не боится ничего.
В каждом перышке
Звоночек
Так и бьется у него.

ГОРНИСТ

На лугу росистом
В ранний-ранний час
Музыка горниста
Разбудила нас.

Утро услыхало,
С нами встало
В строй,
Галстук повязало
Алый,
Огневой.

ЗАРЯДКА

Вероника делает зарядку
Посреди широкого двора.
Говорит сестренке:
“Для порядка
Я тебя учить буду – пора!”

Маленькая Галя понимает:
Это не какой-нибудь каприз.
“Руки вверх!” –
Ручонки поднимает.
“Руки вниз!”
Ручонки тянет вниз.

До чего смышленная девчонка!
До чего умелая она!
Даже Юта,
Юта-собачонка,
Глаз не сводит, сидя у окна.

ЛУЧ

Облаков медлительная стая
Проплыла и скрылась вдалеке.
Солнца луч, как рыбка золотая,
Целый день купается в реке.

Шумно лету радуются птицы,
В поле рожь волнуется, шурша.
И душа как вольная царица –
Добротою полнится душа.

КАРТИНКИ

Ведет тропинка по полям.
Шагаем по тропинке.
Она показывает нам
В родном краю
Картинки.

Вот сад,
Вон лес,
Тут зелены,
А там река смеется.
Купаясь в небе и звеня,
Вон жаворонок вьется.

Бежит тропинка по лугам,
Ведет в лесные чащи
И всем наказывает нам
Ходить по ней почаще.

ЗВЕЗДА

Звезда над крышей светится,
Как точка золотая.
Хочу я с нею встретиться,
А как лететь –
Не знаю.

Я лестницу-чудесницу
Подставить к ней хочу.
А может, как Гагарин,
В ракете полечу.

ЕЖИКИ

Там в тени кустов густых
Отдыхают ежики.
Иглы частые у них,
Острые,
Как ножики.

Волк попробовал напасть,
Исколол, изрезал пасть.
Говорит теперь сердито:
“На ежей нет аппетита!”

СОЛОВЬИ

До чего ж они густы,
Соловьиные кусты!
До чего красиво тут
Соловьи
У нас поют!

От утра до темной ночи
Строят гнезда
И свистят.
Хоть и маленькие очень,
Жить без дела не хотят.

КОТЯТА

Шкаф как гора.
Под той горой
Мелькают лапки белые.
Слышны вечернею порой
Мяуканья несмелые.

Зову котят на молоко –
Усилилось движение:
Мурлыки ценят высоко
Такое обхождение.

ОДУВАНЧИК

Он стоит на тонкой ножке
У тропинки луговой.
Вьются птицы,
Вьются мошки
Над кудрявой головой.

Дунет ветер – и пусты
Все его карманчики:
Будут новые цветы,
Дети одуванчика.

ТРОПИНКА

Через рожь бежит тропинка,
Солнцем опаленная.
У тропинки этой спинка
Очень запыленная.

Васильки ей шлют привет,
Подбегая близко.
А березы смотрят вслед,
Кланяются низко.

МЕСЯЦ

Высоко над крышей,
Над горой крутой
На прогулку вышел
Месяц золотой.

Было тихо-тихо,
Ветер чуть шумел,
И цвела гречиха,
Белая, как мел.

Головою свесясь
С высоты своей,
Загляделся месяц
На простор полей.

ТРОСТНИК

Тростник шумит у речки:

“Рассвет идет, рассвет!”

А речка ни словечка

Не говорит в ответ.

А речка отдыхает

Под крышей голубой.

Стоит тростник, вздыхает:

“Ох, горе мне с тобой!”

Уже свистят синицы

В березах на лугу,

А я договориться

С тобою не могу”.

Вот солнце разыгралось

Над крышами села.

И речка рассмеялась:

Она и не спала.

ЧЕРДАК

Я по лесенке вот так
Забираюсь на чердак.
Там подолгу я сижу,
В небо темное
Гляжу.

В стороне лежит деревня,
В тишине шумят деревья.
Мой чердак, как самолет,
Прямо к звездам
Курс берет.

ГОРОШИНА

Жила-была горошина,
Лежала на окне.
“Тут место нехорошее, –
Пожаловалась мне. –
Я в путь хочу пуститься
К горошинам другим.
Хочу к моим сестрицам
И к братцам дорогим.
К примеру, не мешало бы
В кладовку пересесть”.
Но я
Не принял жалобы –
Оставил все как есть.

Нарушена,
Порушена
Отныне жизнь моя.
Стою и грохот слушаю.
Что делать мне, друзья?
Как под тяжелой ношею
Живу. Какой конфуз!
Явились три горошины –
И каждая с арбуз.
За ними следом новые,
И все не перечесть:
Заполнили столовую –

Ни стать уже,
Ни сесть.

Громадные, как бочки.
На кухню влезли, в зал...
Тут я поставил точку –
Горошину убрал.
Большое безобразие
Сумел я устранить...
Но скучно без фантазии,
Друзья, на свете жить.

РОДНИК

Уйти к реке заставил зной.
Смотрю – родник передо мной:
Блестит и воду подает
Совсем холодную,
Как лед.

Себе дорогу много дней
Он пробивал среди камней.
Зато бежит себе к реке,
И солнце светится в руке.

ЯБЛОКО

Яблоко упало, покатилося,
Закатилося в дальний уголок,
Где трава под звездами светилась,
Шелестел ветвями ветерок.

Яблоко упало – не пропало,
В нем запело
Главное зерно:
Проросло и яблонькою стало,
Потянулось к солнышку оно.

РУКАВИЦА

День лучами золотится,
А у нас – игра в футбол.
Мы гоняем рукавицу,
Загоняем ею гол.

Очень старая она,
Никому уж не нужна.
А в игре вполне сойдет.
Эй, гони ее вперед!

Поиграем,
Поглядим –
Может, Жучке отдадим.
Может, наша рукавица
Для чего-нибудь годится.

СТОЛБЫ

Бегут туда,
Бегут сюда
Машины быстроногие.
Висят недвижно провода
Над мокрою дорогою.

Из-под колес вода и грязь,
Как веер, во все стороны...
Стоят столбы и держат связь
В стаканчиках фарфоровых.

Слова невидимо бегут
По проводам, как конница.
Снуют машины там и тут,
За ними не угонятся.

ТИШИНА

Спит за тучами луна.
В нашем доме – тишина.
Шепчет мама:
“Ох, малыш,
Что же ты никак не спишь?”

Отвечает маме смело:
“Тишина мне надоела.
Не могу при ней заснуть.
Расскажи-ка что-нибудь”.

ДРУЗЬЯ ПОЭТА

Здесь жил поэт,
В рубашке белой
Стоял над розовой рекой.
И соловьями утро пело,
Звенело песенной строкой.

Когда война была на Зуше,
Тут пулемет по нашим бил.
В землянке немец марши слушал
И рощу низкой находил.

Ушла война.
И снова лето
Ковры раскинуло свои.
Поют, как прежде, в роще Фета
Друзья поэта – соловьи.

БЕРЕГ ДЕТСТВА

Сказал поэт:

“Милее края нет...”

Где я живу,

Мой прадед жил когда-то,

Где в роще занимается рассвет

И тонет в поле зарево заката.

С отрадой редкой память ворошу,

Зеленый берег детства вспоминая.

Твоим чистейшим воздухом дышу,

Моя земля,

Страна моя родная.

РАКИТА

У дороги ракита стоит,
Машет веткой пушистой и тонкой,
А над ней жаворонок звенит,
Веселит ее песенкой звонкой.

Подступает высокая рожь,
Днем и ночью шептаться готова.
Ветерок на мальчишку похож.
Ей бросает приветное слово.

Вся земля ей как добрая мать –
От реки до лазурного свода...
Землю рада ракита обнять,
Заслонить от шальной непогоды.

КОТ БАЮН

На лугу коней пасли мы,
Дружно песни пели.
В небе звездочки,
Как сливы,
До утра горели.

Поднялась заря повыше,
Потонул в тумане сад.
Кот Баюн
Из сказки вышел
И напал на всех ребят.

РОДНЯ

Не надо нам орудий,
Не нужен пулемет.
В войну играть не будем,
Игра иная ждет.

Поближе попрошу я
Всех подойти ребят.
Играй
В родню большую!

Ты – брат,
Ты будешь сват.
Ты – шурин, ты – невестка.
А вы – золовка, зять.
Отец на первом месте.
Еще первее – мать.
Ты – дедушка,
Ты – бабушка.
А дальше – пра и пра...
Пора садиться рядышком,
Родниться всем пора!

КЛЕНОК

Невысок и одиноч
У дороги встал кленок.
Развернул зеленый зонтик –
Получился холодок.

От машин земля дрожит,
Ветер в сторону бежит.
А кленок не сходит с места,
Он дорогу сторожит.

ОБЛАКО

Подымает облако
Парус белый свой.
Проплывает облако
Низко надо мной.

Видит все травинки,
Слышит шум ручья
И везет дождейки
В знойные края.

Вволю там напляшется
Ливень проливной.
Небо подпояшется
Радугой цветной.

РОЩА

Белая роща стоит на горе,
Лучшие песни поет на заре,
Двери для нас открывает,
В гости к себе зазывает.

Мы под высоким навесом идем,
С веток спадают росинки дождем.
Там, где упали росинки,
Пахнут грибами тропинки.

В ПОЛЕ

Где пробегала вьюга вскачь
И ветер выл протяжно,
По черной пашне
Черный грач
Расхаживает важно.

Взмахнет он крыльями, крича,
Летит на гул моторный,
Где тракторист,
Черней грача,
Сидит в кабине черной.

Хвостатым облаком стоит
Над полем пыль густая,
Где жарким летом зашумит
Пшеница золотая.

ПАШНЯ

Моторы гулко загудели,
Полями тракторы спешат.
Грачи на пашню налетели
И дружно землю ворошат.

Грачи работают проворно.
За плугом вытянулись в ряд.
Дождинки первые, как зерна,
Им прямо под ноги летят.

МОСТ

Давно два берега сдружил
Чугунный старый мост.
Как лев,
Он лапы положил
На каменный помост.

Бежит вода,
Зовет вода:
“Пойдем, пойдем со мною!”
Не дозовется никогда –
Ни летом,
Ни весной.

Снуют машины по спине,
Трамвай гремит-ползет.
А он не скажет: “Тяжко мне!”
И даже не вздохнет.

САМОЛЕТ

Луна из речки воду пьет,
В быстринке моет ноги.
Большущий белый самолет
Ночует у дороги.

Он удобренья вниз метал,
Как будто сыпал пылью.
Так наработался, устал,
Что заболели крылья.

Где он работал,
Встанет рожь
Высокими волнами...
Был на кузнечика похож,
Когда летел над нами.

ПОДСОЛНУХ

Возле нашего оконца
Он стоит как часовой.
Повернулся прямо к солнцу
И качает головой.

Поживем,
Подождем,
А настанет времечко –
Он в ладони к нам дождем
Будет сыпать семечки.

МЕДВЕДЬ

У дороги стал медведь
Оглушительно реветь:
“Притомились мои ноги,
Не дойду я до берлоги.

Я шагаю еле-еле.
Пчелы чуть меня не съели.
Эй, шофер!
Притормози,
К медвежатам подвези”.

Грузовик по лесу мчался.
Мишка в кузове сидел,
Всем прохожим улыбался
И ни разу не ревел.

МОСЬКА

Саша с Моськой – рыбаки,
Возвращаются с реки.
Щуки им не показали
Ни хвосты,
Ни плавники.

Моська страшно огорчился,
Что остался без еды.
Странный случай приключился
Под горою у воды.

До рыбалки пес косматый,
Знали все,
Был очень бел.
Удивляются ребята:
Перекраситься сумел.

Черный весь,
На черных лапах
Вдоль по улице идет.
Тростника тяжелый запах
Вместо рыбы к нам несет.

ЗА ЛЕСОМ

Лес деревьями тенист,
Соловьями голосист.
Наблюдаем с интересом:
Лес хорош,
А что за лесом?

Говорят,
Там рожь высокая.
Говорят,
Река широкая.
И еще там, говорят,
По ночам огни горят.

Мы глядим и верим в чудо,
Мы его весь вечер ждем:
Вдруг да вылетит оттуда
Птица с огненным пером.

ЖАР-ПТИЦА

Стали окна светиться.
Выхожу я во двор:
За рекою жар-птица
Зажигает костер.

Пышет алое пламя,
Достает облака.
Золотыми волнами
Заиграла река.

В двери утро стучится,
Вся в лучах вышина...
Ну а где же жар-птица?
Стала солнцем она!

ШАЛАШ

Сухой картофельной ботвой
Шалаш укрыли с головой.
И листья желтые, шурша,
Летят на плечи шалаша.

Осенний ветер воеет зло,
А нам и тихо, и тепло.
Холмится сено в головах.
Шалаш антоновкой пропах.

Закутан мглою небосвод,
Вот-вот зима
Прихлынет к нам.
Шалаш похож на пароход,
Плывет в тумане по волнам.

НАД РЕКОЮ

Над рекою костры полыхают,
В шумный круг собирают ребят.
Ближе к ночи костры потухают
И опять на рассвете горят.

Золотое спокойное пламя
Хорошо наблюдать нам с горы.
Это стали березы кострами
В ожидании снежной поры.

Все тропинки листвою одеты.
Но не стало тропинкам теплей:
Улетело зеленое лето
И на юг унесло журавлей.

ТУМАН

Из далеких синих стран
Поутру пришел туман,
Походил полями,
Лугом –
Получился океан.

Как большие пароходы
Стали сенные стога.
Рыжий месяц
Прыгнул в воду,
Потерял свои рога.

Лихо лает наша Дымка,
Поднимает громкий вой.
Стала Дымка
Невидимкой
Вместе с темной конурой.

В САДУ

Давняя картина все дороже:
Вижу осень в поле и в саду.
К той поре, прохладной и погожей,
Я дорогой памяти иду.

Вижу сад,
Отца с большой корзиной,
Яблоки горой у шалаша.
Вижу грушу,
Красную рябину –
И моя волнуется душа.
Спелые мы фрукты собираем,
В эту пору нам не до игры.
В сено на чердак переселяем
Дорогие осени дары.

КАРТОШКА

Распахали огород –
И у нас полно хлопот.
Ты, картошка, не сердись,
А в кошелку к нам садись.
Чтоб морозы не сковали,
Поживешь теперь в подвале,
Понимать должна сама:
Приближается
Зима.

НА ОГОРОДЕ

Комбайн картофельный ревет,
По бороздам шагает.
Картошку в зубы он берет,
На землю не бросает.

Недавно случай был такой,
Смешной и странный случай:
Картошку дядя хватя рукой,
А это – еж колючий.

Домой он ежика принес,
Кормил его крошкой.
Смешил рассказ его до слез,
Как ежик был картошкой.

ВЕСЕЛИНКА

Над поляною осинки
Золотил закат.
Веселила веселинка
Песенкой ребят.

В лес ходила вместе с нами
Собирать грибы.
И качали головами
Давние дубы.

А уехала – тропинки
Дождь прибил рябой.
Наше лето
Веселинка
Увезла с собой.

НА ГРЯДКАХ

В огороде стало пусто,
Все картошки свезены.
Лишь не убрана капуста –
Зеленеют кочаны.

Паутина там и тут
За бурьян цепляется.
А они еще растут,
Соком наливаются.

Дед Мороз их для порядка
Тихо трогает в ночи.
Кочаны лежат на грядках,
Как футбольные мячи.

СОРОКА

Осеннее утро. Смотрите,
Как стало туманно кругом.
Сорока сидит на раките,
Качается, машет хвостом.

Сидит и стрекочет, стрекочет,
Осеннему саду сродни,
Про долгие хмурые ночи,
Про очень короткие дни.

А в небе холодном, высоком
Готовятся птицы в полет.
Наверное, скоро сорока
Зиму на хвосте принесет.

РЯБИНА

Под горой у нас равнина
Вся в тумане, как во сне,
Кисти красные рябины
Так и просятся ко мне.

Без листвы они висят,
На ветру качаются.
В каждой кисти
Дремлет сад –
Лето не кончается.

СОСНА

Шла по лесу осень,
Листья обрывала,
У зеленых сосен
Молча постояла.

Тронула иголки,
Не сорвала –
Колки...

Молча села осень
В красную карету.
А в верхушках сосен
Ликовало лето.

КОЧАНЫ

В огороде кочаны
Вот такой величины
Наливаются.
Дед Мороз надел тулуп,
К кочанам – ступ-хруп –
Подбирается.

Заморозить их хотел.
Весь от злости побелел,
Ничего не вышло.
Кочаны в ночи лежат
Вроде белых медвежат
И рычат чуть слышно.

ПОД РЯБИНОЙ

Летит и летит паутина,
Прохладные дни настают.
Дрозды обирают рябину,
Тяжелые кисти трясут.

Под небом высоким и ясным
В саду я подолгу стою:
Осыпала дождиком красным
Рябина тропинку мою.

ИЗДАЛЕКА

К нам опять издалека
Ветер гонит облака
И шумит на всю округу:
“Берегись!
Зима близка”...

Будет снег,
И будет стужа,
К небу дым во всех домах.
Скоро выбежим наружу
Мы на лыжах и коньках.

ЯБЛОНЯ

Отсияло лето.
Зорька холодна.
Яблоня раздета,
Клонится она.

Говорит со скрипом:
“Где же вы, друзья?
Заболела гриппом.
Замерзаю я”.

Тут пожаловал Мороз
И растрогался до слез.
Он таблетки и конфетки,
Даже градусник принес.

Ветер крепко обнимает,
Грусть-тоску ее ломает.
Одеяло дал снежок

И сказал:
“Надень, дружок!”
Яблоня оделась,
Яблоня согрелась
И теперь ночами
Шепчется с друзьями.

РУССКИЙ ВИТЯЗЬ

Притихли яблони и клены.

Читаю книгу о былом:

“У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том”.

Читаю сказку о Руслане

И о Людмиле молодой.

Умчал ее в ночном тумане

Волшебник с длинной бородой.

Читая сказку,

Удивитесь

Коварству злого колдуна,

Еще тому, как русский витязь

Скакал вперед, не зная сна.

Как он проник в чужие горы,

Как был в бою непобедим,

Людмилу спас,

А Черномора

Он сделал пленником своим.

Большая сказка – не игрушка,

Ее придумал в двадцать лет

Наш Александр Сергееч Пушкин,

Великий юноша-поэт.

ОДНАЖДЫ ПОД ЕЛКОЙ

*Памяти Кудашевой,
автора стихотворения
“В лесу родилась елочка”*

Смолист у елки запах,
Нарядна и светла,
Она в колючих лапах
Подарки принесла.

На яркие игрушки
Бросали свечи свет.
Стоял как на опушке
Белобородый дед.

Вот-вот руками хлопнет,
Вот-вот ногами топнет,
Со всеми в пляс пойдет,
Встречая Новый год...

Нарядная с иголки,
В зал девочка вошла.
“В лесу родилась елочка”
Вдруг песню повела.

Словами, как по лесенке,
Вела в далекий край:
“Метель ей пела песенки:
Спи, елочка, бай-бай!”

Слова из детства нашего
Звенели в тишине...
А бабушка Кудашева
Вздыхала в стороне:
“И я когда-то юная,
Как елочка, была.
Любила ночи лунные,
Цвела душой, цвела.
Каталась в санках с горочки
И сочинила я:
“В лесу родилась елочка”...
В той песне – жизнь моя”.

РУССКАЯ ЗИМА

Прошла пора румяно-золотая,
Пришла иная – снежная пора.
Блестит река,
Зовет гора крутая.
Ура, мальчишки!
Девочки, ура!

Сверкает лед,
И снег кругом искрится.
Полным-полны природы закрома.
На трон садится
Русская царица,
Земли хозяйка –
Русская зима.

МОРОЗ

Окно сверкает-серебрится.
Ручей бежал и вдруг пропал.
Мороз сверкающие спицы
По всем дорогам растерял.

Связал он сеть
Для грязи черной,
Для мутной лужи у ворот.
Везде, работая упорно,
Навел мосты
Средь шумных вод.

БЕДА

Серый заяц-беззаботник
Спал в соломенном стогу.
Вдруг к нему
Пришел охотник,
След увидев на снегу.

Заяц вмиг беду учуял –
Опустел на время стог.
Беглеца хвалить хочу я
За чутье и резвость ног.

Вон как лихо
Полям скачет.
Ускользает, как вода...
А охотник чуть не плачет.
Пусть поплачет – не беда.

СОРОКА

У сороки белые бока.
В сад на белых крыльях прилетела.
И видна была издалека,
И слышна была,
Когда запела.

У сороки длинный-длинный хвост,
Машет им, как веером косматым.
Достает до месяца,
До звезд,
До печной трубы
Над нашей хатой.

И в мороз летать не устает.
Отдыхать ни капельки не хочет.
Новостей так много узнает,
Что с утра стрекочет и стрекочет.

ТУЗИК

Здравствуй, Тузик-голопузик,
Уважаемый сосед.

Потерял ты где картузик?
Да и шапки, вижу, нет.

Тузик бодро скалит зубки,
Отдыхает в стороне:
“А на мне такая шубка –
То, что надо,
Все при мне”.

ЗИМНИЙ ЛЕС

Лес молчит.
Зима сурова.
Где грибы росли – сугроб.
“Лес!” – кричу.
А он ни слова.
Дуб стоит и морщит лоб.

А березка чуть не плачет
От жестоких холодов.
Нос в орешник ветер прячет
И резвиться не готов.

Где вы, зайцы и медведи?
Вас давно природа ждет.
Вот когда весна приедет,
Каждый кустик запоеет.

И откуда что возьмется:
Расшумится, голосист.
Лето красное вернется,
Каждый песенник – артист.

В ПОЛЯХ

Все поля стали голыми-голыми,
Ни былинки вокруг не найдешь.
Не горюй –
Снова будут веселыми,
Расшумится красавица рожь.

Раззвенится задорно и молодо,
Одуванчики выстроит в ряд.
А пока мы гуляем по холоду
И катаем счастливых ребят.

МЕТЕЛЬ

За окном, как зверь, бросается
Ветер с яростью на всех.
Он и воет, и кусается,
И подбрасывает снег.

Раз метель,
То дело ясное:
Нам на улицу нельзя.
Улетело лето красное
В чужедальние края.

Спит гора под белой ризою,
Сад не свищет соловьем...
Мы садимся к телевизору,
Дальше сказки не пойдём.

ОЗЕРО

Весна все разморозила.

Колышется вода.

Заря глядит на озеро,

Светла и молода.

У чаек – праздник на волне:

Плывут,

плывут, качаются...

И звезды с рыбками на дне

По вечерам встречаются.

ЯЩЕРИЦА

Ящерица вьется,
В руки не дается.
Ловко вьется
Меж камней –
Не угонишься за ней.

Так и вьется,
Так и вьется
С бугорка на бугорок:
В руки людям не дается,
Как весенний ручеек.

СОЛОМА

Была она крышею дома
В старинные наши года.
Севалки плели из соломы,
Корзинки везли в города.

Зимой шла солома на резку,
На корм вперемешку с мукой.
Ковры золотистого блеска
Вязали умелой рукой.

Легко ее брали в охапку,
Как шумно шуршащий камыш.
Была она модною шляпкой –
Ценили Москва и Париж.

АИСТ

Хорошо гулять по лесу,
Слушать птичьи голоса.
Под зеленые навесы
Собирается роса.

Вьются бабочки, как птички.
К небу тянется дубок.
А лисички-невелички
Сели весело в кружок.

По болоту ходит аист,
Головой воды касаясь,
Ищет свой обед:
Квакнет
или нет?

ДЕДУШКИН ДОМ

Я приехал к дедушке
В деревенский дом.
Есть ружье у дедушки,
Ухает, как гром.

У крыльца высокие
Дремлют тополя.
За рекой широкие
Стелются поля.

Показал мне дедушка,
Как луга цветут.
Рассказал мне дедушка
Про крестьянский труд.

Станем мы над кручею,
Видим вдалеке
И леса дремучие,
И зарю в реке.

Говорит он ласково
На закате дня
И волшебной сказкою
Вдаль ведет меня.

РАССВЕТ

Рассвет горит,
Рассвет лучом
Ночь рассекает, как мечом.
Идет дорожкой голубой
И солнце тянет за собой.

Он золотит в саду кусты.
Он поле обнимает,
А теням длинные хвосты
Берет и отрывает.

ЩЕНКИ

В старом ящике в соломе
Два щенка у нас живут.
Знают все ребята в доме,
Как едят они и пьют.

Тот мохнат,
И тот мохнат –
Их любой потрогать ред.
А начнут ворочаться –
Уходить не хочется.

Кормим супом,
Поим чаем.
Нам не жалко и конфет.
Даже лаять обучаем,
Если мамы дома нет.

СЛОНЕНОК

Луна вставала выше,
Луна светила ярко.
Слоненок взял и вышел,
Ушел из зоопарка.

Тот был слоненок
Очень мал,
Всего с корову ростом.
Он просто Африку искал
И заблудился просто.

Нашли его.
Слониха-мать
Слоненка стала обнимать.
А сторож засмеялся:
“Ты где же, слон, слонялся?”

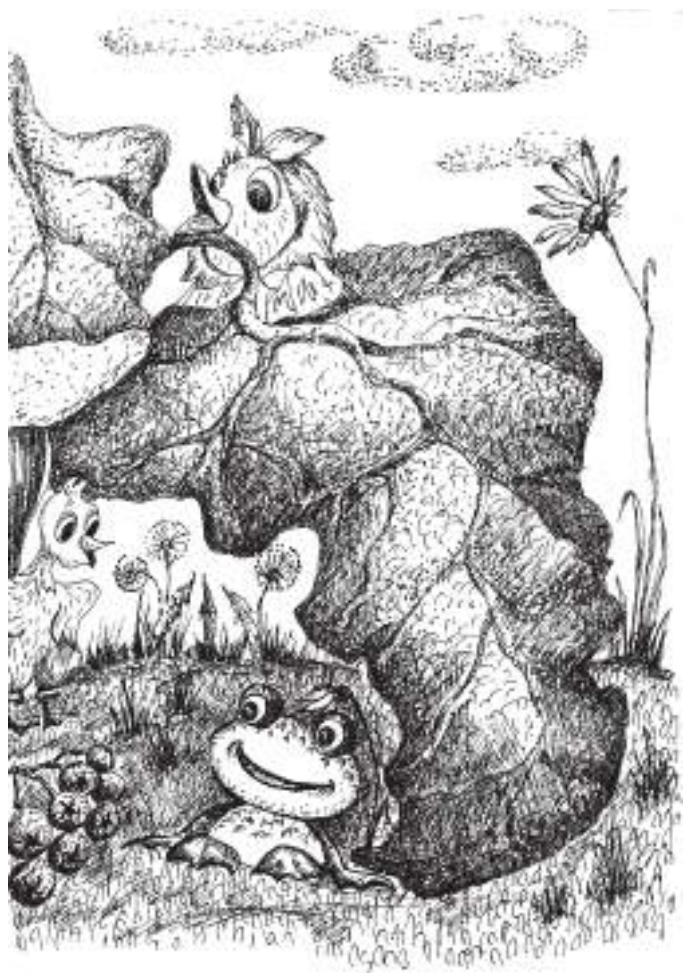
Вздыхал слоненок и молчал.
Не рассказал слоненок,
Что он по Африке скучал
Давным-давно,
С пеленок.

ТРАКТОР

Трактор пашет,
Трактор пашет.
Рад я солнцу и весне.
Тракторист рукою машет:
“Эй, малыш, садись ко мне!”

Вот сажу я за рулем.
Хорошо пахать вдвоем!
Только видно по всему –
Веселее одному.

В день весенний,
В день лучистый
Через много-много дней
Настоящим трактористом
Стану я в краю полей.

ЦАРЕВНА

Спускаюсь без опаски
С крутой горы к реке.
Зеленая, как в сказке,
Лягушка на песке.

Взяла меня досада,
И я решил сказать:
“Расколдоваться надо.
Пора царевной стать!”

Она взглянула гневно –
И пусто на песке.
Живет моя царевна
В зеленом тростнике.

НА ЛУГУ

На лугу дотемна
Между нами шла война.
Все и вспомнить не могу,
Что творилось на лугу.

И в окопе мы лежали,
И в атаку мы бежали,
Мы бежали со всех ног,
Штурмовали сена стог.

Там был ранен я немножко,
А Сережка был убит.
Поднимать пошли Сережку,
А под ним трава храпит.

СКАМЕЙКА

В сад бежит тропинка-змейка,
Там стоит моя скамейка.
Хорошо на ней сидеть
И на яблоки глядеть.

Я прислушиваюсь там
К звонким птичьим голосам.
Я люблю мою скамейку:
Я скамейку
Сделал
Сам.

ДУБ

Среди поля дуб
Закутался в тулуп,
Забрел в густую рожь,
На дедушку похож.

С утра и до заката,
Не знаю почему,
Колосья,
Как ребята,
Все тянутся к нему.

Вытягивают уши
И спать не спят – беда.
Наверно, сказки слушать
Сбегаются сюда.

ЗА ОКНОМ

За окном громадный город
Возвышает этажи.
Ну а где-то на просторе
Коростель скрипит во ржи.

За окном звенят трамваи
И троллейбусы шумят.
Ну а где-то солнце мая
Заливает дом и сад.

По грибы зовет кукушка,
Рябка бродит у ручья...
А в окне
Сидит старушка.
Это бабушка моя.

БАБУШКА КЛАВА

Бабушка Клава,
Бабушка Клава
Маленькой внучке на радость живет.
Бабушка Клава,
Родная забава,
Вдруг заболела и к ней не идет.

Внучка Алина играла-играла,
Стала от скуки слова забывать.
Букву от бабушки
Вдруг потеряла,
Кавою Клаву
Взялась называть.

Где ты, моя золотая забава?
Может быть, где заблудилась в пути?
Бабушка Кава,
Бабушка Кава,
Букву свою помоги нам найти.

ВОЛК

Серый волк напал на стадо,
Дыбом шерсть была на нем.
Проучить его как надо
Люди ринулись
С дубьем.

Постояли за телят,
Постояли за ягнят.
Волк бежал что было мочи,
Свету белому не рад.

В чаще темной укрывался
И зализывал бока...
А за лесом раздавался
Звук победного рожка.

ЧЕРНЫШ

Черныш с утра питается,
Все ценит высоко.
Ему и сено правится,
И хлеб,
И молоко.

Без вилки
И без ложки
Съедает свой обед.
Попрыгает немножко –
Других занятий нет.

Нетрудно догадаться,
Что думает малыш:
“Иди со мной играть!
Ну что ты так стоишь?”

Мелькают мимо кошки,
А в гости не зайдут:
Отпугивают рожки,
Которые растут.

ЯСТРЕБ

В саду раздался гомон птичий,
Для кур тревожный миг настал.
Явился ястреб за добычей,
По ветру крылья распластал.

Три петуха,
Три верных друга
Сражались лихо, как могли:
Подняли крик на всю округу,
Но кур от хищника спасли.

Услышав шум,
Хозяин вышел.
Пальнул в злодея из ружья.
Поднялся ястреб выше крыши
И улетел в свои края.

БОР

На горе-горушке
Зеленеет бор.
Там живут кукушки
С очень давних пор.

А еще – маслята,
Ягоды, цветы,
И растут ребята
В мире красоты.

Им сулят кукушки
Много-много лет...
На горе-горушке
В соснах пляшет свет.

ЛАДА

Теленком Лада быть устала,
Большую выбрала судьбу.
Теперь она коровой стала
С крутыми рожками на лбу.

Вот заведет себе теленка,
И тот, безрогий, в ранний час
Возьмет и мукнет
Тонко-тонко,
Совсем как Лада в первый раз.

ДИНА

Пришла собака Дина,
У Дины хмурый вид.
“Погода – холодина!” –
Глазами говорит.

Она кричит глазами:
Дела ее худы.
Ночует где-то в яме:
Ни дома,
Ни еды.

Голодная,
Холодная,
По улице бредет,
Зайдет куда угодно,
Кто в гости
Позовет.

АНФИСА

Снег кружил над полем, садом,
Вился над дорогою.
Родила Анфису
Лада,
Дочку белоногую.

Где молочная диета,
Там всегда растут “на пять”.
Подросла Анфиса к лету,
Стала с мамою гулять.

Ночью сны гуляют в доме,
Окруженном темнотой.
Спят буренки на соломе,
На постели золотой.

Под полом скребутся крысы
И крысята-шалуны.
Ножкой топает Анфиса –
Убегают грызуны.

СЕНО

Стог стоит.
А в стоге сено
Залежалось на боку.
Были травы по колено,
Стали тропкой к молоку.

Наберу его в охапку,
Накормлю корову Рябку.
Струйки белые в ведро
Зазвенят
Как серебро.

Кот бежит, хвостом виляя.
Для него покоя нет.
А за дверью,
Лихо лая,
Чует Моська свой обед.

СЛОНИК

В цирке слоник выступал
Ловко, деловито.
Поскользнулся и упал,
Выбросил копыта.

Замер хобот на полу,
Ноги без движения.
Кто-то плакать стал в углу,
Видя представление.

Чем бы слонику помочь?
И случилось диво:
Хобот прочь,
Уши прочь
Сбросил он игриво.

Пес запрыгал озорной.
Мы глазам не верим...
Рад, что стал
Самим собой,
Настоящим зверем.

СТАДО

На ферме множество коров.
Доярок тоже много,
И трое смелых пастухов
Следят за стадом строго.

В жару ведут его в кусты,
К прохладе водопоя,
И громко щелкают кнуты,
Почти как звуки боя.

День ароматом напоен
Цветущих трав росистых.
Спешит рогатый эскадрон
За молоком душистым.

РАБОТА

Распахнуты ворота,
Сияет небосвод.
“Вставай!” – зовет работа.
“Пора!” – петух поет.

Коров доярка доит
На ферме в ранний час.
За речкой школу строят,
Наверное, для нас.

Там трактор поле пашет,
Тут клен глядит в окно.
Не спит деревня наша,
Работает давно.

Топорщит в огороде
Зеленый лук усы...
“Вставайте!” – на комод
Тик-тикают часы.

КРЕПНУТ РУКИ

От работы крепнут руки.
Крепнет разум –
От наук.
Хороши родные звуки:
Звук пилы,
Рубанка звук.

Хорошо поют моторы
И станков, и тракторов.
Человек сдвигает горы,
На Луну лететь готов.

Ежик ходит на работу
Там, где яблоки лежат:
Жить без дела неохота
Возле маленьких ежат.

Вижу девочку Алину,
У нее счастливый вид:
Ходит с мамой по малину
И по ягоды спешит.

Ну-ка сбрось-ка одеяло,
Покидай свою кровать.
Чтоб душа
Богаче стала,
Надо силы набирать.

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Все кресты и кресты на погосте,
Всюду холмики только видны.
И сюда мы приходим
Как в гости,
Но не радости –
Грусти полны.

Дорогие, священные дали
И печаль, охватившая грудь,
Нам с тобою забыться не дали
Вечным зовом имен:
“Не забудь!”

НАСТЯ

За окном порхают птицы,
День погожий настает...
Настя учится молиться,
В церковь с бабушкой идет.

В храме свечи и иконы.
Там, устав от всех забот,
Отдает свои поклоны
Православный наш народ.

Тоже надо потрудиться,
Чтоб запомнить древний стих.
Это в жизни пригодится
Для себя
И для других.

МАМА

Стал становиться, головку клоня
С робкой улыбкою.
В белой рубашке.
Мама любила глядеть на меня:
Вот он какой я –
Душа нараспашку.

Самого смирного дали коня,
Чтоб не упасть
По дороге в ночное.
Мама глядела вослед на меня,
Как бы чего не случилось со мною.

Город шумел, мою душу маня,
Жизнь открывала большую дорогу.
Мама ждала у окна, у огня,
Мама ждала у родного порога.

Мама молилась всю жизнь обо мне.
Сон ее вечен у строгой ограды.
Тянет и тянет к родной стороне –
С маминой тропкой увидеться надо.

БАБКА ЕФРОСИНЬЯ

Ефросинья, бабушка моя,
Перед сном рассказывала сказки.
Были мы хорошие друзья,
В темный лес ходили без опаски.

Жили там и заяц, и лиса,
Даже волки где-то обитали.
Ястребы взвивались в небеса
И над нами шумно пролетали.

Где-то леший – сумрачный старик
Жил в дупле, нам страхи нагоняя...
К домовому я уже привык,
За трубой сидел он, завывая.

У реки томился водяной,
А во ржи русалки шелестели.
Наблюдали издали за мной,
К нам в село являться не хотели.

Дни мои безоблачно неслись.
Был совет от бабушки речистой:
“Если что,
Возьми перекрестись –
Верх возьмешь над силою нечистой”.

Не забыть уроки доброты.
В них души заложено спасенье...
Вместе мелом ставили кресты
Накануне светлого Крещенья.

ХРАМ

В белый храм ведет дорога
Мимо яблонь и стогов.
Вижу в храме лики
Бога
И святых учеников.

Крылья ангелов небесных
Мне под куполом видны...
Веет воздухом чудесным
Православной старины.

ЛЕТО

Если лето – много света,
Если лето – луг цветет,
Встал косарь
В лучах рассвета,
Взял косу
И в лог идет.

Школьный дом ребятам тесен,
Все в поход ушли с утра.
Если лето –
Много песен
У вечернего костра.

Ветки яблонь стали ниже,
Гром ударил вдалеке...
Если лето – крепко лыжи
Спят у нас на чердаке.

В МУЗЕЕ

Там народ зимой и летом
Любит слушать тишину.
И картины,
И портреты
Охраняют старину.

О деревне косы, грабли
Очень живо говорят.
Пулеметы, пушки, сабли
Славой русскою гремят.

Их не трогают ребята.
Ими предок воевал.
Все предметы –
Экспонаты –
Заполняют каждый зал.

Там стоит большой медведь,
Но не думает реветь,
Не пугает он ребят.
Потому что экспонат.

Он когда-то жил в лесу,
Видел волка и лису,
Знал мальчишек озорных –
Наших предков дорогих.

ДЯТЕЛ

Летел по лесу дятел,
И вдруг ударил гром.
С дороги сбился
Дятел
И потерял свой дом.

Спросил бы, где дорога,
Но дятел был упрям...
На небо глянул строго:
“Найду дорогу сам!”

Нашел себе работу –
Во все стучать ворота.
И вот стучит, стучит...
Но темный лес молчит.

МУРАВЕЙ

Быка назвали Муравей,

А он...

Он больше муравья,

Идет по улице моей –

И вздрагиваю я.

“Не Муравей он, а Мурай!” –

Хозяйка говорит...

Какой Мурай?

Он Самурай –

Вполне свирепый вид.

Его в лесу не тронет волк,

Сбежит наверняка:

Он в харакири знает толк

И в спину, и в бока.

СНЕЖОК

Ягненок остался без мамы,
По снегу рассыпал он след.
Все ищет и идет упрямо,
Но мамы на улице нет.

Не видно в саду и на горке,
В сарае – унылая тишь.
Так бедному сделалось горько,
Хоть плачь...
И заплакал малыш.

Хозяин обнял его: “Хватит!”
Живи-ка у печки пока”.
Принес одеяло на вате.
Парного налил молока.

И стал он ягненку как мама:
Едва заалееет восток,
Преследует всюду упрямо
Хозяина белый дружок
По кличке, конечно, Снежок.

КУВШИНКА

Цветок сжимая в кулаке,
Плыла кувшинка по реке,
Плыла она, качалась,
С деревнею прощалась.

В дорогу вышла до зари,
Спеша в морские дали.
Ее догнали пескари,
За хвост ее поймали.

Кувшинка в заводи живет.
Речную воду пьет и пьет.
Стоит на якоре она,
Как пароход.

ЛАНДЫШИ

На кустах горят росинки.

Голубеет небосвод.

Утро в розовой косынке

Из-за леса

К нам идет.

Уведи меня, дорожка,

За высокие кусты.

Там у ландышей в ладошках

Снежно-белые цветы.

Их искать готов весь день я.

Вы понять меня должны:

Ведь у мамы

День рождения –

Очень ландыши нужны.

МОТЯ

Косматый катится клубок –
Да это наша Мотя.
Она обеда знает срок,
Живет как на работе.
Она от носа до хвоста
Бела, как снег пушистый,
Увидит рябого кота –
Залает голосисто.
Когда придет
Тот самый кот,
Полаять так охота.
Проводит лихо до ворот
И даже за ворота.

РЕПЕЙ

У Моти – брат,
Зовут Репей.
Глаза его смеются.
Когда зовут: “Иди попей!”,
Находит сразу блюдце.
Пьет не напьется молока,
Не говорит: “Довольно”.
Вот почему его бока
Круглы,
Как мяч футбольный.

УЗОРЫ

Снег да снег – белеют горы,
Речка в лёд закована.

А в окне
Цветут узоры:
Лето нарисовано!

Наглядеться невозможно –
Прямо сад из белых роз.
Вот какой у нас художник,
Славный дедушка Мороз.

МАРУСЯ

Маруся в деревне
На горке жила.
Любила деревню,
Росла и росла.

В хозяйстве любила
Домашним помочь,
И мать говорила:
“Хорошая дочь!”

Все книжки да книжки
Любила читать.
Боялись мальчишки
Её обижать.

СОБАКИ

Собака вышла на прогулку,
За ней другая –
Стало две.
Кругом ревут машины гулко,
А псы гуляют по траве.
Всего важнее в шумном мире
Для них, хвостатых,
Загорать,
Чтоб стало три или четыре,
А может, даже ровно пять.
Куда приятнее резвиться,
Когда во множестве они,
Над головой летают птицы –
Как много всяческой родни!

ВЕТЕР

У ветра сила велика:
Летит и налетает.
Хватает лихо за бока
И за уши хватает.

Повсюду сеет холода:
В садах,
В полях просторных...
Тот не замёрзнет никогда,
Кто бегают проворно.

СОЛНЦЕ

Хоть зима, а солнце греет.
Греет крышу и сосну.
Замечательно умеет
Делать лето и весну.

Посмотри, как ярко светит,
Как на улицу зовёт.
Кто куда,
А рыба в сети
Неприменно попадёт.

Побегут капли с крыши,
Будут лужи у крыльца,
Обязательно услышим
Голосистого скворца.

КОТЁНОК

Голос тонок-тонок,
Еле виден рот,
Он ещё котёнок,
Никакой не кот.

Из-под мамы вышел
Тих и нелюдим...
Но боятся мыши
Повстречаться с ним.

ДВА КОТА

Посмотреть погоду вышел,
Не погода – благодать!
Два кота
Сошлись на крыше
Отношенья выяснять.
Тёплый ветер веял с моря,
Шло сиянье с высоты.
Вдруг на крыше
Друг на друга
С воем кинулись коты.
И шипели, и гремели,
Прямо с цепи сорвались,
Мирно жить не захотели,
Загремели под карниз.
Как сороки-белобоки,
Лютым гневом налиты,
Залетели
В снег глубокий,
Еле вылезли коты.

НА ЕЛКЕ

Залез на ёлку дятел
И ну по ней стучать.
“С ума ты, что ли, спятил?” –
Стал воробей кричать.
“Сердиться не годится! –
Сорока говорит. –
Старательная птица
Без дела не сидит”.

ОБЛАКА

Холодный ветер дует с севера,
А тёплый
Где-то за бугром.
Земля снежинками засеяна,
Сугробы выросли кругом.
Стал до костей мороз
прохватывать...
И вдруг пришли издалека
Не тучи чёрные, косматые,
А кучевые облака.

И снег не снег –
Сплошное месиво.
Лучи насквозь его прожгли,
Пошли они работать весело,
И прилетели журавли.

КОТ

С неба снег валит, как вата.
У кота – счастливый вид.
Он с утра и до заката
За погоду следит.

За окном живут синицы,
Льнут к рябинному кусту.
Кот глядит не наглядится
На такую красоту.

БАБУШКА ПРАСКОВЬЯ

Бабушка Прасковья
К нам приходит с лаской.
Дай Бог ей здоровья!
Развлекает сказкой!

Ручейком весенним
Речь старушки льётся
И для нас – веселье,
И сама смеётся.

ПРАЗДНИК

В шубке,
В шапке,
В рукавицах
Мы у речки на горе.
Вся земля кругом искрится,
Утопает в серебре.
Шум и радостные крики
На просторах дорогих.
Праздник
 делает
 великий
Для себя и для других.

САНКИ

Солнце делает погоду,
А мороз в окне – узор.
Так и тянет на природу,
На сверкающий простор.

Снег кружил,
Теперь не кружит,
Лёг на землю отдохнуть.
Выходи скорей наружу,
Санки, санки не забудь!

ОДИН

Зовут по имени и отчеству –
Степан Степанович – кота.
Но жизнь проходит
В одиночестве,
А потому совсем не та.

Следит за всяческими звуками,
Глядит на дверь,
Кого-то ждёт.
Вдруг прибежит и замяукает,
Играть хвостом своим начнёт.

СНЕГОВИК

Я в работе отличился,
К делу важному привык.
На пригорке получился
Белый-белый снеговик.

Мама глянула:
“Упрямый!
На тебе повсюду снег”.
И ещё сказала мама,
Что я – снежный человек.

БАБУШКА

Из старины почти былинной
Приходит бабушка ко мне
На фотографии старинной
В непостижимой тишине.

Ни прялки нет,
Ни жаркой печки,
Ни даже Рябки за спиной,
Хоть плачь,
Не скажет ни словечка,
Не побеседует со мной...

Не будьте, дети, молчаливы
И шаловливы до проказ,
Пока старушки ваши живы,
Ещё воспитывают вас.

В САДУ

Был сад, как путник, одинокий,
Переживая холода.
Сюда синицы и сороки
Лишь залетали иногда.
Весна явилась на деревню,
Слетелись птицы песни петь.
И призадумались деревья:
“А не пора ли зеленеть?”
“Вот хорошо!” – сказали почки
И растолстели
В пять минут
А там...
А там пойдут цветочки
И даже яблоки пойдут.

ГЛАША

Есть у нас собака Глаша,
Мы при ней теряем сон.
От неё хозяйство наше
Понесло большой урон.
В трёх местах
Кусала провод,
Стала рвать его, рычать.
Появился важный повод
Телефону замолчать.
Провод сверху,
Провод снизу
Тормошила егоза.
Заморгал наш телевизор
И закрыл свои глаза.
Стало весело подружке,
Всё проверила вокруг.
Тут же смело из подушки
Белый выпустила пух.
Шубу ела,
Шапку ела,
Грызла новые носки,
Лишь калоши не посмела –
Видно, лапы короткие.
Смотрим хмуро друг на друга,
И у всех – сердитый вид.
“Ты не Глаша, а зверюга!” –
Саша Глаше говорит.

СКАЗКА О СКАЗКЕ

Юный друг!
Подставь поближе ухо,
Будь с хорошей сказкою знаком.
Жил старик у моря со старухой,
Тот старик работал рыбаком.
А она на прялке пряла пряжу.
Он к своей профессии привык,
Ничего плохого ей не скажет.
Что сказать?
Был правильный старик.
Но поймал он рыбку золотую,
Отпустил к детишкам золотым.
Все пошли старания впустую:
Стал характер бабушки крутым.
То подай ей новое корыто,
Хочет стать дворянкой столбовой,
То корону требует сердито,
Чтобы стать владычицей морской...
Сказка зло в народе выживает.
Но сказала девочка одна:
“Рыбки золотые не бывают.
Мне такая сказка не нужна”.
Мой ответ для разума и слуха:
В сказке – путь на добрые дела,
Чтоб не стала вредною старухой,
А примерной девочкой была.

ДОМА ВСТАВАЛИ

Дома вставали как хоромы
На старых улицах Орла.
Кромская улица – на Кромы,
В Москву
Московская вела.
Вела на Болхов Болховская,
Карачев надо помянуть:
Туда Карачевская, знаю,
В Орле показывала путь.
Светло на свете от названий,
От исторических имён.
Темнеет Муромец в тумане,
Владимир вышел на балкон.
Там Грозный царь
Идёт с царицей
Во храм, вечерний слыша звон.
Великий Пётр
Не наглядится
На русский край
Со всех сторон.

СОВА И ВОРОН

Давным-давно идет молва,
И к нам она стучится:
В одном лесу
Жила сова –
Невиданная птица.
С рассвета птицы дотемна
Летели к ней, бывало:
Узоры яркие она
На перьях рисовала.
Однажды ворон прилетел,
Пристал с нелегким делом:
“Смотри, сова!
Я бел, как мел.
Я не хочу быть белым”.
Сова ответила: “Угу!
Присядь – охотно помогу.
Могу рисунок дать любой –
Зеленый, красный, голубой!”
Как ворон каркнет на сову:
“Тебе я голову сорву!
Неужто краски нету
Невиданного цвета?
Ведь я не дятел,
Не павлин,
Не мелкая пичужка”.
Сова кивнула:

“Гражданин,
Присядьте на опушке”.
Присел.
Тут умная сова
Достала краски черной,
Подзасучила рукава,
Взялась за труд упорный.
Стал ворон черным, как смола,
Как угольная сажа.
Когда он глянул в зеркала,
От гнева вскрикнул даже.
С тех пор и летом, и весной
Над лугом и дубравой
Летает с криком ворон злой,
Грозит сове расправой.
Весь день сова
В дупле сидит
И ночи поджидает.
Когда же ворон черный спит,
На волю вылетает.

СПАСИБО

Хорошо у тети Маши,
Подружились мы легко.
Тетя Маша
В кружки наши
Наливает молоко.
Очень вкусное оно,
Летней свежести полно.
От такого молока
Подрастем наверняка.
Мы и пили, и хвалили,
И спасибо говорили,
Но слышали в ответ:
“Что вы, милые?
Нет, нет...
Не меня благодарите,
А корову Лыску.
Ей вниманье окажите,
Поклонитесь низко”.
Широко сияли дали.
Мы на ферму шли гурьбой.
Лыску в стойле увидали
Возле дверцы голубой.
Мы большущее спасибо
Стали Лыске говорить.
А она мычит: “Могли бы
Не меня благодарить”.
С удивленьем друг на друга

Мы глядим.
А Лыска нам:
“Поклонитесь лучше лугу,
Вкусным травам и цветам”.
Вот и луг.
Трава как море,
Вся душистая трава.
Мы сказали на просторе
Ей приветные слова.
Головой она качает,
Шелестит и отвечает:
“Вы поклон воде отдайте.
Ей спасибо передайте.
Без нее бы над рекой
Я не выросла такой”.
Где вода?
Вода везде:
И в колодце, и в пруде,
В речке, в озере, в морях,
Даже в белых облаках...
Мы к реке.
Она в ответ
Нам такой дала совет:
“А по-моему, должны бы
Вы земле сказать спасибо.
Без нее я жить не стану,
Гром не грянет в облаках.
И ручьи, и океаны
Она держит на руках”.
На поля мы поглядели,
На леса,
На гребни гор
И спасибо захотели
Прокричать на весь простор.

Но земля, качая нивы,
Стала громко говорить:
“Солнце! Вот кого должны вы
Горячо благодарить.
Не оно ли рано-рано
Поднимается с утра,
Чтоб во всех краях и странах
Просыпалась детвора?”
Все, что нам земля сказала,
Нам понравилось вполне...
Полыхало солнце ало
В синеглазой вышине.
Веселее стали реки
И пышней в лугах цветы...
Солнце нам о человеке
Говорило с высоты:
“Человеку все под силу:
Сад садить, пахать поля,
Чтоб была еще красивей
И милее нам земля.
Человек своим трудом
Сеет хлеб и строит дом.
Поклониться надо вам
Человеческим рукам”.
Вьется вдаль тропинка наша.
Свод сияет голубой.
Мы к доярке тете Маше
Возвращаемся гурьбой.
От нее узнали много.
У нее – счастливый вид.
“А, пришли?
Ну, слава Богу!” –
Нам с улыбкой говорит.

ОГОНЬ-ТРАВА

Сказка

1

Вечер. Темные деревья
Расшумелись под окном.
Вся в снегу лежит деревня,
Горы выросли кругом.
Птицы прячутся под крышей,
Верещит в углу сверчок.
Под полом скребутся мыши,
Кот улегся на бочок.
Снег в окошке серебрится.
Лампа льет свои лучи.
Мне и дедушке
Не спится.
Нам уютно на печи.
Он ко мне и строг, и ласков,
Говорить всегда готов,
Знай рассказывает сказки
Про царей и колдунов
Да про то, как жили-были
Люди наши в старину,
Труд любили,
Петь любили
И родную сторону.

Мне с любого расстоянья
Это в сердце навсегда:
Богатырские деянья,
Стародавние года.

Ночью всякое бывает
В час морозный, снеговой:
То ли вьюга завывает,
То ли плачет домовой.

Домовые, дворовые,
Где вы?
Ночь темным-темна.
На просторы полевые
Смотрит грустная луна.

К старине спешу с поклоном.
Вижу конников в степи,
Лукоморье, дуб зеленый,
Кот ученый на цепи.
Кудеяром свищет ветер
Из ненашенских времен.

2

Жил да был на белом свете
Царь по имени Мирон.
Жил по-царски он богато,
Дочь-красавицу имел.
Иноземные солдаты
Стерегли его палаты,
Где на троне он сидел.
Рать ни с кем не воевала,
В холодке дремала рать.
И от скуки генералы
В карты шли к царю играть.

За игрой лихой картежной
Любо время коротать.
Но играли осторожно,
Чтоб царя не обыграть.
Никогда не оставался
Повелитель в дураках.
Всех умнее он казался
Даже с картами в руках.
Царь играл с большим азартом.
Вдруг азарт его пропал.
Он забросил даже карты,
Даже в голос зарыдал.
Горе горькое приспело:
Дочь Елена заболела
И с постели не встает.
Доктора рецепты пишут,
А царевна еле дышит,
Еле ест
И еле пьет.
Царь сказал:
“Решил и точка!
Слово верное мое:
За того я выдам дочку.
Кто придет, спасет ее!”
Государь в тоске великой,
Побелела борода.
И пошли повсюду крики:
“Кто спасет?
Сюда!
Сюда!”
Двор, как улей, растревожен.
Разошлась повсюду рать.
Стали звать-ловить прохожих,
Чуть на лекаря похожих,
Чтоб царевну шли спасать.

3

Шел солдат Андрей куда-то
Мимо каменных палат.
Слуги кликнули солдата:
“Ты не выручишь ли, брат?”
Покачал он головою:
“Тоже лекаря нашли!
Наше дело боевое:
Знай стреляй
И знай коли”.
Генерал тут появился,
Хлоп! – солдата по лицу:
“Это ты разговорился?
Ну-ка топай ко дворцу!
Где царевна заболела,
Может быть твоей судьбе.
Государственное дело
Доверяется тебе”.
Говорит герой с досадой:
“Зря ударили меня.
Тут еще подумать надо,
Отпустите на три дня”.
“Два и то, пожалуй, много”, –
Грозно молвил генерал.
И солдат своей дорогой
Торопливо зашагал.
Шел он лугом,
Шел он полем,
Через горы перелез.
Со своим и царским горем
Наконец притопал в лес.
Только вышел на опушку,
Глядь, а там стоит избушка.

Под зеленою сосной –
Ступа с Бабою Ягой.
Воротилась из полета
И ворчит: “Ну и дела!
Мне нелегкая кого-то,
Вижу, к ночи принесла!”
Молвит голосом скрипучим:
“Пригласила б на обед,
Но... – глядит темнее тучи, –
Разносолов в доме нет”.
“Вмиг поправим это дело,” –
Крикнул весело герой.
Вскоре печка загудела,
Дым поднялся над трубой.
Наготовил всякой снеди
И хозяйке предложил.
Тут же в дружеской беседе
Ей заботу изложил.
Призадумалась старуха,
Хмуро веки подняла
И сказала глухо-глухо:
“Тяжелы твои дела!”
Я-то съесть тебя хотела.
Но уважил. Будь! Живи!”
Чтоб решить большое дело,
Надо плыть,
И ты плыви”.

4

Все прослушал с интересом,
Все запомнил наш герой
И пошел зеленым лесом,
Той же каменной горой.

Тем же полем,
Тем же лугом
Шел уверенно солдат.
Слуги царские, как друга,
Просят:
“Выручи нас, брат!”
Генерал кричит с порога:
“Воротился наконец?
Помоги за ради Бога!
Слышишь?
Плачет царь-отец”.
Воин прочь ружье отставил,
Амуницию поправил
И приблизился к царю:
“Не кричи ты на все царство,
Для царевны есть лекарство!
Верь мне – правду говорю”.
Царь свое: “Решил и точка!
Слово верное мое:
За тебя я выдам дочку,
Если вылечишь ее”.
Утром
Флаг над мачтой взвился,
И к неизвестной земле
По волнам Андрей пустился
На проворном корабле.
Вдруг по морю-океану
Ураганы ходуном.
Страх напал на капитана.
“Все, – кричит он, – пропадем!”
А солдат ему с досадой:
“Придержи-ка свой испуг!
Море смелым – не преграда,
Море смелым – верный друг”.

Ураган угомонился.
Снова тишь и гладь кругом.
Глядь – и остров появился
Перед нашим кораблем.
Кружат чайки над водою,
Далеко их слышен крик,
С белой-белой бородою
На скале стоит старик.
Подошел он к морю ближе
И Андрея увидал.
“Дорогого гостя вижу!” –
Громко воину сказал.
В дом позвал.
Обнял, как сына,
И словами обогрел:
“Не сробел на море синем?
Молодец, что не сробел!”
“Неспокойно в нашем царстве, –
Говорит ему Андрей. –
Помоги найти лекарство
Для царевны поскорей.
Извиняюсь, а не слишком
Будет просьба велика?”
“То не служба,
А службишка, –
Услыхал от старика. –
Дам травы тебе отменной,
Не простой –
Огонь-травы.
Но признаюсь откровенно:
Не снесешь ты головы,
Коль задумаешь жениться
На царевне молодой”.

Дал травы.
Она жар-птицей
Засверкала над водой.
Солнца летнего теплее
Чудодейная трава.
От восторга у Андрея
Закружилась голова.
Спасена теперь Елена,
Свадьбе быть наверняка.
Позабыл солдат мгновенно
Опасенье старика.

5

Путь домой
Всегда короче.
Тих и ясен океан.
Но стоял темнее ночи
У штурвала капитан.
Ни буранов нет, ни мели –
Море света в синеве...
Думы черные кипели
У злодея в голове.
Было звездами богато
Небо ночи –
Час настал:
Капитан-злодей солдата
Бросить в море приказал.
Там ни говора, ни гула.
Стал бедняга глух и нем.
Приготовилась акула
Заглотать его совсем.
Тяжела была б судьбина
От родимых мест вдали,

Но явились два дельфина
И героя унесли.
Плавники у них как весла,
Так и шпарят по воде:
Взяли курс на дедов остров,
Прямо к каменной гряде.
Подошел старик седой,
Что-то странное шепча,
Окропил его водой
Из волшебного ключа.
Сразу на ноги поставил:
“Ну, герой, теперь пляши!”
Воин деда позабавил:
Как чихнет от всей души.
“Будь здоров!” – счастливый дед
Пожелал ему в ответ.
Над волнами чайка вьется,
Манит парус в синь морей.
Хорошо в гостях живется,
Но скучает наш Андрей.
Смотрит хмуро и сурово:
“Я бездельником живу.
Я царю нарушил слово –
Не сберег огонь-траву.
Дед: “Ну что ж,
Твою тревогу
Понимаю я, сынок.
Дам коня тебе в дорогу,
Добрый меч и кошелек”.
Сел наш воин на коня
И сказал:
“Вези меня!”
Конь помчал быстрее ветра,

Лихо шпорами звеня.
Вот приехал он в столицу.
У дворца народ толпится.
Говорит ему народ:
“Царь-то дочку выдает!”
Хоть душа болит, как рана,
Но решил солдат Андрей:
“Эх, на зависть капитану
Соберу и я гостей!”
Кошелек открыл, и – чудо:
Прямо в руки молодца
Как посыпались оттуда
Деньги, деньги –
Нет конца!
Пировать засели густо –
Не застолье, а мечта.
У кого в кармане пусто,
Тем – почетные места.
“Что за князь такой богатый? –
Крикнул царь среди дворца. –
Звать его в мои палаты!
Погляжу на молодца”.
Как увидел он Андрея
Да всю правду-то узнал,
Капитана-лиходея
Тут же выгнать приказал.
Побежал тот через сени,
Свету белому не рад...
И женился на Елене,
Дочке царской,
Наш солдат...
В самый раз поставить точку,
К делу новому спеша.

Но была у царской дочки
Очень гордая душа.
То ей плохо,
То не сладко.
Нет спасенья от причуд:
“Не желаю быть солдаткой,
Королевой стать хочу!”
Люди спят, сомкнув ресницы.
Ночка долгая темна.
А изменнице не спится,
Думу думает она.
Царь-отец не замечает,
Что под ним качнулся трон.
От Елены получает
Письма тайные Горон.
У Горона-короля
Свой дворец,
Своя земля.
Но велик был на чужое
Аппетит у короля.
Тот Горон народом правил
Круто, почести любил.
Кто в стране его не славил,
Тому голову рубил.
Сразу сделался он выше
От Елениных похвал.
Он в поход на зорьке вышел,
Войско грозное собрал.
Рать надвинулась, как туча,
Все грозя снести и сжечь.
Но Андрей привстал над кручей
И достал заветный меч.

Развернулся,
Размахнулся –
Раз!
И войска больше нет.
Жаль, король не подвернулся,
И его пропал бы след.
Наш герой вернулся весел
В свой домишко над рекой:
Возле печки меч повесил
И улегся на покой.
А Елене все не мило,
И придумала она:
Меч взяла и подманила.
Глядь-поглядь – опять война.
Рать надвинулась, как туча,
Вместе с утренним лучом.
Наш солдат взошел на кручу
И давай махать мечом.
Глянул – сердце задрожало –
Рать идет густей травы.
Не коснулось смерти жало
Ни единой головы.
Ликовала рать Горона.
Сел Горон
На царский трон.
А несчастного Мирона
Утопить велел Горон.
Над седой волною-пенной
Чайки выплакали боль.
В тот же день
Назвал Елену
Королевою король.
Жарким заревом заката
Догорели краски дня...

6

Приказал король солдата
Привязать к хвосту коня.
Конь заржал и глянул косо,
Конь копытом постучал,
Седока в седло подбросил
И к хозяину помчал.
Дед повел сердито бровью,
Гостю рад он
И не рад:
“Ну, здорово!
Как здоровье?
Что ж ты меч проспал, солдат?
Не получишь, – молвил строго, –
Ни коня, ни кошелька.
Дам тебе я на дорогу
Три лазоревых цветка...”
Спорить с дедушкой не смея,
Вышел в путь.
И вдруг в пути
Видит ров, клубятся змеи –
Ни проехать, ни пройти.
“Мне бы в птицу превратиться”, –
Прошептал с тоской Андрей,
Съел цветок и легкой птицей
Полетел над сворой змей.
Небосвод сиял лазурный.
Горный край теплом богат.
У реки большой и бурной
Призадумался солдат:
“Что же делать?
Вот беда-то!
Но – впервой ли это нам?”

Съел цветок – и нет солдата,
Мчится лебедь по волнам.
Человеком стала птица.
Шел и шел Андрей, и вот
Наконец-то он в столице,
У Гороновых ворот.
Посмотрел через ограду
На играющий поток,
На дворец,
На кроны сада
И последний съел цветок...
За ворота вышла Маша,
Дочь садовника,
Глядит:
Конь такой –
Не сыщешь краше –
Под деревьями стоит.
“Ах, какой же ты красивый!” –
Обняла она коня.
Конь тряхнул густою гривой
И шепнул: “Веди меня!”
Посреди двора большого
На прогулку вышел он.
На красавца вороного
Любоваться стал Горон.
А жена его Елена
Зашипела, как змея:
“Чую, чую – непременно
Под копытом – смерть твоя”.
Ночью Маша прибежала
К златогривому в загон.
Обняла и зарыдала:
“Ох, убьет тебя Горон!”
Конь кивнул ей головой:
“В землю кровь мою зарой...”

Маша бледная стояла.
Час расправы был жесток:
Алой звездочкой упала
Капля крови на платок.
Кровь в саду она зарыла
У решетчатых ворот.
Ох и шума утром было:
Видят – яблоня цветет.
“Ты совсем себя погубишь, –
Королю кричит жена. –
Если яблоню не срубишь,
Принесет беду она”.
Ночью Маша прибежала,
Стала плакать-горевать.
Тихо яблоня сказала:
“Верю, выручишь опять”.
Рубят яблоню, ломают.
Наша Маша
Тут как тут.
Ветку Маша поднимает
И несет ее на пруд.

7

Как пошел король купаться,
А навстречу – селезень.
Стал Горон за ним гоняться,
Прогонялся
Целый день.
В руки птица не дается.
Вдруг пропала.
В тишине
Грозный голос раздается:
“Выходи, король, ко мне!”
Посмотрел Горон на берег,
С перепугу серым стал.

Он, глазам своим не веря,
Вдруг солдата увидал:
На зеленом бережке
Тот стоял
С мечом в руке.
Появилась тут Елена,
В ноги кинулась:
“Прости!
Хоть измена есть измена,
Меч на землю опусти”.
“Не кричи, казнить не буду –
Это дело королей.
Но, – сказал Андрей, – отсюда
Убирайтесь поскорей.
Чтобы не было вас к ночи
На земле,
Где мы живем”.
Побежали что есть мочи
Королева с королем...
Подошел солдат счастливый
К Маше:
“Мы с тобой – друзья.
Я и конь твой златогривый,
Я и яблонька твоя”.
Улыбнулась молча Маша
И, как вишня, расцвела...
На краю у сказки нашей
Свадьба шумная была.
Гости дружно пировали.
Но не век же пировать:
Вышли в поле и пахали,
Хлеб растили, убирали,
Стали жить да поживать,
Умных деток поджидать.

ВЕРА

1

Миленькая девочка
Родилась в Орле,
Крохотная Верочка
На большой земле.
Дедушка и бабушка
Смотрят: “Егоза!”
Постояли рядышком,
Вытерли глаза.
“Ах, какая звонкая!” –
Ликовала мать.
И отец с девчонкою
Побежал гулять.
Ой, какая шустрая!
Как же хороша!
Радостными чувствами
Полнится душа.
Глазками засветится,
В мир большой войдет.
Кто с такою встретится,
Глаз не отведет.
В вальсе с ней закружится
Музыка сама.
Сколько обнаружится
В девочке ума!

Сколько такта нежного!
В помыслах чиста.
Распахнет безбрежные
Дали красота...
Замужем красавица!
У нее – сынок...
А пока кусается
Маленький зубок.
А пока ладошами
Ищет край белья.
Спи, моя хорошая,
Сказочка моя!

2

Жил на свете Пушкин,
Сказки написал.
А народ частушки
Звонкие слагал.
Написал
Историю
Мудрый Карамзин...
Свет ты мой лазоревый
Средь родных равнин!
Ласточка проворная,
В книгах – Русь жива.
Золотыми зернами
Сыплются слова.
Станут доброй нивою
На душе твоей.
Умная, красивая,
Стань еще умней!
В храме окна светятся –
Мир святых икон.

Там с тобою встретится
Непременно Он,
Он, что правит звездами,
И твоей судьбой,
И громами грозными
В небе над тобой.
Даровал спасение,
Сына сняв с креста.
К тайне воскресения
Приложи уста...
Помню, в муках бился,
Как попал в беду:
Для чего родился
И куда уйду?
А спасенье – рядышком,
Как в саду трава...
Говорила бабушка
Главные слова.
Бабушка что мама,
Только чуть добрей.
Вспоминала храмы,
Свет монастырей.
Помню, милый голос
Слушал не дыша:
“Ты не с поля колос.
У тебя душа.
А душа-то вечна...”
Горе – кувырком.
Путь сиял мне Млечный
Звездным молоком.
Верную дорогу
Я душой постиг:
Путь открылся к Богу

Через горы книг,
Через покаяние,
Через свет, мечты,
Через обаяние
Вечной красоты.
Таает сумрак серый.
Льется свет с высот...
Вера,
Только вера
Каждого спасет.

РАССКАЗЫ И БЫЛИ

РОДОСЛОВНАЯ

Давно я живу на земле.

Как это началось?

Мама рассказывала:

– Сама я альшанская. Мне было восемнадцать, когда отец твой с Фоминки присватался. Сыграли свадьбу, венчались в Альшанской церкви, стали жить. Как тебе родиться, переволновалась я сильно. Показалось, что время пришло. Отвезли меня в Салтыки, в больницу. Лежу день, другой – скучно стало. Запросилась домой. А тут приехал за тетей Груней дядя Илюшка, жили они в ту пору в Альшани, на бугре. Я тоже засобиралась. Сели в телегу и поехали. С Кромской дороги на Альшань свернули – туча зашла, молнии засверкали. “Поехали, – говорю, – к нашим”. Заехали к моим родителям.

Прилегла я в горнице отдохнуть, и тут началось. Кликнули старушку по прозвищу Конфетка. Она велела воды вскипятить и приняла роды. На улице гроза гремит, молнии полыхают, а у меня – радость: сын родился.

К вечеру отец твой приехал с мамашей. Повезли нас с тобой на Фоминку. Дедушка Матвей сам не свой от радости. Кричит: “Внук!” Когда крестили тебя, так народу было в хате от угла до угла. На иной свадьбе меньше. Гости песни пели, а ты все спал.

– А потом?

– А потом стал ты подрастать, ходить научился. Помню, в белой шапочке с махорчиком, в рубашке

розовой ходишь по лавке, а бабушка Ефросинья: “Ой, Шура, да какой же он у тебя коротенький! Видать, в альшанскую бабушку Авдотью!” Водила тебя в Кузнецы, в церковь: нашу Альшанскую к тому времени закрыли. Помню, ходишь ты по церкви да все иконы разглядываешь.

– А дальше что было?

– Трудно жили. Люди в колхоз записались, а твоя бабушка Ефросинья: “Сказано в Священном Писании, что все будет людям дано, да ненадолго”. Не пошли. За это у нас из амбара весь хлеб выгребли. Сашка и еще один мужик в сапогах по муке ходили. Чуть корову не отняли. Отец твой в город подался. Работал там, пока не слег. Меня тоже тиф свалил. Остригли наголо. Дедушка твой Матвей в Сабурово пошел, в пастухи нанялся. Бывало, щей поест, а пайку хлеба – домой. Все тебя подкармливал. Ты ешь, а он смеется, радуется. Выздоровели мы с отцом, решили в колхоз идти. За нами – бабушка с бабушкой и Маня, сестра твоего отца.

Слушаю рассказ матери и вспоминаю: вот я стою на лавке и поедаю пайку сабуровского хлеба на глазах счастливого дедушки. Пайку он вынул из сумки, сшитой из холста, вытканного в нашей хате. Однажды бабушка пошла в Сабурово к бабушке, а он ей в обратный путь что-то в сумку положил. Сказал: “Смотри не разбей, очень нужная в хозяйстве вещь”. Бабушка несла тяжелую сумку и все думала, что же это за драгоценность там. Принесла и ахнула: большой серый камень. На том камне точили, помню, и ножи, и лопаты, и топоры. Даже соседи приходили точить.

В колхозе дедушку сделали шорником. Чинил он хомуты, шлеи, обратки и другую упряжь. Делу этому он научился давно, еще в царские времена. Мужики приходили, усаживались на большой сундук,

в котором копилось приданое для Мани, и вели долгие разговоры с дедушкой. А он все чинил и чинил хомуты. Я помогал ему относить их в горницу. Пришла как-то бабушка Авдотья, позвала в гости. Я дошел до колодца и говорю: “А кто же дедушке будет помогать?” Вернулся. Дедушка, понятное дело, обрадовался: “Молодец, – говорит, – что не бросил меня”.

Однажды в саду смотрел я, смотрел, как он прививает яблони, и давай спрашивать:

- Дедушка, а кто был твой дедушка?
- Кто? Мужик, землю пахал.
- А как его звали? Тоже Матвеем, как тебя?
- Нет, у него было свое имя – Антип.
- А по отчеству?
- Было у него отчество, да только...

Дедушка вздохнул и развел руками.

Мне стало грустно, будто бежал-бежал и вдруг налетел на каменную стену. Дедушка повел речь о том, каким был Антип сильным и смелым, как выходил без шапки на мороз. Даже такое случалось: зимой сходил на улицу босиком, в хате обмел веником ноги и полез на печь отогреться.

Были и такие истории, где замешаны колдуны и русалки. Однажды летом, уверял дедушка, заметил Антип, что в поле неладно: кто-то по ночам снопы разбрасывает. Пошел в поле, залег в копне и стал наблюдать. Стемнело. В небе ангелы отворили дверцы-звезды и начали за землей присматривать. Тихо стало. Ровно в полночь увидел Антип такую картину: идет полем великан в белом, хватает снопы и разбрасывает. Хотел молитву читать мужик, да голос пропал. Лежит как связанный, ни жив ни мертв. А великан подошел сзади, обдал страшным холодом и улегся за спиной Антипа. Он обернуться побоялся, а руку-то протянул к великану, схватил за длинный, скользкий, холодный нос. Схватил и давай крутить.

Тут петухи на деревне закричали. Оглянулся Антип – кругом пусто, а в ладони горсть от снопа, мокрая от росы, зажата. Почесал в затылке мужик и побрел по земле, где в каждом темном месте нечистая сила сидела.

Дедушка рассказывал одну сказочную историю за другой, а я все расспрашивал. Очень уж хотелось узнать побольше о нашей старине. Антипа, как я потом узнал в Орловском архиве, звали по отчеству Климентовичем. Что с ним стало, никто не расскажет. Вот приеду в родные места, увижу поле за канавой, гору за рекой, церковь и школу – и такое волнение охватит душу: почудится на выгоне тень прапрадеда Антипа или его сына, моего прадеда Максима.

Максим все лето работал, а зимой путешествовал. Наберет в городе товару и повезет продавать. Однажды заночевал на постоялом дворе, а там хозяйева совсем другие. Куда подевались прежние, постеснялся спросить. Чует, что дело неладно. Тревожно стало на душе. Еле утра дождался. На том же постоялом дворе обоз купцов ночевал. Утром обоз – за ворота, а Максима хозяйка задержала: то ей булавку продай, то бусы подбери. Максим сел в телегу и ударил кнутом по лошади. Видит: обоз уже далеко, вот-вот за поворотом скроется. Глянул назад, а за ним уже погоня: хозяин с хозяйкой в телеге едут. “Не уйдешь!” – кричат. Максим лошадь погоняет. Вдруг ремни сбруи лопнули – подрезаны оказались. Соскочил, надвязал и опять помчался. Стал кричать, чтоб купцы услышали. Докричался. Обоз остановился. Погоня прекратилась. Потом из города наехали власти с солдатами на постоялый двор. Устроили обыск. В колодце нашли загубленных людей. Там же и прежних хозяев нашли. Увезли душегубов в тюрьму...

Наслушался я рассказов о старине и объявил дедушке, что когда-то давно он был маленьким, а я стареньким и в поле пахал.

– Помнишь, как ты мне обед приносил? – спросил я.

Дедушка удивился и, смеясь, ответил, что помнит. С радостью принял выдумку внука.

А я ничего не придумывал. Я верил, что так и было: когда-то очень давно я шагал за сохой, а он, мой дедушка, приходил ко мне с узелком на пашню и был не седой и лысый, а совсем маленький.

Так что же со мной происходило? Я верил в придуманное? Или ко мне переселилось кое-что из памяти прадедушки Максима? Загадка и только.

А разве не загадка вся наша родословная, растянутая на века и затерянная в них, как в густом, непроглядном тумане?

РОДНАЯ СТАРИНА

Льетса-вьется ручей под ракетами, поспешает к Оке. Для того чтобы увидеть гольцов – резвых жителей песчаного дна, чтобы зачерпнуть родниковой воды, надо спуститься с холма по тропинке. На холмах – Альшань. Когда жива была бабушка Авдотья, я любил приходить сюда, любил слушать ее удивительную речь. Говорила она по-своему: не деревья, а древа, не домой, а ко двору, не Одесса, а Одест. Перед сном молилась за всех внуков и правнуков. Вставала чуть свет и хлопотала: то корову доит, то сено ворошит, то картошку в огороде подкапывает. Один раз заболела и двинулась в медпункт.

– Что-то я захворала, – сказала фельдшернице. – Ты бы мне помогла.

Та подала градусник:

– Подержи, бабушка.

Взяла градусник и домой.

– Вот, – говорит сыну, – дали мне подержать эту штуку. Видно, от хвори помогает.

Сын рассмеялся:

– Это же казенная вещь. Надо подержать и вернуть.

Испугалась бабушка, что ее на старости лет за воровку сочтут. От испуга даже боль прошла. Поспешила к фельдшернице:

– Спасибо! Помогла твоя штука.

Больше не болела. Так и дожила до девяноста годов.

– Бабушка, – говорю, – живи до ста!

– Что ты? Господь с тобою. Все мои подружки там, а я тут задержалась.

– Смерти не боишься?

– А чего ее бояться? Это же сон. Не страшно, что каждый день засыпаешь?

– Не страшно, – говорю.

– То-то. Вот и живи себе на здоровье!

Золотая бабушка. Маленькая, худенькая, а правду всем говорит в глаза. За то и провожали ее всем селом в последний путь...

Бабушка Ефросинья, сколько помню, души во мне не чаяла. Бывало, печь топит, хворост в огонь подкладывает и рассказывает одну историю за другой.

– Вот жила, – говорит, – в деревне нашей старушка. Умерла. Все плакали, жалели ее. На третий день стали гроб выносить, а она зашевелилась и поднялась. Народ врассыпную, кто куда. Когда же пришли в себя, стали спрашивать старушку, что она видела на “том свете”.

– Все видела, – отвечает, – все мне показали, даже то место, где мне находиться положено.

– Какое же это место?

– Нельзя говорить.

Так и не открылась.

– А еще, – продолжала бабушка Ефросинья, – вот такой случай вышел. Жил странник в лесу. Богу молился. И увидел он однажды птичку красоты небывалой. Захотел ее непременно поймать. Целый час гонялся, да так и не изловил. А пошел в тот же день в деревню соседнюю – никого узнать не может. Деревня переменилась. Что за оказия? Стал старичок людей спрашивать, откуда они, чьего рода-племени. И узнал: пока за птичкой гонялся, сто лет на земле,

как единый час, пролетело. За примерную жизнь он небесного времени удостоился: у нас – век, там – час.

– А теперь я скажу, – вмешалась тетка Федора, бабушкина старшая дочь, великая мастерица воду наговаривать, чтоб целебной была, умеющая травами хворь снимать. – В одной деревне у мужика золотой червонец пропал. Он подался к бабушке-знахарке: так, мол, и так. А с ним еще сынишка был лет семи. Промерз бедняжка. Бабка послала его на печку греться, а мужика – в сенцы, чтоб думать не мешал. Сама же подпол открыла и спрашивает: “Ну, что ты скажешь?” А оттуда, из темноты, голос: “Червонец корова съела, но ты свали на невестку. Будут ее ругать, доведут до петли – и она станет навечно нашей”. Мужик, услышав ответ бабки, насупился, кликнул мальчишку и пошел домой. А сын-то по дороге все обсказал, что с печки услышал. Зарезали корову, а червонец в желудке. Деньги большие. Тут же новую корову купили. И невестку не заподозрили, что она будто деньги украла.

Помолчала тетка Федора и еще одну историю рассказала:

– Жил в деревне колдун. Всю округу в страхе держал. Как свадьба, так зовут старика, на почетное место сажают. Не позовешь – обязательно порчу наведет. Вот собрались в одном доме свадьбу играть, а колдуна не позвали. Призадумались, как быть. А тут забрел к ним старичок-побирушка. Спросил, отчего приуныли. Хозяин и выложил все как есть. А старичок советует: “Завтра, как за невестой ехать, так запряги не лучшую лошадь, а клячу, которую не жалко”. Так и сделали. Только лошадь за ворота, как – бац! – растянулась. Откинула копыта и лежит, не дышит. И тут бежит колдун деревенский и бросается грызть конское мясо.

А старичок-побирушка приговаривает: “Сам наготовил, сам и ешь”. Взмолился колдун, в ноги к старичку повалился: “Прости! Больше не буду!” “Ну, смотри, – сказал старичок, – на первый раз милую тебя, а в другой раз не жди от меня пощады”. С той поры перестал колдун мужиков в страхе держать. Нашлась и на него управа. Дедушка Матвей рассказал, как Николай и Василий, святые люди, к Богу шли:

– По дороге видят: мужик с телегой застрял в грязи. Никак не может выбраться. “Надо помочь”, – сказал Николай. И засучил рукава. Весь испачкался, зато вытащил телегу. А Василий в стороне стоял. Белые свои одежды пожалел. Пришли к Богу, а Он говорит: “Тебе, Николай, за то, что мужика выручил, будут два праздника в году, а тебе, Василий, один”.

– Скрипнула дверь. На пороге появилась тетка Матрюща:

– Здорово вам, добрые люди!

Мы хорошо знали, что она больше всего сны любит рассказывать. Маня, ее сестра, жившая с нами, выглянула из-за занавески.

– Пришла? Только сны не рассказывай, пожалуйста.

Тетка Матрюща постояла-постояла и к двери:

– А тогда мне и рассказывать нечего.

– Ладно уж, проходи, – сжалилась бабушка.

Присела тетка, с минуту потерпела, а потом:

– Вижу я во сне, будто иду я по лугу...

– А навстречу бык белый-белый, – подсказала Маня.

– А ты откуда знаешь? – удивилась тетка Матрюща. – Я же не с тобой рядом спала. Я за речкой живу.

– А мне твои сны издалека видны.

Все засмеялись.

– Будет вам, – не выдержал отец. – Лучше я про русалку расскажу. Стояла на краю деревни избушка, всеми забытая. Тропинка к порогу травой заросла. Заметили люди: по ночам в окне огонь загорается. Соберутся парни и девки петь-плясать, а увидят свет – всем страшно делается, по домам разбегаются. А один парень не сробел. “Пойду, – говорит, – погляжу”. Пошел. Только дверь открыл и обомлел: сидит перед ним девица-красавица и пряжу прядет. Косы длинные до полу свесились. “Кто ты?” – спросил. “Русалка”, – ответила она.

И рассказала, что прокляла ее мать еще маленькой. В нехорошую минуту сказала: “Чтоб ты провалилась!” Она и провалилась, в руки к самому сатане попала. То для него пряжу прядет, то веревки вьет из песка, то воду решетом носит. Только одна неделя есть в году, когда русалок на волю отпускают. Сидят они во ржи и хохочут. Ежели парень рядом окажется, поймают, защекочут до смерти. Открыла красавица тайну: власть сатанинская над ней тогда отпадает, когда ее полюбит добрый молодец.

– Что же дальше было? – спрашиваю с нетерпением.

– Свадьба была, – весело отвечает отец. – Эх, жалко, что меня на той свадьбе не было!

– Ты бы песни пел, – напомнила Маня.

– На то и свадьбы, чтобы песни играть, – подал голос дедушка Матвей. Пока разговаривали, он валенки подшил. Да и другие не сидели без дела. Бабушка прядла. Мать чинила мне рубашку. Отец, разложив хворост, корзину плел. Вот он задумался, качнул головой то вправо, то влево и запел:

Эх да лес-дубравушка шумит.

Эх, по этой по дубравушке

Эх да путь-дороженька лежит.

Песню подхватили:

По этой дороженьке
Красная девушка шла.
За этой за девушкой
Молодой солдат вослед.

Одну спели, за другую взялись:

Соловей да с кукушечкой разговаривают:
“Полетим, кукушечка, во мой зелен сад.
Во моем садике молодец гулял...”

Песня печальная. Молодцу надо в солдаты идти. А служба тяжелая: стоят солдатухи в строю, а у них слезы катятся.

Слезы катятся. Домой просятся
К молодой жене, к малым деткам.

Бабушка добавляет:

К юным малолеткам.

– Цыц! – кричит дедушка. – Последней строчки не было. Это ты сама придумала.

– Экая важность – строчку придумала, – ворчит бабушка. – Вон на Покановке Чекулай целую песню сочинил. Откашлялась и запела:

Распроклятая та деревня,
Распроклятое то селенье:
Они день и ночь мало спят.
Друг перед дружкой они торопятся,
Чтобы с поля скорее убраться,
Чтобы дождичек не пошел.

Отец подхватил:

Собирались отец и мать жать,
Посылают и Ванюшу жито жать.
Вышел Ваня на крылечко,
Положил серпок на плечко.

Дальше вот что случилось: Ваня серпом порезал себе руки. Недалеко “сударушка жила”, к нему скорешенько прибежала, “уняла его нежную кровь”. Помолчали.

– Еще про Машу не пели, – напомнила Маня.
– И то верно, – согласилась бабушка. – Про Машу я пять песен знаю. С какой начнем? Может, с этой:

Ишла Маша, Маша из лесочка,
Нашла Маша, Маша два веночка
Себе и дружку,
Себе и дружку.
Маша речи говорила,
Ох да говорила ямщику.

Про то говорила, чтобы он не покинул Машу одну в чистом поле. Потом пели “Катюшу”, не ту, которую все мы знаем, а другую – старинную.

Сидела Катюша поздно вечером одна,
Вышивала Катюша по тамбуру рукава,
Вышивши, Катюша в терем к батюшке пошла...

Стала дочь просить отца, чтобы он куда-нибудь ее определил. “В монастырь”, – решил отец. “В монастырь я не гожусь, – ответила Катюша. – Молодых монашек всех по кельям разгоню”. Что делать? Придется замуж отдать. Посватался один жених – отказала. Другому – тоже отказ. А пришел веселый парень с балалайкой – согласилась.

– А вот эту песню, – сказала бабушка, – меня свекровь Маланья заставила выучить. Потом еще проверяла, чтоб запомнила слово в слово:

Закатилось ясное солнце
За весь темный лес,
За весь темный лес.
Эх, проходила красавица
Да весь белый свет,
Да весь белый свет.
Эх, ковыль-трава шелкова
Стелила мой след,
Стелила мой след...

Песня печальная и долгая, как зимняя дорога. Жалуется в ней добрый молодец на то, что его сударушку повели венчаться с другим. А вот еще один добрый молодец. Это уже из другой песни:

Ехал-ехал я столицей,
Заезжаю в городок.
Там стоит красна девица,
Продает сладкий медок.
Попросил я напиться –
Она пить мне не дает.
Попросил я с ней проститься –
Она ручку подает.

Песня веселая, да конец печальный: девица напонила молодцу, что он, шельма, забыл ее и женился на другой.

– “Утушку” забыли, – напоминает тетка Матрюша. – А ну-ка:

Эх, утушка моя луговая,
Эх, утушка моя луговая,
Луговая,
Луговая...

Отец не забыл любимую:

Снежки белы-лопушисты
Принакрыли все поля,
Принакрыли все поля.
Одно поле не накрыто,
Поле батюшки мово.
Среди поля есть кусточек,
Одинешенек стоит...

Долог зимний вечер. Земля, укрытая лопушистыми снегами, крепко спит под частыми и яркими звездами. В конуре у амбара чутко дремлет Рябчик – мой верный косматый друг. На дворе отдыхает на соломе корова. Под крышей притихли воробьи. Куры вместе с петухом сидят на жердочках. Овцы сбились в кучу в

самом темном углу двора. К весне появятся бойкие ягнята, весело будет видеть их на лугу с цветными бантиками на боках. Под нарами (бабушка называет их хоры) в хате прилег теленок. Спит себе с белым пятнышком на лбу. Песни и разговоры ему не помеха. А кошка на краю печки не просто спит, а даже музыку свою завела. Только услышать ее можно в полной тишине. Сверчок, когда все разойдутся, голос подаст. А пока широко и вольно гуляют песни по хате. Все уже устали петь, начинают переговариваться, но отцу никак не хочется расставаться с песней. Он запекает еще одну:

Не влюбляйся в черный глаз,
Черный глаз опасный,
А влюбляйся в голубой –
Голубой прекрасный.

– Почему опасный? – спрашиваю.
– Дурной, – строго разъясняет бабушка.
– Чем дурной?
– Тем, что глянет на тебя – и ты захворал. Сглазит!
– Или приворожит, – с улыбкой добавляет отец. И пошли разговоры про то, как в старину привораживали. Вспомнили Амурчиху, лавровскую старушку. Материца гадать-привораживать, она славилась на всю округу. Амурчихой прозвали за то, что ее муж на Амуре служил и там запропал. С Фоминки чаще всех к ней ходила Чучуколка. Почему такое чудное прозвище? Говорят, когда еще маленькой была, то любила петь:

А чу-чу!
А чу-чу!
Я горошек молочу
На чужом точку,
На припечку.

Обернулась песенка прозвищем и приклеилась к человеку на всю жизнь. Прозвища прилипчивы.

В Альшанской школе вышел ученик к доске, а учительница говорит:

– Придумай имя существительное.

Он думал-думал, покачиваясь от напряжения, и брякнул:

– Бревно!

– Что же ты сам качаешься, как бревно? – засмеялась учительница. Так бревном и прозвали. Прозвище к детям и внукам перешло – стали Бревнушкиными звать.

Чучуколка хорошо помнится. Как-то завернула она однажды в холстину кусок баранины и двинулась через поле в Лаврово. Попросила Амурчиху:

– Помоги, бабушка, приворожить жениха к моей дочке Нюше.

Амурчиха дар приняла, а взамен дала воды наговоренной. Наказала:

– Стань посреди дороги и кричи. С какой стороны прибегут люди, оттуда и сватов жди.

Крикнуть следовало ровно в полночь.

Места себе не находил в тот вечер Тимофей, муж Чучуколки. Пропала жена, да и только. Стожары горели высоко в небе, когда со стороны большака слышался голос:

– Разбой!

Повторился:

– Разбой!

И еще:

– Разбой!

Тимофей услышал первым. Первым и побежал на помощь с топором в руке. Еще и мужиков кликнул. Прибежали и видят: стоит на канаве Чучуколка одна. Никто ее не грабит, не грозит смертью.

– Чего орешь? – сердито спросил муж.

– Так нужно, – шепнула она.

Стыдно стало Тимофею перед мужиками. Повернулся и молча зашагал домой. А жена ему вслед:

– Тимоша! Не гневайся. Я все сделала, как Амурчиха велела.

– Ну и что?

– А то, что с Фоминки нам ждать сватов.

Поднял Тимофей глаза к Стожарам, и показалось ему, что даже звезды смеются над ним и его неугомонной женой.

Много раз я слышал эту забавную историю. И до войны, и потом.

Другая история была про Пармена, альшанского мужика, моего прапрадеда. Собрался он в город, а жена ему:

– Ты бы горшок купил, а то совсем некуда сметану сливать.

– Ладно, – пообещал Пармен. Сел в сани и поехал.

Дело было зимой. В городе дорогу так накатали, что сани иной раз сами бежали и лошадь по задним ногам подталкивали. На базаре, где торговец горшки расставил, с этими санями вот что приключилось. Катнулись они в сторону торговца, зацепили гору с посудой и...

– Что же ты, лиходей, натворил? – схватился за голову хозяин горшков.

– Не ори, – спокойно посоветовал Пармен.

– Как же не орать, когда ты всю мне посуду перебил своими проклятыми санями?

– Ну и что же, что перебил. Экая беда! – еще спокойнее возразил Пармен. – Лучше ответь, сколько стоят твои горшки.

– Какие? – опешил торговец.

– Какие-какие? Глиняные. Все – битые и небитые. Торговец назвал цену. Пармен отсчитал деньги, погрузил посуду и повез домой. Вошел в хату:

– Марья, ты просила горшок купить?

– Просила.

– Иди выбирай.

Вышла, увидела гору на санях и ахнула:

– Совсем, дурак, ошалел.

– Не нравится? – спокойно поинтересовался

Пармен. Повернул сани к обрыву и все горшки покидал вниз – и битые, и небитые. На Троицын день загулял Пармен на Кнубре. И песни пел, и плясал. Под конец праздника совсем отяжелел, притомился.

– Отвезите меня, – попросил мужиков. – Я заплачу.

– С нашим удовольствием, – ответили хозяева.

Запрягли лучшую лошадь в телегу:

– Садись, Пармен!

– В телеге меня и дурак отвезет, – отмахнулся

Пармен. – В санях бы!

Делать нечего. Запрягли в сани тройку и повезли. Лошади сильные. Как дернули – только пыль взвилась. Увидел на дороге пыль звонарь Альшанской церкви – в колокол ударил. Думал: архиерей едет. Влетело ему потом за недогляд. И Пармону влетело. Священник заставил его целую неделю отмаливать грех: по сорок поклонов в день. Все исполнил Пармен. Зато гордился, что в санях летом прокатился. Тем и запомнился людям на сто лет, а может, и больше.

Память причудлива и капризна. Она записывает на своих страницах самые удивительные случаи, подчас самые забавные.

Например, Миколаша, фоминский мужик, запомнился свои аппетитом и храпом. Собирался он в поле, а жена пекла хлеб. Прежде чем жарко натопленную печь наполнить ковригами, она понапекла толстых лепешек-растрепок.

– Поешь, Миколай, – предложила мужу.

Тот съел одну, другую, третью. Так и уговорил девять штук. После этого прилег отдохнуть.

– Отчего же ты в поле не едешь? – спросила жена.

– Что же, без завтрака поеду? – сердито ответил муж.

Съел еще и завтрак.

Тогда и поехал.

Вся наша деревня знала, как Миколаша храпит. Говорили: если в ночном сторожа разбредутся, то Миколашу найти легче легкого – надо только ухо приложить к земле. Откуда гул идет, туда и ступай.

Жил он долго, умирал трудно. Лежал неподвижно и вздыхал. Дочь Настя терпеливо ухаживала за отцом до последнего дня.

Если правда, что в мире ничто не исчезает, то где-нибудь в глубине Вселенной блуждает храп фоминского мужика, который умел работать, умел и плотно поесть. Когда же уставал он, то засыпал на траве, не требуя удобств, как наш древний князь Святослав, и впадал в громкозвучное забытье...

МИШКА И МАШКА

Этот удивительный случай дедушка Матвей от своего отца Максима услышал.

На большой дороге был постоянный двор. Жили в нем хозяин с хозяйкой – хорошие люди. Был у них сынок лет семи. Вот прискакал человек верхом на коне и велит хозяину никого к себе на ночь не пускать: будут к вечеру сам царь с царицей.

Приготовили хозяева лучшие комнаты для важных гостей, выставили на стол закуски и вина, стали поджидать. Вдруг постучался в ворота совсем необычный гость, да не один, а с медведем и медведицей. Запросился переночевать.

– Не могу! – замахал руками хозяин. – Никак не могу! Государь с государыней вот-вот пожалуют.

– Куда же нам в такое позднее время идти? – вздохнул гость. – Пусти хоть во двор, где скотину держишь. Мои Мишка и Машка – звери смирные.

Сжалился хозяин. Пустил. Велел только сидеть тихо. Поздно вечером прикатили три тройки с важными гостями. Сели гости за стол пировать. Пили, ели, а потом самый главный, что царем себя называл, достал из-за голенища большой нож. Воткнул в стол перед собой и гаркнул во все горло:

– А ну, хозяин, неси деньги сюда на стол, иначе жизни решу.

Хозяин задрожал. Хозяйка в слезы ударилась. Не царь с царицей, а лихие разбойники в дом нагрянули. Целую шапку золота им вынесли – мало.

Еще полшапки – мало. А мальчик тем часом – в сени да во двор. Рассказал все гостю, что с медведями ночевал. Тот поднял мохнатых друзей на ноги и повел в дом, хозяева стояли на коленях перед разбойниками.

– Мишка, хватай злодеев! – крикнул медвежий вожак. – Машка, лови душегубов!

Медведь взревел и через стол к самому атаману кинулся. Тот – в окно, только стекла зазвенели. А медведица принялась душить каждого, кто ей в лапы попадался. Еле разбойники ноги унесли...

Уж как благодарили хозяева дорогого гостя и его верных друзей. Не знали, чем и потчевать Михаила Ивановича и Марью Ивановну.

ИГРА

Когда мой дедушка Матвей был маленьким, жилось ему очень трудно. Отец умер. Бедность совсем одолела. Уговорил его один парень:

– Пошли играть в нищих!

– Как это? – спросил Матвей.

– А так. Я притворюсь слепым, а ты при мне поводырем будешь.

– Пошли.

Выбрали дальнюю деревню, где их никто не знал. Весь день ходили по хатам. Люди жалели нищих, надавали им хлеба, лепешек – кто что мог. Матвей пришел домой и похвалился:

– Вот сколько насобирал добра!

– Ах ты негодник! – закричала мать. – Да в нашем роду ни в какие времена нищих не было.

Взяла хворостину и отхлестала сына.

На всю жизнь запомнил он этот урок. Дал себе слово – никогда не попрошайничать. Гордость в себе развивал. В десять лет научился пахать и сеять, в двенадцать – чинить хомуты и всякую другую упряжь. Даже по деревням ходил вместе со старшим братом Афанасием, на хлеб и одежду зарабатывал. В пятнадцать пошел в далекий и славный город Киев, стал отличным пекарем на Крещатике: хозяева наперебой к себе зазывали.

До самой старости шорником в колхозе работал. Да что я говорю: “до самой старости”? До последних дней своей жизни. Редко откладывал в сторону шило, свайку, дратву. Работал и песни пел. Бывало, за что ни возьмется, все играет в его руках.

ЧИБИС

Шли мы лугом в Драгунский лес, а над нами кружился чибис. Кружился и кричал: “Чьи вы? Чьи вы? Чьи вы?” Дедушка Матвей смеялся:

– Он ко мне приставал и тогда, когда я был маленьким.

Я смотрел на дедушку – лысого, бородатого, в синей рубахе с косым воротником – и никак не мог представить его маленьким мальчиком. Потом все-таки представил и спросил:

– А к твоему дедушке, когда он был маленьким, тоже чибис приставал?

– Наверное. Такая уж у этой птицы привычка.

– А у дедушки твоего дедушки тоже был чибис?

– Обязательно был.

Шли мы дальше и все разговаривали. Мне начало казаться, что над нами – вечный чибис: всегда он был и всех расспрашивал.

Но вот прошли многие годы. Не стало моего дедушки. Расстался я с деревней. Как-то летом приехал, луг проведать решил. Глянул, а луга нет. Распахали его и овсом засеяли. Стоит овес и сережками звенит до самого Драгунского леса. И никто не окликает меня, не спрашивает, чей я. Нет моего чибиса. А я-то думал, что он вечный. Грустно стало. Перешел я через Оку по тонкому мостику, двинулся по тропинке вдоль берега и увидел клочок луга, не тронутый трактором. Стал рассматривать кочки, одетые травой. И вдруг: “Чьи вы? Чьи...”

Оказывается, он сюда переселился – дедушкин, прадедушкин, прапрадедушкин чибис. Вечный, да и только!

КАПИТАНКА

Когда я был совсем маленьким, меня пугали стариком:

– Не шали, а то старик заберет. Не будешь слушаться – старика кликну.

Даже дедушка иной раз пугал, хотя его самого бабушка называла стариком:

– Ты бы, старик, сходил в подвал за картошкой. Сплел бы, старик, пару корзин.

Дедушка не обижался и в свою очередь называл бабушку старухой:

– Свари-ка, старуха, щей из свежей капусты. Как думаешь, старуха, завтра будет дождь?

Бабушка тоже не обижалась. И щи отменные варила, и погоду безошибочно угадывала. Даже умела на весь год угадывать по каким-то приметам на небе.

Хорошие были у меня дедушка с бабушкой.

А отец – лучше всех.

Был он молодой, веселый, песни пел вечерами. И днем на покосе пел. Сказки мне рассказывал. Очень любил я отца и никогда не сердился на него.

А однажды рассердился.

Вот как это случилось.

Купили мне картуз с блестящим козырьком. Кто-то сказал, что это не простой картуз, а капитанка. Такие картузы носят капитаны на кораблях. А мне всегда хотелось быть моряком, чтобы волны шумели вокруг и палуба качалась под ногами,

а на пути удивительные острова встречались. Я надел капитанку и сразу стал ближе к синему бурному далекому морю.

Летом, на Троицу, праздник был. Отец надел мою капитанку и пошел к дому Арешкиных, где гармонь играла: очень уж он песни и пляски любил.

Взбежал я на самый верх нашего подвала, поглядел, как отец уходит, а козырек моей капитанки блестит на солнце, и закричал на всю улицу, не выговаривая букву “р”:

– Старик! А старик! Отними у него мою капитанку.

Долго меня пугали стариком, а тут и он пригодился.

И что же вы думаете? Выручил! Услышал отец и вернулся ко мне:

– Держи свою капитанку!

Потом он всю жизнь вспоминал этот случай.

Вспоминал и смеялся.

КОНЬКИ

Мне купили коньки. Блестящие, с загнутыми головками, они так ладно подошли к моим валенкам, аккуратно подшитым дедушкой, что я как встал на них с утра, так и не разлучался с коньками до самого вечера.

Лед на Оке был похож на стекло. Под этим стеклом даже видны были пескари. Но мы с Васьком Прониным на рыб не смотрели. Некогда. Коньки сами уносили нас по реке к Альшани, Покановке и дальше. Вон уже и Кнубрь с горой Лихачевкой в сторону отошел. Хаты Кузнецовки показались.

– Далеко заехали, – тревожно напомнил мне приятель.

– Верно, – согласился я. – Дальше не поедем, а то в Кромы попадем.

На обратном пути морозный ветер еще крепче хватал нас за уши, обжигал щеки. За Альшанской церковью догорал закат.

Дома стал я раздеваться, разуваться, а мать:

– Посмотри-ка, что с валенками сотворил.

Глянул и обомлел: коньки острыми головками прорезали подошвы. “Вот отчего, – подумал, – они так ладно сидели”.

Вздыхнул и полез на печку. Лежал под одеялом и слушал сердитый мамин голос:

– Больше не поедешь кататься. Хватит! На такие коньки валенок не напасешься.

Грустно засыпал. Утром разбудил меня дедушка:

– Кататься поедешь?

И положил передо мной коньки: головки были подпилены. Теперь они уже не казались такими надежными, как вчера, но зато можно было опять кататься.

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Груша стояла посреди сада и была выше всех. На это дерево и полез я с деревянным домиком в руках. Влез и укрепил домик на самом толстом суку. Спрыгнул на мягкую землю, усеянную круглыми прошлогодними листьями, и стал ждать скворцов. Вот прилетел один. Сел у самого домика, попрыгал-попрыгал и нырнул в круглую дыру. Потом высунул нос, затем голову, черную, как сажа, и выскользнул, весь такой же черный. Что-то крикнул на своем языке.

Теперь-то я знаю что. Вот что:

– Брр! Не понравился мне твой домишко! Совсем не понравился. Фрр! Полечу-ка я лучше к твоему другу Петьке.

Я стоял под грушей и чувствовал себя самым несчастным человеком на земле.

Воробьи прыгали у ног. Поглядывали острыми, маленькими глазками на меня и что-то говорили на своем языке. Теперь-то я знаю что. Вот что:

– Живи-живи весело! Мы будем жить в твоём домике. Чик-чирик! Чик-чирик!

Порхнули из-под ног. Полетели к домику. Осмотрели со всех сторон. Побывали внутри. Поселились. А там вывели маленькие воробьи крохотных воробейчиков, и совсем в саду стало весело.

Я слушал, как заливаются на всю деревню скворцы в соседнем саду, и считал своего друга Петьку самым счастливым человеком на свете.

НА ГОРЕ

Ящерица жила на горе. Гора, изломанная оврагами и овражками, нависала над Окой, опушенной лозами и тростниками. За рекой – наша деревня. Посреди этой деревни мы стояли и разговаривали.

– Мне, – говорю, – бабушка велела травы нарвать для нашей Рябки.

– И мне велели, – вздохнул Петька. – Иначе Зорька молока не даст.

– Мне тоже надо идти за травой, – сказал Васек, которого мы за глаза звали Царевичем. В глаза не называли, чтоб не обидеть: прозвище все-таки.

Взяли мешки, перешли по плотине на другой берег и поднялись по каменистому дну Милаева оврага вверх. Нашли под березками место, где трава была высокой, тонкой и мягкой – не резала рук. Нарвали столько, что мешки набили доверху. Крепко завязали мешки, но поднимать на плечи не стали. Толкнули – они и покатались с горы, как бочки. Весело было смотреть, как мешки катятся и прыгают.

Мешки с травой внизу, а мы наверху.

– Давайте еще по горе походим, – говорю.

– Это можно, – обрадовался Петька.

– Отчего ж не походить? – согласился Васек Царевич. Ходили-ходили, ничего интересного не увидели.

– Тут одни камни да песок, – поморщился Царевич. – Даже травы не видать. Пустота одна. Лучше б уж зима была. На лыжах бы катались.

– Погоди зиму кликать, – рассердился я. – Лучше глянь под куст: там что-то шевелится.

Присмотрелись вместе: под кустом на краю оврага шевелилось и убегало от нас что-то длинное и очень проворное.

– Уж! – брякнул Царевич.

– Сам ты уж, – говорю сердито.

– Змея?

Тут уж я совсем вышел из себя.

– Книжки, – говорю, – надо читать. Это ящерица! Я такую на картинке видел.

– И я видел, – поддержал меня Петька. – Если ей на хвост наступить, то...

– То что? – загорелся Васек.

– А ничего, – хитро прищурился Петька. – Вот наступи, тогда и увидишь.

– Сам наступи, – насупился Царевич. – А может, она кусается?

– А ты видел у нее зубы?

– Не...

– Такого, как ты, укусить, – засмеялся Петька, – надо зубы большие иметь, как у волка.

– Или как у нашего Рябчика, – вспомнил я нашу собаку. Пока мы разговаривали, ящерица спряталась в траве. Искали-искали, еле нашли. Васек осмелел и наступил ей на хвост. Наступил и отдернул ногу: на земле лежал и шевелился хвост. А самой ящерицы и след простыл.

– Что же теперь будет? – растерялся Царевич.

– А ничего, – спокойно рассудил Петька, – у ящерицы новый хвост отрастет.

– Правда? – Васек посмотрел на меня.

– Правда, – говорю. – Книжки надо читать. Там и про это написано.

Мы спустились с горы, подобрали мешки с травой и понесли в деревню. Васек Царевич шел и вздыхал.

– Тяжело? – спросил Петька.

– Нет, – ответил он. – Ящерицу жалко. Сколько ей, бедной, ждать теперь, пока новый хвост вырастет.

КОМПАС

Отец принес мне из города компас. Смотрел я, как стрелка покачивается и прыгает, север-юг показывает, налюбоваться не мог. Показал Петьке, Ваську Царевичу, Ваську Пронину, Ване Федорину, Ваську Кузякину и другим ребятам. Компас всем понравился. На другой день мы отправились в Драгунский лес. Идем-идем и остановимся, чтобы по компасу проверить направление.

– Смотрите, – говорю друзьям, – какой умный компас! Синей стрелкой на лес показывает, а красной – на Кнубрь.

– Это потому, – поясняет Петька, – что Драгунский лес на севере находится, а деревня Кнубрь – на юге.

Мы шумно разговариваем, а дедушка Матвей идет следом и улыбается в бороду.

Вот пришли мы в лес и сразу забрели в самую чащу, где белые березы толпились густо и дубы в два обхвата стояли. От дедушки оторвались. Теперь мы и без него не заблудимся: у нас компас.

И зашли мы далеко-далеко.

– Как бы не заблудиться, – вздохнул Васек Царевич.

– Не заблудимся, – уверенно заявил я и вынул из кармана ученую штуку. Стали смотреть. А стрелка прыгает: то на юг покажет красной стрелкой, то синей, то обернется, попрыгает и запад-восток теми же концами ищет.

– Чудно! – почесал в затылке Петька. – Вроде как заблудился компас.

– Неправильный компас! – рассердился Васек Пронин. – Завел нас в чащу, а выводить не хочет.

– Сам ты неправильный, – вспылил я и давай компас встряхивать.

– Зачем трясешь? – поинтересовался Ваня.

– А я почему знаю, – ответил я жалобным голосом. – Может, мой компас такой, что его в лесу потрясти надо.

Стрелка сильнее запрыгала. То кинется на север, то на юг, а то совсем в другую сторону.

Страшно стало.

И вот тут-то, когда мы совсем испугались, рядом раздался голос дедушки:

– Ну как? Живы, пострелята?

В руках у него было лукошко с грибами.

Ребята промолчали, а я спросил:

– Дедушка! Расскажи, как ты нашел нас без компаса.

– У меня свой компас, – усмехнулся он и двинулся прямо на юго-запад, как раз в ту сторону, где наша Фоминка.

Теперь-то я хорошо знаю, что в родном лесу дедушка никак не мог заблудиться.

И мне теперь компас в Драгунском лесу не нужен. А вспомнил я о нем потому, что уж очень приятно вспоминать далекое-далекое, навсегда улетевшее детство.

БЫК

– Пошли рыбу ловить, – предложил Петька.

– Пошли, – согласился я.

Взяли мы удочки, накопили за двором червей и засели у моста. Никак не клюет. То ли телеги часто гремят на мосту, рыбу отпугивают, то ли альшанские петухи криками своими мешают. Подняли мы удочки и вниз по Оке зашагали. Пробовали ловить под горой Кавказкой, пристраивались в других местах. Не везет, да и только. По два пескаря поймали и решили удочки сматывать: вечер надвинулся.

Возвращаемся берегом, а навстречу – бык.

– Это не наш, – говорю, – это альшанский бык.

Видно, из стада ушел.

– А по мне, – ворчит Петька, – что альшанский, что наш фоминский. Вот как начнет по траве катать да ребра считать.

– А может, он добрый?

– Ничего себе добрый! Землю так и роет копытом. Неужто не видишь?

– Вижу, – отвечаю.

А сам на гору. И Петьку зову с собой.

Одним махом я на самом верху очутился. Петька помедлил и проворно спустился к реке. Решил под кустом отсидеться. Бык увидел, что куст шевелится, и тоже к реке. Вижу сверху: круги по воде пошли. Бык постоял-постоял, крутнул головой и двинулся дальше.

Когда он уже был далеко, я сошел вниз и увидел Петьку.

– Живой?

– Живой, – отвечает. – Только сильно мокрый.

Поленился лезть на гору, пришлось искупаться.

Дома я рассказал эту историю отцу, а он – свою:

– В старое время был бык на барском дворе. Громадный, с крутыми рогами. Все его боялись. Один мужик с нашей деревни осмелел и ударил быка палкой. Тот взревел и за обидчиком. Мужик через поле домой, а бык следом. Мужик в хату вбежал, дверь за собой на клин затворил. Куда там! Бык все запоры сорвал, дверь распахнул и в хату ворвался. Спрятался хозяин под печку и лежит там, не дышит. А бык пошел печь рогами ломать. Всю разворотил. Худо пришлось бы мужику, если бы мальчик, сын пастуха, не прибежал. Прибежал он и быка окликнул. Услышал бык знакомый голос, сразу перестал печь ломать и вышел на улицу. Мальчик погладил его по мохнатой голове и вскочил на спину. Поехал на барский двор, как на коне.

Закончил отец историю, которую от матери своей услышал, и сказал:

– Добром да лаской можно любого зверя приручить, не только быка.

Я засмеялся.

– Чему смеешься? – спросил отец.

– Все Петьку вспоминаю, как он, одетый, в речку сиганул, – ответил я. – Потом из речки вылез, а вода с него ручьями бежит.

КАВКАЗКА

Утро блестит морозными узорами в окне.

– Куда пойдём кататься? – спрашивает, стоя на пороге, закутанный в башлык Васек Царевич.

На башлыке – снег, на валенках – снег, щеки от мороза горят.

– Может, на Лихачевку?

– Пошли.

– Или на Климачевку?

– Можно и туда.

Васек на все готов, лишь бы кататься. Он однажды на коньках так закатался, что на урок заявился на коньках. Въехал в класс, сел за парту, а коньки снимать не стал. Надежда Ивановна вызвала к доске, а он и поехал. Класс помирал со смеху. Иной раз меня дома прятали от него, а то опять сманит на улицу кататься.

Так вот, стали мы с ним еще на улице советовать-ся, какую гору выбрать. Остановились на Кавказке. Надели лыжи и покатили огородами, одетыми в белое плотное полотно. Раз! Съехали с берега на лед. Сняли лыжи, взяли в руки и полезли вверх по крутому склону Кавказки. Выбрались на самый верх и залюбовались. Далеко видать!

Спуск с горы так крут, что весь не виден. Первым рванул вниз Царевич. Потом я. Учащенно забились сердце. Молча нажал на палки и покатил. Ветер рвал шапку с головы, обжигал лицо, я летел и падал в бездонную пропасть. Одна мысль: только бы не упасть!

Не успел опомниться, как лыжи пронесли меня через лед, одетый прикатанным снегом, и выбросили на берег, на белое пространство огородов.

Страх позади.

– Полезли на горку! Нечего тут прохлаждаться, – слышу голос нетерпеливого и неугомонного друга.

Мы опять поднимаемся на самый верх Кавказки.

Снова нам хочется испытать жгучую радость падения, бега, взлета...

Катались мы не только на лыжах. Катались и на лебяжках – круглых кошелках, плетенных из хвороста, обмазанных коровьим навозом, облитых на ночь водой, а потом превращенных морозом в гладкий и скользкий лед. Однажды скатились с горы одновременно, сшиблись на крутом спуске, разбили носы и долго кувыркались в снегу, пока не застряли в сугробе.

– Ты прямо как Дед Мороз! – смеялся Васек.

– На себя посмотри, – отвечал я.

– Вот приду домой и посмотрю.

Пока добрались до деревни, снег остался только на валенках. ... Давно не стоял я на самом вершине Кавказки: все некогда было навестить родные места. Но вот как-то навестил, поднялся на гору, и страшно стало. Глазам своим не поверил: неужели и вправду я отважился на такой крутой спуск? Ах, детство, детство – отчаянная пора!

ПАТЕФОН

У Гавриловых поселились учитель с учительницей. Их дочка со смешным именем Гилек подружилась с нами. Бегала по лугу. Ходила в Кочки по щавель. Бывало, нарвет цветов и предложит:

– Давайте венков понаделаем.

Расхаживаем все в венках и смеемся друг над другом.

А Гилек нас к себе в гости зовет.

– Приходите! – говорит. – У нас патефон.

– А что это? – спрашиваю.

– Ну, ящик такой. Сам поет и сам разговаривает.

– Я тоже сам пою и сам разговариваю.

– Ты – человек, – сердится она, – ты живой, а он, понимаешь, не живой.

– Чудно! Не живой, а поет и разговаривает. У нас даже петух говорить не умеет. А то ящик. Нипочем не поверю.

– Приходи – поверишь.

Пришли мы с Петькой и стали под окном. На подоконнике увидели черный ящик с блестящей ручкой.

– Сейчас! – крикнула из хаты Гилек.

В окне появился ее отец. Он вынес черную сковородку, поставил на гвоздик, что торчал из ящика, крутнул ручку. Зашипело.

– Ишь, как яичница на огне, – толкнул меня Петька.

– Сам ты, – говорю, – яичница. Молчи и слушай.

– Я и так слушаю, – обиженным голосом возразил Петька.

– Замри! – приказал я.

И даже ногой притопнул, чтоб не мешал. Отец Гилька усмехнулся и отошел в сторону.

А черная сковородка крутилась-крутилась, и вдруг из-под нее выбежал голос и запел:

Вдоль деревни от избы и до избы
Зашагали торопливые столбы.

Потом хор подхватил песню.

Мы стояли с Петькой и слушали, широко раскрыв глаза от удивления, будто в сказку попали. Мне, помню, показалось, что под черной сковородкой спрятались маленькие человечки и там поют себе хором про электричество на деревне, которого у нас тогда и в помине не было.

Прошло много лет. Теперь и дети мои стали взрослыми. Без всякого удивления смотрят они телевизор, слушают разные магнитофоны и радиолы. И все-таки с удовольствием вспоминаю тот черный ящик на подоконнике, черную пластинку, похожую на сковородку, и пение невидимого хора.

И Петька вспоминает, хотя давно его, седого, почтенного человека, называют Петром Васильевичем.

ВОЛКИ

Мы в поле собирали горох. Было мне лет шесть, а может, и семь.

– Старайся, – говорил бригадир. – Трудодень запишу.

Радостно было, что со всеми взрослыми работаю. И друзья мои радовались, тоже старались. Вдруг слышу:

– Волк! Волк!

Я побежал смотреть, но ничего не увидел.

– Опоздал! – смеются ребята. – Волк уже в лесу.

– Какой же он? – спрашиваю.

– Большой, серый, – отвечает Васек Пронин, живший в деревне через дорогу от нашей хаты.

Обидно мне стало, что прозевал зверя, да ничего не поделаешь... Потом, когда мне было тринадцать лет, взяли мы с Васьком Царевичем косы и отправились далеко-далеко, аж к Сабуровскому лесу, траву косить.

Взяли с собой еды на ужин и завтрак и пошли. Как только пришли, так сразу же принялись за дело. Косили, пока не стемнело.

– Пора, – говорю, – на покой.

Набрали травы посуше да побольше – получилась гора. Зарылись в нее и глядим на звезды. Свежий ветер бежит по лицу, а нам тепло: трава греет. Далеко где-то коростель скрипит: “Скрип, скрип, скрип”...

И вдруг: “Оу! Оу!”

– А ведь это волки, – шепчет Царевич. – Что же нам делать, если нападут?

– Ничего, – говорю, – косами отобьемся.

А у самого мурашки по телу бегут.

Волки повыли-повыли и пропали. Опять “скрип-скрип” завел свою песню коростель. Так убаюкал нас, что проснулись мы, когда уже солнце вышло из-за холма.

– Пора! Пора! – принялся я трясти за плечо друга.

– Не тряси, – сердито ответил он. – Сам вижу, что пора.

Съели мы завтрак – и за косы. Про волков и думать позабыли: очень уж работы было много у всех нас на четвертом году войны.

После войны, когда мой отец, вернувшись домой, работал сторожем на току, я рассказал ему про волков.

– Это что! – засмеялся отец. – Я вот недавно с волком носом к носу столкнулся, да рассмотреть не успел.

– Почему?

– Глаза были закрыты.

– Как же это случилось?

– А так. Караулил я рожь на току. Ночь холодная. Завернулся в тулуп, угрелся и задремал. Чую сквозь сон: кто-то подошел ко мне, вздохнул и ушел. Утром глянул: след. Тут подошел Данила Титов, известный наш охотник. Я говорю ему:

– Не собака ли?

– Какая собака? – сказал Данила. – Это волк приходил! Я его след хорошо знаю.

– Что же он меня не съел?

– Пожалел, как видно.

– А я думаю, – продолжал свой рассказ отец, – учуял серый, что у меня ружье под рукой, вот и поспешил убраться подальше от греха.

ГАРМОШКА

Отец принес из города маленькую гармошку и сказал мне:

– Играй!

Я схватил подарок, прижал к груди и давай перебирать клавиши и растягивать мехи.

– Гляньте-ка, у нас теперь свой гармонист, – обрадовался дедушка. Отложил работу в сторону, вышел на середину хаты и пошел плясать впрысядку, приговаривая:

Ой, лопнул обруч
Коло дежечки,
Девчата мои,
Сыроежечки!

Частушку он принес из Киева задолго до моего рождения. Дежка, или дежечка, у нас в горнице стояла, в ней бабушка тесто для хлеба и лепешек делала. Грибы-сыроежки в Драгунском лесу росли.

Пришел Петька:

– Дай поиграть.

– Мне не жалко, – говорю, – играй на здоровье.

Петька играл, пока не утомился. Васек Царевич прибежал:

– Дай мне.

Тоже поиграл.

Понабежали Ванек Степанидин, Васек Кузякин, Ванек Федорин. Все наигрались вволю. Потом пошли мы по деревне, совсем как взрослые. Я растягивал мехи, а друзья мои кричали во все горло:

Гармошечка рычит-рычит,
На улицу девок кличет.
Одна девка страданула,
Мать поленом навернула.

Бабушка смеялась и говорила тетке Дарье, соседке:
– Ишь, гожие ходят, гуляют.

От нее знал я, что гожими в старину называли парней, которых забирали в солдаты.

Долго мы ходили с гармошкой. К вечеру шли с поля наши матери, окружили меня и заставили играть “барыню”. Играть “барыню” я не умел. Просто растягивал мехи попроворнее. Меня и за такую игру похвалили. Как пошла пляска! Уморился я, сил больше нет. А они все: играй да играй. Спасибо пришел сосед Егорик Титов с балалайкой и выручил. Я гармошку под мышку и домой.

Когда гармошка сломалась, я сделал из нее самолет. С этим самолетом в руках долго бегал по лугу. Пропеллер, сделанный из жести, жужжал. Это нам так всем понравилось, что мы понаделали себе жужжалок. Одну я прикрепил к углу хаты: в ветреную погоду она гудела, как самолет. Мать хотела ее снять, но дедушка не позволил:

– Пусть гудит. Под эту музыку спать веселее.

А Егорик к осени оставил дома балалайку и уехал учиться на танкиста. Когда пришла война, он на своем танке бил фашистов. Бил далеко от родных мест. В нашей же деревне вот что случилось. Над горой сбили немцы наш самолет. В небе он был маленький, совсем как мой, сделанный из гармошки. Когда же упал в Чубаров огород, то громадную яму выбил. И все горел, горел... Немцы прикатили на Фоминку на машине. Искали летчика. Они же видели, как он прыгнул с парашютом. Всю деревню обыскали, всех спрашивали, да так и уехали ни с чем.

Летчик спрятался у тетки Марфы, отлежался. Иван Никитич, наш знаменитый на всю округу доктор, тайно летчика вылечил и проводил за околицу. Он опять поднялся в небо и воевал. Про все это я узнал потом, когда уже немцев в нашей местности не стало, а на лугу опять заиграла гармошка, и девушки запели:

Дайте море, дайте речку,
Дайте огненной воды,
Чтобы смыла я с крылечка
Окаянные следы.

После войны лучший гармонист был на Двориках. Когда он садился на белый камень и начинал играть, то заслушивались все: и девушки, и березки, и хаты, и соседний Драгунский лес. Бывало, стою, слушаю и с улыбкой вспоминаю свою попытку стать гармонистом. Смешная попытка, а милая сердцу.

РЯБЧИК

Каждый раз, когда я шел в амбар, Рябчик гремел цепью и вылезал из конуры. Поднимал лохматую голову и, глядя, как я открываю окованную железом дверь, приветливо махал хвостом. Глаза говорили:

– А, это ты... А я думал, кто чужой.

Чужих он не любил. Мог даже куснуть до крови острыми, злыми зубами...

В октябре сорок первого года чужие люди заполнили нашу деревню. Они раскатывали на машинах и мотоциклах. Они толпились на крыльце, расхаживали по саду и бесцеремонно хозяйничали в хате.

Рябчик из темной глубины своей конуры смотрел на людей в зеленом, говоривших громко и быстро на языке совсем не таком, к какому он привык, и наливался яростью. Когда один солдат проходил совсем близко, мой лохматый друг не выдержал и рванулся к нему, вцепился зубами повыше колена. Немец вскрикнул, присел и бросился бежать, прихрамывая.

Рябчик сделал свое дело, улегся на солому. Только шерсть еще дыбилась и вздрагивала да глаза горели.

Из хаты вышел другой солдат. Вышел с винтовкой. Рябчик вскочил и, гремя цепью, выбежал. Немец прицелился и выстрелил в мохнатый собачий лоб. Рябчик упал. Смотрел я, как он лежал неподвижно, откинув цепь, и мне становилось жутко от мысли, что уже никогда не выбежит мне навстречу лохматый друг, не скажет глазами:

– А, это ты... А я думал, кто чужой.

Чужие люди почти на два года укрепились в нашем краю.

АВГУСТ

Когда закатывается лето и в садах свисают с веток румяные яблоки, я обязательно вспоминаю давнее-давнее.

Вспоминаю август сорок третьего года.

Сначала нам было приказано вырыть для каждой семьи окоп. Вырыли на огороде, рядом с вишнями соседнего сада, где мой друг Петька весной слушал скворцов. Теперь и у Петьки был свой окоп под яблонями.

– Заходи, – позвал я Петьку.

Он спустился в наш окоп и похвалил:

– Надежный окоп. Можно прятаться от пуль и осколков.

– И в вашем, – говорю, – окопе можно.

– Только от бомбы нельзя.

– Нельзя, – согласился я.

Ночами над городом прожекторы, как большие ножи, рассекали небо, ухали зенитки, но самолеты упорно отыскивали цели для своих бомб. Я засыпал в амбаре и думал об одном: вот хорошо бы утром проснуться, а в деревне наши и никаких больше немцев нет.

Проснулся однажды утром, а нам велят собираться. Куда идти? Разумеется, туда, где каждый вечер скрывается солнце, откуда родом мои конвоиры – угрюмые солдаты с винтовками. Стали собираться. Кто едет на телеге, кто тачку нагрузил пожитками, а мы пошли просто так. Двинулись с узлами на спине через выгон, через мост, через альшанский ручей,

огородами, где зеленел картофель, усеянный белыми чашечками цветов, мимо темно-зеленых конопляников и грядок с огурцами. Покидать родные места никому не хотелось, поэтому шли медленно. Заночевали в каких-то кустах недалеко от дороги. Помню, частые взрывы доносились до нас. Пролетел наш самолет-“кукурузник”. Видели, как Рубленный поселок горел. Думали: наверное, и наша деревня теперь в огне. Спать не хотелось. Сговорились три семьи меж собой, выбрались потихоньку из кустов да полем, полем – в Суходол. Там, в туманном логу, дождались утра под кустами. Всем страшно захотелось пить. Нашли болото, раздвинули тину и прильнули к воде.

Два дня так жили. На третий послышались крики. Опять немцы! Опять нас погнали. Гнали-гнали да по дороге бросили. Мы – в рожь. Наутро припекло солнце, стали мы от жажды мучиться и выглядывать. Немцы наши выглядывания заметили. Смотрим, идут с автоматами. Окружили нас. Стоят в касках злые-презлые, а я думаю: вот и смерть пришла. Пожалели почему-то, не стали убивать. Подняли всех, вывели на дорогу и смешали с другими жителями – дворицкими, лавровскими, альшанскими. Петька был на два года старше, его с другими ребятами отдельно погнали. Потом они все в Брянском лесу оказались – партизаны выручили. Тетку Ньюру с Альшани офицер высмотрел и в свою семью отправил. Жила она под Венной, работала и все своих поджидала. Дождалась и вернулась домой, когда уже никакой войны не стало.

А мы все шли и шли. Приотставать стала бабушка: ноги старые, больные, а тут еще в сыром логу застудила их.

– Ты, бабушка, поспешай, – говорю.

– Трудно мне поспешать, – вздыхала она.

Вдруг конвоир снял с плеча винтовку и двинулся к бабушке. Мы закричали и заслонили ее. Тогда немец ударил ее палкой два раза. Ничего не сказала старая. Только споткнулась два раза. Молча пошли мы дальше...

На холодной заре мы, брошенные конвоем, сползли на самое дно оврага у деревни Хмелевой. Листья ракит сыпались и сыпались на нас. Обрывал их не ветер, а немецкий пулемет. Чтобы не попасть под пули, мы сползали все ниже и ниже к ручью. Пулемет смолк. Наплывал сон. Вдруг в овраге все зашевелились. Кто-то вскрикнул радостно: “Наши!”

Глядим: на краю оврага стоят двое в плащ-палатках, с автоматами.

– Тише! – сказал один на родном русском языке. – Мы – разведка.

Тихо сидеть никто не мог. Кто смеялся, кто от радости плакал.

– Слава Тебе, Господи! – крестилась бабушка.

Мы ликовали: фронт перекатился наконец через наши головы и покатил, громыхая и полыхая, дальше на запад. Утро клубилось тучами, срывался дождь, а мы шли обратно и радостно кричали идущим и едущим навстречу солдатам:

– Здравствуйте!

Я так обрадовался, что забыл вчерашнее стояние во ржи перед автоматами. И еще забыл, что на моей голове – немецкая пилотка. Я подобрал ее перед самой эвакуацией возле нашего амбара. Примерил – мала. Мама распоролла ее, добавила лоскуток, чтоб в самый раз была. Один боец крикнул с машины:

– Фриц!

Меня огнем обожгло. Стыдно стало: день такой радостный, нас освободили наконец, а я все чужую пилотку держу на голове. Снял ее, проклятую, и закинул в альшанский конопляник. Никто не сказал

мне ни слова, хотя в ту пору очень трудно было с одеждой. Так было трудно, что наши матери шили себе юбки из грубых мешков с нарисованными на них орлами, а мы бегали в штанах из плащ-палаток: жесткая материя гремела, как железо.

Подошли к Оке. У моста – машины. Одна, крытая брезентом, везла рельсы.

– Мальчик! – окликнул меня лейтенант. – Слышал про “катушку”? Вот она!

Я удивился: вот тебе и машина с рельсами. Лейтенант пояснил, что вся сила в снарядах. У самого моста мы подались вправо, а бабушка оказалась правее всех.

– Бабушка! – испуганно закричал солдат. – Там мины, мины!

– Я и то, сынок, мимо, мимо иду, – ответила старая, расслышав по-своему.

А вот и Фоминка наша. Но что это? Дом Чичеровых цел, дом Тихона Зыбина на месте, а других хат как не бывало: одни печи трубами в небо глядят. Бабушка подошла к пепелищу и давай золу разгребать костылем. Потом вздохнула и пошла к своей дочери, тетке Федоре, жить. У нее хата уцелела.

В первую же ночь мы с Васьком Царевичем за ночевали на чердаке нашего амбара. Проснулись и увидели солнце, услышали, как солдаты в саду разговаривают. Один с медалью “За отвагу” кивнул в сторону чердака, откуда свесились наши стриженные головы, и громко, на весь сад сказал:

– Орлы!

И засмеялся. Нам тоже стало весело. Потом я с грустью вспомнил, что дедушка Матвей так и не дожил до освобождения. Не дожил и дядя Федор, сосед, отказавший мне целый ящик книг. Книжки сгорели вместе с хатой и горницей. Помню, взял

я черный том Гоголя в руки, а листы раз – и рассыпались, в золу обратились.

Фронт ушел от нас далеко. Мы копали картошку, ждали вестей с войны. От одной вести три матери залились слезами: в окопе убило снарядом Юрика, Осипа и Колю. Поздней осенью, когда с темного неба срывался снег, пришло письмо об отце: тяжело ранен. Написал его товарищ. Потом и сам он писал с Урала, пока домой не вернулся насовсем.

Учились мы в Альшани, в уцелевшей хате. Школа, бывшая при немцах лагерем пленных, приняла нас только через год.

Надежда Ивановна стала седой. Умоляла нас не трогать мины и снаряды. Слушались не все. Подорвались на Фоминке Миша Шелаев и Вася Прыгунов, на Выселках – Гриша Иконников, первый ученик, и Алеша Ершов, на Покановке – Ваня Мартынов. Мой верный друг Васек Царевич потерял глаз и пальцы правой руки.

– Ах, ребята, ребята! – сокрушался Иван Никитич, наш фоминский доктор, перевязывая мальчишек.

Помню молодых солдат на лугу. Выстроил их командир и сказал речь: призвал бить врага. Они стояли строгие и печальные.

Помню еще, как бойцы, стоя в машине, пели:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

И еще – как работали, как писали чернилами из свекольной жижи, как собирали колоски, как ели жмых, твердый, как камень. Еле выжили. Но салюты гремели, приближая Победу. И сияло незакатно золотое солнце августа сорок третьего года.

ПОДСОЛНУХИ

В поле за оврагом цвели подсолнухи. Было тихо, солнечно, и каждый подсолнух был похож на маленькое солнце, привязанное к земле.

– У подсолнухов золотые ушки почему? – спрашивал Саша.

– Дома расскажу, – говорила мама и озабоченно осматривала мальчугана. – Чем задавать всякие вопросы, ты бы лучше репы снимал с костюма.

На маму Саша не обижался. Он знал, что она интересно обо всем рассказывает, а сейчас у нее просто плохая минутка. Саша молча шагал к высоким домам городской окраины, уставленной березами. Вдали виднелась железная дорога. Поезд быстро пробежал и скрылся за желтеющими деревьями, за мохнатым дымом костра. Покачиваясь, плыли облака. Куда? Наверное, в те страны, где пальмы стоят у моря, проворные обезьяны прыгают по веткам, полосатые тигры рычат по ночам.

– Мам, а на людей тигры нападают? – спросил Саша с тревогой в глазах. Мама усмехнулась:

– До чего же ты смешной! То спрашивал про подсолнухи, теперь тебе тигры понадобились зачем-то. Не бойся, в наших местах тигры на тебя не нападут.

– А там?

– Где там?

– Ну, в тех странах, куда облака летят?

Мама улыбнулась. Саша весело запрыгал, даже про тигров забыл. Пришла хорошая минутка.

Такая хорошая, что можно и сказку выпросить. Но тропинка спустилась в овраг, выбежала наверх и подвела Сашу с мамой к самому крайнему дому города – двухэтажному, кирпичному, с черепичной крышей.

Из дома выкатился Олежка:

– Сашок! А я тебя ждал-ждал. Чего же ты так долго не приходил?

Олежка спрашивал и размахивал синим беретом перед носом своего приятеля.

– Я у бабушки был в деревне, – отвечал Саша, – там рыбу удочкой ловил, ходил по грибы. И еще видел в поле подсолнухи. У них золотые ушки.

– Правда? – загорелся Олежка.

– Настоящая правда! – и Саша показал, какие большие и какие круглые видел подсолнухи.

– Пойдем посмотрим, – предложил Олежка.

– Мама не пустит.

– А мы тайно.

Тайно еще ничего не делал Саша. А что если попробовать? Мальчик задумался.

На другой день Олежка отправился в детский сад. Саша сидел дома и рассматривал книжку с картинками. Олежка пришел поздно, когда солнце уже сидело на верхушке березы. На закате листья казались кованными из тонкого железа.

– Можно мы погуляем? – спросил Саша у бабушки. Она разрешила.

Друзья выбежали на улицу, вскоре тропинка повела их полем. Быстро пошли они оврагом, просохшим болотом, выбрались наверх и увидели подсолнухи. Темной стеной стояли они.

– Как в лесу, правда? – сказал Олежка и запрокинул голову, чтобы увидеть больше.

Очень понравилось ему в поле. Захотелось принести подсолнух домой. Друзья сломали по одному.

Потом заспорили, водятся тут звери или нет. Не заметили за разговорами, как солнце село.

– Мне что-то страшно, – признался Саша и зябко шевельнул плечами. – А ну как волки прибегут сюда.

– Не прибегут, – успокоил друга Саша. – В овраге только одни кусты шевелятся.

– Отчего шевелятся?

– От ветра.

Сказал, а самому боязно: вдруг да не от ветра шевелятся кусты? Что тогда?

– Мы их тогда палкой, – твердо объявил Саша.

– Палкой, – повторил, как эхо, Олежка.

Спустились в овраг. Из-под ног посыпались комья земли. Олежка споткнулся и упал, зацепив боком за куст. Из-под куста что-то выпрыгнуло. Да не просто выпрыгнуло, но и поскакало.

– Заяц! – угадал Саша.

– Где? – вскричал Олежка.

Вместе увидели они, как в сумерках катился мячом и исчезал зверек.

До самого дома говорили про зайца.

– И мамам расскажем, – ликовал Олежка. – И подсолнухи покажем.

– Моя мама рассердится, – вздохнул Саша.

– Тогда будем молчать.

– Нельзя молчать. Я от мамы ничего не скрываю.

В окнах сияли огни. Две мамы стояли на пороге. Они обошли всю окраину, разыскивая ребят. Теперь у той и другой была самая “плохая минутка”. Саша понял это сразу, поэтому сказал своей маме:

– Знаешь что? Ты возьми и мне нашлапай. Ладно? Я же провинился.

Но мама и не собиралась шлепать. Она только печально объявила, что он – плохой мальчишка. И еще наговорила много сердитых слов. Саша глянул на подсолнух: он валялся в углу – темный, помятый и совсем не красивый.

Только ночью приснились ему подсолнухи такими, какими они стояли перед ним в поле за городом...

Теперь зима. Белые сугробы кругом. Морозный ветер прилетает с поля. Саша и Олежка в пальто и шапках выходят кататься на узких и быстрых санках. Смотрят в сторону поля, и кажется друзьям, что там за снежной далью стоят и сейчас подсолнухи с широкими шумными листьями. Стоят и разговаривают с солнцем.

ЖИЛ-БЫЛ ШАРИК

Саша и Маша, мои дети, сидели дома, а их мама, учительница, пошла больного ученика проведать. Там показали ей щенка – мохнатого, коричневой масти, с веселыми черными глазами.

– Хорош черноглазик! – похвалила учительница.

– А у нас еще один есть, – обрадовалась похвале хозяйка. – Точно такой.

Пошла в другую комнату и вынесла оттуда щенка коричневой масти, с веселыми черными глазами:

– Возьмите! Это вам подарок к Новому году.

Пришла учительница домой и, не раздеваясь, шагнула к детям:

– Ловите!

Дети замерли от восторга: на полу стоял перед ними красивый щенок – мохнатый, коричневый, с черными глазами. Стоял и шевелил коротким хвостиком.

– Ура! – закричала Маша.

Саша отложил книгу в сторону и побежал за блюдцем. Принес молока и другой еды. Щенок испугался и скрылся в углу. Когда же осмелел, то стал и молоко пить из блюдца, и котлеты уничтожать, и даже на костях зубы пробовать.

Однажды увидел, что в доме книжек много, заинтересовался. А тут еще хозяйка помогла. Читала стихи поэта Евтушенко и забыла на диване. Щенок – мы его называли Шариком – подкрался, лизнул черный блестящий переплет и весело вцепился в него зубами. Все смотрели телевизор и не заметили.

На радостное ворчанье Шарика не обратили внимания. Когда же обратили, то на книжку жалко было смотреть. Я рассердился и назвал Шарика варваром.

А мой друг, орловский поэт, поехал по своим делам в Москву и рассказал друзьям-писателям:

– Вот у нас в Орле есть щенок. В стихах понимает толк. Все книжки обнюхал – не тронул, а как до Евтушенко дошел, так сразу остервенился: давай рвать и кусать.

Друзья-писатели смеялись.

А мы Шарика в деревню отвезли. Не потому, что книжки грыз, а потому, что скучал он один в городской квартире: положит, бывало, лапы на подоконник, смотрит, как другие собаки бегают по улице, и воет жалобно на весь дом.

В деревне – простор.

Подружился Шарик с бабушкой Марусей и дедушкой Никитой, стал бегать в лес. Забежит, помню, в ложбину, где много цветов, и чихает громко: цветочной пылью нос запорошило. Разбредемся мы в разные стороны – всех разыщет в лесу, всех соберет звонким лаем. Бабушке помогал корову стеречь, у дедушки в мастерской в опилках кувыркался.

И все понимал. Бежит по траве, еле виден, будто коричневый мячик катится, только ушки торчат. Крикну ему:

– Шарик, а где Маша?

Встанет на задние лапы и разыскивает глазами Машу.

Она его сфотографировала и портрет на видном месте повесила...

Но вот случилась беда: искусал его большой черный пес. Пролежал бедный Шарик, закутанный в бабушкину фуфайку, дня два и затих навсегда.

Долго я не был в деревне. Иду как-то летом по улице и вдруг вижу Шарика. Коричневый, с веселыми черными глазами, он стоял под березкой и с недоумением смотрел на меня.

– Шарик! – вскрикнул я, хотя хорошо знал, что нашего Шарика уже давно нет на свете.

Коричневый пес вильнул хвостом и сердито зарычал.

Если бы это был Шарик, он бы тут же подбежал ко мне и обязательно подпрыгнул, обязательно изловчился и лизнул в лицо. Но это был не Шарик, а его сын.

С ним еще надо было познакомиться и заслужить право на верную дружбу.

НЕЗНАКОМКА

В конце лета возвращалась Маша вместе с мамой из деревни. Шла и всю дорогу вздыхала: жаль было расставаться с грибным лесом, с фермой совхозной, где бабушка научила ее коров доить, с резвой лошадкой, проворно носившей девочку по лугам и полям. Небо в темное одеяло облаков закутывалось, ветер в рукава забирался и обдавал холодом лицо. Никак не хотелось возвращаться в шумный и тесный город.

Вдруг на горе, перед самым спуском к ручью у деревни Рябцево, увидела Маша маленькую, тоненькую серебристо-серенькую птичку: она прыгала у дороги, но не улетала.

– Что с ней? – спросила девочка. – Может, она больна?

– Может, – ответила мама.

– Может, ее надо в город взять?

– Ей и тут хорошо.

– Было хорошо, а сейчас плохо, – возразила Маша.

Стала уговаривать маму взять птичку с собой. Уговорила.

А как взяла птичку в руки да спрятала от холода за пазуху, сразу весело стало.

В городе птичка быстро освоилась. Она бойко клевала зерно, пила воду из блюдца. Когда же выключали свет, отсыпалась в самом темном уголке – в кладовой.

Утром опять: прыг-скок, прыг-скок.

Так и дожидала до весны.

Приблизился май. Собралась Маша вместе с мамой к бабушке, посмотрела на птичку, и показалось ей, что она глядит жалобно своими острыми глазками. Словно хочет сказать: “Возьмите меня с собой. У меня тоже бабушка есть”.

– Возьмем ее с собой? – спросила мама.

– Возьмем! – обрадовалась девочка.

Посадили маленькую птичку в маленькую корзиночку и повезли. В троллейбусе доехали до городской окраины, а дальше пошли пешком. Полеми да лугом, широкой дорогой да узкой тропой. Так и пришли к очень знакомому месту, откуда в самом конце лета птичку взяли. Как только выпустили, она сразу же прыг-скок, прыг-скок, а там – порх! – и улетила туда, где над оврагом кусты темнели.

– Вот где ее бабушка живет, – сказала девочка и вздохнула: жалко было, что улетила.

– А какой она породы? – спросила мама. – То ли овсянка, то ли другая какая птица.

Помолчала и добавила:

– Не так уж важно, дочка, что мы с тобой так и не узнали, какой она породы. Важно другое.

– Что?

– Важно, что мы ее приютили и отогрели, от стужи спасли. Делать добро – самое важное дело в жизни.

СЛЕД НА СНЕГУ

Узнал дедушка Миша, что у соседей кошка стала мамой, пошел просить котенка:

- Как только подрастут, уступите мне одного.
- Забирай хоть всех четырех, – засмеялась соседка.
- Нет, мне один нужен.

Как только котята подросли, дедушка пришел и выбрал себе черного с белыми ушками. Достал из кармана деньги.

- Да ты что? – замахала руками соседка. – Так бери.
- Нельзя так, – возразил дедушка Миша. – Примета есть: ежели котенок куплен, то приживется, а ежели задаром взят, то сбежит.

- Да разве кошки понимают что?
- Они все понимают, только говорить не умеют.
- Ну и ну, – удивилась хозяйка.

Согласилась взять двадцать копеек.

Дедушка Миша принес котенка домой, налил ему в блюдечко молока и залюбовался: молоко белое, а котенок черный-черный, только ушки белые. Ел с аппетитом. Круглая головка двигалась то влево, то вправо. Поел, глянул на дедушку ласково, будто спасибо сказал.

– Молодец! – похвалил дедушка. – Хорошо ешь, хорошо расти будешь.

Котенок так привык к хозяину, что даже спать стал у него в ногах: свернется клубочком и мурр-мурр – свою музыку разводит. Утром вскочит и ну прыгать, резвиться, самого себя за хвост ловить.

На дворе бочка стояла с зерном для кур. Как ночь, так мыши туда.

Заберутся и ну хозяйничать. Беда и только.

– Ну, погодите! – вышел из себя дедушка. Взял в руки котенка и в бочку кинул. Раздался писк, и наружу выскочил котенок с мышкой в зубах. Остальные разбежались в разные стороны.

– Знаешь свое дело, – похвалил хозяин хвостатого друга.

Тот сверкнул глазами и скрылся со своей добычей.

Пришли из города внуки Димка и Павлик. Весь день бегали по саду, по лугу, по тем местам, где и дедушка резвился, когда маленьким был. Котенок тоже бегал. А как стали его ребята в город звать, он в сторону, в сторону и за дедушку спрятался.

– Он такой же деревенский, как и я, – усмехнулся хозяин. – Тут ему приволье.

И погладил своего приятеля по белым ушкам.

Пришло время, когда дедушки не стало.

Сбежал котенок.

Через много дней приехали внуки дедушкин дом навестить. Открыли дверь – дохнуло холодом из не топленной печи, от пустынного жилья. И вдруг черный клубок метнулся навстречу. Метнулся и исчез за дверью. Ребята выбежали наружу. Возле дома увидели на пухлом снегу свежий след – след верного дедушкиного друга с белыми ушками.

Ребята оставили ему еду, налили в блюдце воды и, возвращаясь в город, долго говорили о нем.

СЛОНЕНОК

В Орел приехал зверинец.

Слух об этом важном событии спустился с Ямской горы, переплыл Оку и пошел стучаться во все двери:

– Эй вы! Хотите зверей посмотреть? Хотите на диких птиц полюбоваться? Спешите! Спешите...

Ребята всех трех районов города немедленно пожелали увидеть льва и львицу, тигра и тигрицу, обезьянку и попугая, слона и слоненка.

Стоп! Про слоненка мы узнали раньше всех. Дело в том, что слоненок – как это случилось, никто толком не знает – вышел за ограду и отправился в путешествие. Молодая женщина, работница зверинца, прибежала с перепуганным лицом в редакцию, где я работал, и попросила напечатать срочно самыми большими буквами объявление о том, что пропал слоненок.

– Как это пропал? – пошутили мы. – Из чемодана, что ли, выпал?

– Нашему слоненку нужен чемодан размером с автобус, – сердито сказала работница зверинца. – Не выпал, а вышел погулять.

– Слоненок, – говорим, – не котенок. Разыщется. Орел – город, а не джунгли африканские. У нас все на виду. Кое-как успокоили женщину.

В тот же день слоненка встретили на берегу Оки.

Он прогуливался под Ямской горой и, бросая взгляды на деревья городского сада, о чем-то задумывался. О чем? Может, свою милую Африку вспоминал? Что ни говори, а любая душа, даже самая развзвериная, тянется к родному месту.

ДРУЗЬЯ ПОЭТА

Поэт Сергей Есенин очень любил животных, особенно собак. Пришел в гости к писателю Алексею Максимовичу Горькому и стал ему читать свое стихотворение о собаке, которую очень обидел хозяин: отнял щенков. Дочитал до того места: “покатались глаза собачьи золотыми заездами в снег”. Горький не выдержал и заплакал.

А еще пришел Есенин к артисту Василию Ивановичу Качалову и так подружился с его псом Джимом, что заговорил с ним стихами:

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую бесшумную погоду.

Много было у поэта хвостатых друзей. Он даже гордился этой дружбой. С радостью писал, что он “зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове”.

Когда поэт был очень молодым и ему очень нравилась одна девушка, он послал ей записку. Вложил в ошейник верного пса и послал. Девушка была красивой и гордой. Не вынула записку из ошейника и не прочла. Есенин не дождался ответа и уехал. Когда же вернулся через многие годы в родные места, то его встретил не прежний пес, а другой. Поэт написал об этом так: “в ту же масть, что с отливом в синь, с лаем ливисто ошалелым меня встрел молодой ее сын”.

И еще сказал:

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За побуженный в сердце май?
Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...

Дом поэта находился в рязанском селе Константинове. Там теперь музей. Мы ехали туда в большом и красивом автобусе и все вспоминали стихи про березки, поля, сенокосы, про жеребенка, который хотел обогнать поезд.

И, конечно, про собак.

Когда же автобус въехал в Константиново, где Есенин родился, учился, играл с друзьями на высоком берегу Оки, то первое, что увидели мы, это собаку. Белый, “с отливом в синь” пес подбежал к нам и приветливо замахал хвостом. Нам сразу стало весело. Пес будто из есенинского стихотворения выскочил. Мы предположили, что он – прапраправнук того самого друга поэта, который встречал его “с лаем ливисто ошалелым”.

Наш пес не лаял. Он продолжал приветливо махать хвостом, довел нас молча до самого есенинского дома.

Когда мы уезжали, он стоял на снегу и долго смотрел нам вслед. И не лаял. Наверное, и до него дошла просьба Сергея Есенина: “Не лай! Не лай!” Да разве можно лаять на друзей поэта, который писал прекрасные стихи и очень любил все живое на земле?

ОРЕЛ

Давным-давно, когда еще нашего города не было, сошлись люди под высокими деревьями у слияния двух рек. У одних были за плечами ружья, у других на боку сверкали сабли, третьи держали в руках топоры и пилы. Стояли и ждали, поглядывая на дорогу. Ждали воеводу из Москвы.

На вершине старого дуба в большом гнезде из толстых сучьев сидел орел. Голоса разбудили его. Орел приподнялся на крепких когтистых лапах, хотел было крыльями взмахнуть, да раздумал. Решил поглядеть, что будет дальше.

Дальше вот что было. С горы съехал воевода – толстый, видный мужчина в шитом золотом кафтане, сошел с коня и, разгладив пышную бороду, развернул бумагу и стал читать царский указ:

– По велению царя Ивана Васильевича...

Люди, сняв шапки, слушали. Орел, привстав над гнездом, тоже слушал. Он ничего не понимал, но сердцем орлиным учуял, что вольному его житью приходит конец. Уж не гонять ему по реке гусей-лебедей, не провожать в этих местах румяное солнце за высокую гору.

Воевода дочитал бумагу до конца, свернул в трубу и громко приказал:

– Рубить!

Двое мужиков в белых рубахах, подпоясанных красными поясами, разбежались и мигом оказались возле старого дуба. Поплевали в ладони и ударили

разом по шершавой коре. Дуб загудел. В это время невидимая сила подхватила орла и подбросила вверх над гнездом. Люди ахнули, увидев грозную птицу. Глаз не отрывали они от орла, за каждым его движением следили. Он взлетел над великаном дубом, над лесом, одетым в червонно-золотой наряд осени, над густой толпой и бородатым воеводой.

– А вот и хозяин! – весело сказал один из мужиков.

Все засмеялись. А воевода задумался, глядя на гордую птицу в ясном небе. Потом сверкнул глазами из-под мохнатых бровей и крикнул, показывая в сторону старого дуба:

– Быть Орлу-городу на месте орлином. Быть крепости русской отныне и во веки веков!

– Быть! – дружно ответил народ.

А орел улетал все дальше от того места, где валились наземь деревья, поднимались высокие стены и островерхие башни, где в огне вечернего костра исчезало его гнездо.

Так и не узнал, что именем его был назван город – большой и красивый, тот самый, в котором мы живем.

СПУТНИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Он шагнул в мое детство, да так и остался в памяти. Звали его Милий Балакирев. Был он верным спутником Петра Первого, славного царя-императора, который разбил шведов под Полтавой, основал в России флот, построил город Петербург и много совершил других громких дел, отчего прозвали его Великим. Балакирев был человек умный, изобретательный, веселил Петра своими выдумками, служил у него шутом: была такая государственная должность в ту пору.

Шагнул этот веселый мудрец в мою жизнь из рассказов бабушки Матвея, который любил напоминать все забавное и смешное.

– Вот один раз, – рассказывал бабушка, подшивая валенки, – пришел Балакирев к Петру, а тот сидит за столом и пишет. Ручку макает в чернила, а чашечку с чернилами ученый кот в лапах держит.

Незадолго перед этим у царя был спор с верным шутом, кто сильнее: наука или природа.

– Наука! – кричал император. А у самого аж глаза сверкали.

– Нет, государь-батюшка! – вежливо возражал Балакирев. – Природа сильнее.

– Молчи, невежда, – гневался Петр.

И вот теперь, увидев ученого кота, Балакирев просял. Быстро вышел из кабинета, где-то долго пропадал, потом вновь появился в царском кабинете.

– Что тебе? – грозно спросил государь.

– Да вот, спор наш пришел завершить, Ваше Величество.

– А, сдаешься! – обрадовался император.

– Никак нет.

– Как “нет”?!

Глаза у Петра еще больше засверкали.

– А так, государь!

И Балакирев кинул мышку на стол.

Глаза у кота засверкали ярче, чем у самого императора. Тут же кинул он чашечку на стол. Покатилась она, разбрызгивая чернила прямо на государевы руки. А кот с добычей в зубах спрыгнул на пол и в темном углу исчез.

– Видишь, Ваше Величество, какое дело, – молвил, торжествуя, Балакирев. – Долго ты учил кота, а природа-то оказалась сильнее.

– Твоя взяла, – вздохнул царь.

В другой раз вот какая история вышла. Один вельможа очень хотел стать министром. И так и этак суетился перед царем, чтобы умным показаться.

Государь задумался.

А Балакирев-то знал, что вельможа умом не шибко развит, даже поговаривали, что и вовсе глуповат. Пошел во дворец верный слуга императора и ну убеждать Петра, что никак нельзя этого вельможу на высокое место сажать.

– Почему? – спросил государь.

– Причина есть уважительная.

– Какая?

– Дурак.

– Ну, это мы еще поглядим, – сердито отмахнулся Петр.

Балакиреву грустно стало, что не удалось царя убедить. Решил принять серьезные меры. Насыпал в лукошко яиц десятка два и явился в приемную комнату.

Там спустил брюки, сел в лукошко и стал ждать. Не цыплят он поджидал, восседая, как наседка, а глупого вельможу.

А тот надел кофтан, шитый золотом, начистил пуговицы и пошел во дворец за высокой должностью. Увидел в приемной комнате Балакирева и сказал повелительно:

- Доложи, что я прибыл.
- Не могу, – ответил Балакирев.
- Как так “не могу”, ежели к тебе будущий министр приезжает? Что у тебя за дело?
- Цыплят высиживаю. Отходить никак нельзя.
- А что же делать?
- Садись на мое место, а я доложу.
- Давай.

Вельможа сел в лукошко, предварительно спустив брюки. А Балакирев пошел к царю. Вошел и весело объявил:

– Говорил я Вашему Величеству, что он дурак, а Вы не поверили.

- Ну и что из этого? – нахмурился Петр.
- Ваш будущий министр, государь, – продолжал Балакирев, – в приемной цыплят высиживает.
- Не может быть! – вскричал Петр.
- Извольте сами убедиться.

Выбежал государь в приемную, увидел вельможу и спросил грозно:

- Чем занят?
- Цыплят высиживаю Вашей милости.
- И в самом деле дурак! – воскликнул Петр Первый, великий государь.

Глупый вельможа был забыт.

Балакирева поблагодарил и даже спросил:

- Чем бы тебя наградить за такой находчивый ум?
- Верный шут государев думал-думал и придумал:

– Назначьте меня начальником над мухами.

– Над какими мухами? – удивился император. –

Что еще за ерунда такая?

– Никакая не ерунда, государь, а нужное дело.

– Ну, раз нужное...

– Так и напишите, что я, такой-то подданный Вашего Величества, с сегодня начальник над всеми мухами Российской империи, волен их казнить и миловать.

– Изволь.

Получил Балакирев на руки нужную бумагу с печатью и подписью, поклонился низко за доверие и отправился править службу свою, где замечалось большое скопление его подданных. Первым делом двинулся во дворец, где пировали вельможи царские. А один, самый гордый из них, простых людей за людей не считал: мог оскорбить и даже ударить. Он и шута царского унижал как мог. Вот Балакирев и решил его проучить. Подошел с плеткой в руке да как взрезал через лысину. Тот взвыл, на ноги вскочил. Готов был на части разорвать нахала. А Балакирев кричал:

– Как ты смела, негодная, садиться на такого господина!

И тут же всем пояснил, что наказывает муху, что имеет на это документ.

Проверили, так оно и есть. Перестал вельможа унижать царского шута. Спеси поубавилось в нем.

Как-то раз сказала Балакиреву государыня-царица Екатерина, супруга Петра:

– Пусть твоя жена зайдет ко мне. А мы с ней побеседуем.

С дамами не принято шутить. Но Балакирев не удержался.

– Ваше Величество, – заявил он. – Моя жена совсем оглохла.

– Не важно, – улыбнулась Екатерина. – Докричусь. Пусть приходит.

Дома Балакирев объявил жене:

– Сходи к государыне. Поговори. Но знай, у нее уши болят. Почти не слышит.

– Не важно, – сказала Балакирева. – Докричусь.

Пришла во дворец, увидела царицу и ну кричать во все горло:

– Здравствуй, матушка государыня!

– Здравствуй, милая! – еще громче ответила Екатерина. Петр с Балакиревым в это время находились в соседней комнате.

– Что за крики? – спросил царь.

– Это наши жены разговаривают, – засмеялся Балакирев.

Петр подошел к своей:

– Ты чего раскричалась?

– А как быть, ежели она глуха, как пень.

– Ничего подобного, сударыня, – подала тут же голос жена Балакирева. – Я-то слышу отменно. Не то что Вы...

– Все ясно, – улыбнулась Екатерина. – Над нами пошутили.

Царица сияла, а ее собеседница лицом потемнела. Пришла домой и устроила мужу разнос. На другой день подумала и еще добавила. Не пощадила и в третий раз...

Пришел Балакирев во дворец хмурый. Царь спросил, что с ним случилось. Даже пошутил:

– Может, тоже уши заболели?

– Не уши, государь, а зубы. Да не у меня, а у супруги моей несчастной. Трое суток мается, ночами не спит.

– Ай, беда какая! – посочувствовал император. – И тут же предложил:

– Приводи – мигом вылечу.

Зубную боль снимать Петр Алексеевич очень любил. Причем делал это с превеликим удовольствием. Это во дворце все знали.

Дома Балакирев прямо с порога сообщил жене важную новость: ее желает видеть государь. Та засобиралась. Муж привел ее прямо в кабинет, где царь расхаживал и потирал руки в нетерпении, спешил показать свое врачебное искусство.

– Ко мне, сударыня! – крикнула весело, приглашая в кресло. Села.

– Откройте рот.

– Зачем? – удивилась женщина.

– Сейчас узнаешь, – торопливо молвил Петр и еще торопливее спросил:

– Какой зуб болит?

Она хотела сказать, что никакой, но муж опередил: показал на первый, что попал на глаза. Петр крякнул и вцепился, как клещами. Рванул... Бедняжка вскрикнула и бросилась к двери, закрыв рот ладонью.

Петр ликовал, держа в руке здоровехонький зуб.

А его пациентка больше никогда не пилила мужа.

Балакирев оставался самим собой. Продолжал шутки шутить, да не все, видно, были по душе императору. Разгневался как-то Петр Алексеевич до такой степени, что велел Балакиреву убираться с глаз подобию-поздорову. Даже запретил появляться на русской земле.

Шут уехал. Доложили царю, что видели Балакирева у шведской границы.

– Туда ему и дорога! – махнул рукой государь.

И вот однажды сидел Петр Первый за бумагами, оторвался от них и бросил взгляд в окно. А там на дороге – телега. В телеге сидит Балакирев.

Царь велел остановиться. Подошел и крикнул, пылая гневом:

– Почему нарушил мой приказ?

– Какой приказ?

– Я же велел тебе никогда не появляться на моей земле?!

– Велел.

– А ты?!

Я сижу на своей земле.

– На какой такой своей?! – бушевал император.

– Извольте взглянуть.

И подал Балакирев документ на право владения землей, приобретенной им в Швеции.

– Вот так-то, государь, – пояснил Балакирев... – Напрасен гнев. Я сижу на собственной земле. – И хлопнул ладонью по мешку.

– Ай-да молодец! – вскричал государь. – Слезай с мешка скорее. Дай тебя обниму, дорогой человек.

У Балакирева было имя Милий, а по-нашему, деревенскому, Милай. Каждый раз, когда с горы бурными потоками устремятся к Оке вешние воды, то громче всех шумит-гремит Милаев ров, будто рассказывает тоже о своей старине далекой.

ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЬ

Александр Второй отменил крепостное право. Народ прозвал его царем-освободителем. Враги императора решили его убить. Нашли мастера и велели ему сделать государю в подарок большое кресло с пухлыми боками. Тот изготовил. Сам же и привез во дворец свою работу.

Александрю Второму подарок понравился.

– Можете садиться, Ваше Величество, – сказал мастер.

– Благодарю покорно! – весело молвил император и приготовился садиться.

Но тут что-то случилось с мастером. По лицу его пробежал испуг, губы задрожали.

– Не садитесь! – вскричал.

– Почему? – удивился император. – Кресла для того и делают, чтобы люди на них сидели. Нет уж, сударь! Сяду, обязательно сяду.

– Не спешите, Ваше Величество, – взмолился мастер. – Лучше киньте в кресло тяжелый предмет человеческого веса.

– Ну-ну, – молвил задумчиво Александр и тут же отошел в сторону.

Нашли гирию чугунную человеческого веса и кинули.

Кинули и ахнули: с двух сторон из пышных подлокотников вылетели длинные, как змеи, ножи. Вынырнули и сомкнулись на том месте, где должен быть сидеть человек. Стало тихо-тихо. Царь вытер пот со лба...

Люди, готовившие расправу, узнав, скрипели зубами от ярости. Решили своими руками управиться. Затеяли какое-то заседание важное. Пригласили царя. Он явился и сразу как в капкан залетел.

– Уходи с престола, иначе голова с плеч! – закричали. Узнал про это Николай Николаевич, великий князь, схватил шашку, сел на коня и поскакал. Прискакал ко дворцу, где заседали, ворвался в зал и увидел брата на коленях.

– Перед кем стоишь? – крикнул громче грома. – Неужто забыл, что монарх становится на колени только перед Господом Богом?

И ну рубить головы коварным заговорщикам...

Еще одно предание.

Александр Второй любил читать. Приучил знаменитый писатель В.А. Жуковский, будучи наставником царским. Особенно любил государь книги, где было много природы и картин из жизни народной.

Именно такую и написал Иван Сергеевич Тургенев – наш земляк, уроженец Орла. Прочитал император его “Записки охотника” и так растрогался, что прослезился.

– Что с тобой? – спросили близкие.

– Народ жалко, – вздохнул царь. – Такие крестьяне умные, трудолюбивые, добрые, а до сих пор в неволе маются. Надо им волю дать на веки вечные.

Так и сделал.

Хорошо, когда человек слово держит. Такое не забывается.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Великий князь Михаил Александрович Романов, младший брат Николая Второго, последнего царя, жил в Орле: квартиру снимал в самом конце улицы Борисоглебской, а служебный кабинет имел в доме на Московской. Между нынешним заводом “Текмаш” и вокзалом была казарма Черниговского гусарского полка, которым командовал М.А. Романов. Напротив церковь была, где гусары молились. Михаил Романов был богатырского роста, мог руками подковы гнуть. Отличался большой скромностью и добротой.

Увидел однажды зимой женщину, везущую в гору санки с тяжелым грузом (кадка с водой), быстро подошел:

– Вам помочь, сударыня?

Та растерялась. У великого князя было власти больше, чем у губернатора. Не успела ответить, как царский брат выхватил у нее веревку и повез.

Слух о том, как великий князь попал в водовозы, мгновенно облетел город. Романова любили, встречали с музыкой и цветами. В один из приездов он вышел из вагона, где его не ждали, пересел в трамвай и укатил, как самый обыкновенный житель города. По золотой монете получили от него кондуктор и вагоновожатый...

Узнал князь, что в полицейском участке задержанных бьют, взял и нарядился нищим бродягой. Да еще пьяным притворился. Его и замели стражи порядка.

Доставили в участок и ну колотить. Сбросил князь грязную одежду и предстал в блестящем мундире при всех орденах.

– Полицейские чины, – рассказывал дедушка Матвей, – прямо в ноги попадали, взялись прощения просить. Михаил Александрович строго отчитал их...

Любил князь конные прогулки до Орлика и далее – до Царева Брода. Следом ехал его секретарь. Царев Брод – историческое место. Там при царе Михаиле в 1615 г. битва была у князя Дмитрия Пожарского с поляками. Русские заставили пана Лисовского бежать со своими “лисовчиками”.

Когда Россия праздновала в 1913 году 300-летие Дома Романовых на престоле, то Михаил Александрович вышел к гостям в костюме, как у своего далекого предка.

– Он был Михаил Романов, я тоже Михаил Романов, – объявил весело.

В 1914 году отправился воевать с немцами. Дивизией командовал.

За храбрость и полководческое умение был награжден орденом. В 1918 году погиб на Урале.

В народе орловском жила вера, что жив. Помню из разговора моей бабушки с другой бабушкой:

– Едет Михаил Романов на белом коне, едет новый государь. Закрытые храмы откроет православным людям.

В наши дни Русская Православная Церковь причислила его, почетного гражданина Орла, к лику святых.

КЛЯТВА ЮНОСТИ

Александр Васильевич Горбатов родился и вырос в глуши деревенской, в Ивановской губернии, в самой бедной семье, где хлеба едва хватало до Нового года. Пошел в город, нанялся работать, учебу пришлось бросить. Вот тогда-то и дал он свою знаменитую клятву:

– Не пить, не курить и не ругаться!

Клятву сдержал, хотя прожил долгую и трудную жизнь. При царе был гусаром в Орле, служил под командой Михаила Романова, великого князя. Приходилось перед ним петь, выступая в гусарском хоре. Случилась война. Храбрый гусар отличился в боях, за то и получил два Георгиевских креста. В советские годы командовал полком, бригадой, дивизией и вдруг был невинно осужден, как “враг народа”, попал на Колыму. Едва не погиб там, в краях северных. Потом его оправдали, дали ему дивизию, а там и генеральский чин. От Сталинграда до Берлина дошел. Армией командовал в сорок третьем, когда освобождал нашу Орловщину. На его руках погиб под Орлом генерал Гуртьев. В освобожденном городе навестил казарму гусарской молодости: она лежала в развалинах, догорала...

Стал Героем Советского Союза, кавалерам двух орденов Суворова и двух – Кутузова и многих других наград. Был командантом Берлина.

На войне был храбрым и осмотрительным. Даже Сталина не боялся, мог переубедить. Высоко ценили полководческий талант Горбатова.

Любил он солдата, как Суворов.

Любил и берег.

Однажды в Орле у памятника А.В. Горбатову горожане увидели седого ветерана. Он стоял, обнажив городу, и плакал.

Объяснил:

– Хороший человек! Умел беречь нашего брата-солдата. Зря в огонь не посылал.

В 1966 году герой-генерал приезжал в Орел на 400-летие города. На торжественном собрании на главном стадионе говорил не по бумажке, а глядя в народ. Помню, выступил ярче всех.

Побывал гостем в 17-й школе. Выступая, вспомнил клятву юности, с гордостью говорил, что сдержал ее. Только раз, в День Победы, выпил бокал красного вина. И все! Призывал слушаться родителей и учителей, душевно говорил о своей матери, вырастившей десятерых детей.

Покидая Орел, генерал пригласил ребят в Москву. Группа туристов побывала. Чай разливала Нина Александровна – милая русская женщина. За большим столом был долгий разговор о мужестве и чести, о верности высоким идеалам юности...

Спустя годы автору этих строк довелось побывать там же, пить чай за тем же столом. Самого Александра Васильевича уже не было в живых. К 80-летию ему подарили бюст А.В. Суворова. Односельчане видели много сходства у двух полководцев разных эпох.

– Такой же непредсказуемый, – улынулась гостеприимная хозяйка. Она и на войне была его спутницей верной. Это она уговорила мужа написать воспоминания. Он подумал-подумал и взялся за карандаш. Сто карандашей исписал. Сам же отнес рукопись в редакцию журнала “Новый мир.”

Редактор журнала, великий русский поэт Александр Твардовский, автор знаменитой поэмы о войне “Василий Теркин”, с радостью принял рукопись генерала. Напечатал в журнале, а потом вышла и книга под названием “Годы и войны”.

“Я горжусь, – писал автор, – что родился на русской земле, что меня родила русская мать. Вспоминая прошлое, я думаю о будущем. Без прошлого нет памяти, без памяти нет Родины”.

А вот что говорил А.В. Горбатов в Орле в 17-й школе в сентябре 1970 года: “Мать для человека – самое дорогое, самое светлое. Как противно слушать, когда пьяный и даже трезвый упоминает слово “мать” в брани. Хорошо, если бы каждый из вас дал обещание самому себе не употреблять слово “мать” в бранном слове и постарался его выполнить... Еще в детстве я дал себе зарок: “Никогда, никогда я не буду пить, не буду ругаться и курить”. Эта мальчишеская клятва сыграла большую роль в дальнейшей жизни”.

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

ПОЭМА

1

Стояла осень золотая,
Летели птицы над Окой,
Я в школу шёл,
Стихи читая.
В стихах торжественный покой:
“Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сёл, градов ограда,
Сколь ты полезна и красна!”
Даль восемнадцатого века
Блистая в пламенной строке.
Читал и видел человека
В камзоле, в пышном парике.
Поэт Михайло Ломоносов,
Крестьянский сын из Холмогор,
Один из самых мудрых россов,
Явился мне,
Как Святогор.
Полями рядом,
Лугом рядом
Он шёл и славил тишину...
Ловил я строки жадным взглядом
И погружался в старину.
Я слышал радостные клики,
Я видел взлёт большой судьбы
В той старине,
Где Пётр Великий
Россию поднял на дыбы.
Великая Елизавета,
Чей “зрак прекраснее рая”,
В шелка одета-разодета,
Катила в южные края.

Была в Орле,
Спешила в Кромы
В душистом облаке волос.
Она слыхала наши громы,
Внимала звону наших кос...
К труду тянулись наши руки,
Нам близок был зов мирных лет:
“Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет!”
Узрел поэт однажды ночью
Сиянье Севера вдали,
И огневые узорочья
Ему всю душу обожгли.
Как будто книга золотая,
Как будто новая страна.
Воскликнул он,
Её читая:
“Открылась бездны звёзд волна!”
Величье Божие открылось,
Восторг на сердце сотворя.
Строка играла и светила:
“С полночных стран встаёт заря”.
Для юга,
Запада,
Востока
Тот свет в созвездиях расцвел
И стал провиденьем Пророка,
Что там – Божественный Престол.

2

Качает волны русский Север –
Шумит, волнуется вода.
По небесам, лучи рассеяв,
Горит Полярная звезда.

Зимой играющие воды
Обращены в холодный лёд.
Звезда
Царицею природы
В холодных сумерках цветёт.
Метель гуляет побережьем,
Встают сугробами снега...
Поморы край свой любят нежно,
Хоть ночь полярная долга.
Мерцают звёзды –
Божьи свечи,
Глядят лучисто в каждый дом.
У русской печи льются речи,
Воспоминанья о былом.
Минувших лет встают буруны
О том, как наши корабли
Явились первыми на Грумант,
В Аляску первыми пришли.
За разговором – разговоры,
И в каждом – блеск былых побед.
Петру Великому поморы
Опорой стали с первых лет.
Их не пугал суровый берег
И буйных бурь девятый вал.
Их брал с собою Витус Беринг,
Казак Дежнёв с собою брал.
О русский Север,
Север русский
С волной лазурно-голубой!
Любые снимет перегрузки
Своей былиною любой.
Преданья русские чудесны
Из глубины далёких дней
О высоте ли поднебесной,

О глубине ли синь-морей,
Как неразгаданное чудо,
Как русской юности весна,
Гиперборейская отсюда
Берёт начало старина.
Поёт прибой,
И в ровном гуле
Легенда голос подаёт:
Земля загадочная Туле
В народной памяти живёт.
Твердит сказитель с бодрым видом
На радость взрослых и детей,
Что было время Атлантиды,
Пора летучих кораблей...
Давным-давно мы жили-были,
Сады шумели над водой,
Мы землю Русскую любили
Под самой яркою звездой,
Цвели луга под этим светом
Из года в год,
Из века в век...
Родился там и стал поэтом
Михайло – русский человек.

3

Отцовский дом из толстых брёвен,
В окне – лиловая слюда,
Для жизни долгой был построен
В те стародавние года.
Надёжно в памяти остался,
Перешагнув за веком век...
Там был рождён,
Там пел, смеялся,

Рыбацким делом занимался
Он – самый русский человек.
Под грозowymi небесами
Года тяжёлые прошли.
Двина, белея парусами,
Послала к морю корабли.
Вздыхали пенные громады.
Простор безбрежен и глубок,
В лугах разгуливало стадо
И, заливаясь, пел рожок.
Михайло знал поля, овраги,
В озёрах плавал за селом,
Изобразить мог на бумаге
Спустя года
Родимый дом.
Михайло в радости и в горе
Служил опорой отцу,
И волны северного моря
Летели встреч его лицу.
Учил родитель ставить снасти
И править парусом тугим,
Быть верным, сдерживая страсти,
Заветам предков дорогим.
Кружили чайки, громко плача,
Кипели пенные холмы.
Отец: “В морях ищи удачу!
Поморы мы! На море мы!”
Треску ловили и тюленя,
Ходили дружно на моржа.
Носились люди там, как тени:
Клыки моржа
Острей ножа.
Отвагу, мужество ковали,
Как на войне, без лишних слов.

И на Шпицберген заплывали,
Дивили шведских моряков...
Зимой дремали на приколе
Рыболовецкие суда.
Зимой учиться надо в школе.
Но где учиться?
Вот беда!
Метель кружила у порога,
Мороз трещал со всех сторон...
Сосед Иван учил немного,
Потом учил дьячок Семен.
Учился юноша без лени,
Мог письма вскорости строчить.
Наставник рухнул на колени:
“Всё! Больше нечему учить!”
Пошёл Михайло к Христофору,
Увидел книги,
Целых три...
Не прочь помочь помор помору:
“Читать умеешь?”
На! Смотри!”
Отец ходил, не зная страха,
На “Чайке” быстрой в Соловки,
Где жили строгие монахи,
Старинной верою крепки.
Шагать к наукам – путь неблизкий,
Душа восторгом залита:
Средь книг – Смотрицкий и Магницкий,
В учёность первые врата.
Псалтырь в рассказе стихотворном
Читать во храме не пустяк...
И буквы сыпались, как зёрна,
Из зёрен вышел тучный злак.

И где б теперь Михайло ни был:
В полях, в дубравах, на морях,
Он ровно слышал голос Неба –
В нём укрепился Божий Страх.
Мечтал, псалмы читая в храме,
Людские трогая сердца,
Наполнить добрыми делами
Всю жизнь
До смертного конца.
Смотрел он долгими часами,
Как волны двигались везде.
Стоял, любуясь облаками,
Их отражением в воде.
В игру лучей и в блеск лазури
Влюбился страстно, как поэт.
Любил он свист и грохот бури,
Летучих молний резкий свет.
Холмов кипенье белогрудых,
Разлив вселенской красоты...
Всё изначальное оттуда:
Отвага, воля и мечты.

4

Отец не стар ещё годами,
Без дела дома не сидел.
На рыбных промыслах с китами
Сраженья шумные имел.
Помор воспитывал помора,
Учил держаться на волне.
В Архангельск-город брал к родне.
Отцовы руки на штурвале,
А чайки с криками вдали...
В большое море заплывали
С Вавчугской верфи корабли.

В той верфи видел наковальню.
От старожила услышал:
“Давно, а кажется, недавно
Тут царь наш
Молотом махал.
Был Государь в немалой силе,
Умел часами бить да бить.
Два судна на воду пустили,
Велел два клёна посадить”.
Отец за многими делами
Любил рассказывать, как встарь
В баржу, набитую горшками,
Упал с подмостков государь.
Сумел по-царски расплатиться
Он за побитые горшки.
Умчались годы те, как птицы,
Но как же в памяти близки!
Мать умерла!
Рыдал мальчишка.
Зарубки в сердце залегли,
Спасибо книжкам, милым книжкам!
Они тогда его спасли.
Над морем птиц кружила стая.
Темнела неба синева.
Читал псалмы, вздыхал, читая,
Искал целебные слова...
“Москвою душу просветить бы!” –
В мечту большую сердцем врос.
Отец лечил себя женитьбой,
Хозяйку новую привёз.
“Крепись, – твердил, – не будь как тесто.
Пора дела раздвинуть вширь.
Там приискал тебе невесту,
Готовься к свадьбе, богатырь”.

В окне снежинки серебрятся,
В полях – покой и тишина.
Вздыхнула мачеха:
“Признаться,
И мне помощница нужна”.
Стоял у дома как-то рано.
Тоска клещами сжала грудь:
Увидел выезд каравана
В далёкий путь, торговый путь.
Они вернутся, знал, не скоро:
В пути мороз грозней грозы,
В Москву направили поморы
Свои скрипучие возы.
Смотрел Михайло Ломоносов,
Угрюмо стоя у крыльца.
Продумал он вопрос вопросов
С того и с этого конца.
Средь ночи вышел и – в дорогу,
С котомкой, с палкою в руке,
На третьи сутки – слава Богу –
Обоз увидел вдалеке.
Просил с собою взять – не брали:
“Сидел бы дома, егоза!”
Но про ученье услышали,
И стали тёплыми глаза.
В Москве он смело
Путь свой начал:
Не подвела к наукам страсть.
К тому же Дутиков – подьячий –
Не дал тогда ему пропасть.
Привёл к ограде монастырской:
“Смотри, какая красота.
Славяно-Греческо-Латинской
Тут Академии врата”.

Вошёл Михайло Ломоносов,
Теряя смелость и покой:
Предстали трудные вопросы:
“Откуда родом?
Кто такой?”

Не врал он словом ни единым,
Но тут – особые дела:
Пришлось назваться дворянином,
Ложь во спасение спасла.
Весь задрожал,
Увидев книжки,
Засел учиться в двадцать лет.
Смеялись дружно ребятишки,
Как он обут
И как одет...
Жизнь – улетающая птица.
В ней дорог сердцу каждый звук.
Решил: учиться так учиться,
Старался в каждой из наук.
Властям затрат он малых стоил,
Неутомимый рыцарь книг:
За три копейки в день освоил
Латынь, философов постиг.
Как по ступенькам,
По страницам
Пошёл к обдуманной мечте,
Над головой парили птицы
И пели гимны красоте.
Он выбрал путь себе неблизкий
На свет пленительных лучей,
Библиотеки монастырской
Неутомимый книгочей.
Душа его была на взлёте,

Во власти чудных перемен...
Платон, Вергилий, Аристотель,
Гомер, Гораций, Демосфен,
Плутарх, Дамаскин и Сенека,
И Фукидид, и Ювенал –
Все возвышали человека,
Вели его от века к веку,
И он покоя не знал.
Стоял с молитвою во храме,
Была душа озарена.
Руси былинными годами
Заворожила старина.
Но как-то раз,
Во дни ученья,
Вдруг книга выпала из рук,
Пришли “пресильные стремленья”
И отлучили от наук.
Был молодой,
И были страсти,
А там, где страсти,
Жди беду.
И стал под грузом той напасти
Подобен мухе на меду.
Себя почувствовал ужасно,
В стихах покаялся, как мог.
Прочёл творенье и:
“Прекрасно!” –
Отметил чуткий педагог.
И вновь Михайло энергично,
Трудясь с утра и до темна,
Учился только на “отлично”,
Жил, обгоняя времена.
Вложил трёхлетнюю программу
В единый год, горячий год.

Узрел за книжными горами
Всей жизни новый поворот...
Стою, гляжу из-под руки я
На всё, что он увидеть мог.
Через места мои на Киев
Вела дороженька дорог.
Михайло был в Орле и Мценске,
На Курск бежал его возок:
Всю ширь просторов деревенских
Нетерпеливо пересёк.
В лугах позванивали косы,
Сверкали росы на заре,
Пил чай Михайло Ломоносов
В избе почтовой на Кнубре.
В Дмитровске парку Кантемира
Отдал положенный поклон.
Дороже всех сокровищ мира
Лежала Русь
Со всех сторон.
Науки для,
Не ради славы,
Мечты во имя дорогой
Приехал в Киев златоглавый,
К истокам древности седой.

6

Старинный град в красе и силе –
Дворцы высокие, сады –
Соединения с Россией
Ему показывал плоды.
Был град в дыму во дни Батыя,
Поляков вынес, как чуму.
Сияли главы золотые,
Не подчиняясь никому.

Как будто солнце из тумана
/Труба победная, играй!/
Пришло Хмельницкого Богдана
Казачье войско
В древний край.
Что может быть светлее доли,
Чем жить, сойдясь в одну семью?!Нашёл Михайло на Подоле
Здесь Академию свою.
Давно ль
Горою чёрной пепла
Пугал прохожего пустырь?
Духовность заново окрепла,
И вырос Братский монастырь.
Любил бродить Михайло ночью,
Когда в Днепре играет свет...
Искал причал наукам точным
И вдруг узнал:
А их тут нет.
От вести этой – в горле горечь.
Сперва не понял ничего.
Но Феофан свет Прокопович
Мгновенно вылечил его.
Речь о Петре Великом сразу
Повёл, – и понял наш поэт:
Сюда поездкой не наказан,
А награждён во цвете лет.
Был строг святитель на огрехи,
Но тут глаза его цвели.
Сказал:
“Отменные успехи
Твои до Киева дошли”.
Сказал тепло и откровенно,
Приняв как сына своего:

“Я – твой защитник неизменный,
Живи, не бойся никого.
Звонят пусть в колокол соборный,
Пусть самозванцем назовут.
Знай, что земля твоя просторна,
Везде найдёшь себе уют”.

Год на Днепре
Был добрым годом –
Прочёл он книгу не одну:
Под монастырским белым сводом
Открыл родную старину.
Читал Синописис знаменитый,
Где древность руссов,
Даль славян.
В окошке цокали копыта,
А тут – событий океан.
Он обошёл пещеры Лавры
И там черпал познаний свет:
Гремели трубы и литавры,
Колокола былинных лет.
Не вышел в свет ещё Татищев
И не родился Карамзин.
Михайло Русь свою отыщет
Средь исторических руин...
В Москве
Из северной столицы
Бумагу ректор получил.
“В Санкт-Петербург пошлём учиться
Достойных самых!” – объявил.
Михайло встал, как бравый воин,
Обжёг кострами жарких глаз:
“Меня пошлите!
Я достоин!
Готов в дорогу хоть сейчас”.

Был темен лик отца Стефана:
“Ты, сударь мой,
Из мужиков.
Тебе в столицу ехать рано”.
И вдруг, как ангел с облаков,
Сам Феофан к нему неожиданно
Явился выправить судьбу.
Открыл дорогу в мир желанный
Святитель Божьему рабу.
Напомнил киевские встречи,
Напомнил речи о Петре...
И богатырь, расправив плечи,
Уехал в Питер на заре.

7

И вот он – в северной столице.
Нева напомнила Двину:
Бежит, на солнце серебрится,
Купает в сумерках луну.
Дворцы нарядные, соборы,
Сады и парки,
Острова.
И облака плывут, как горы,
И о Петре гремит молва...
В простор науки и культуры
Дверь распахнулась широка.
Учил Василий Ададуров
Его основам языка.
А Крафт на лекциях, как птица –
Парил, наукой одержим.
Анна Ивановна – царица –
Благоговела перед ним.
Был химик он и математик.

Михайло слушал – ликовал,
Он, как на золоте старатель,
За тайной тайну открывал.
Неутомимый и упрямый,
Ловил он сердцем
Каждый звук.
И вышел в тройку самых-самых
Для продолжения наук.
Ура! Он едет за границу,
Крестьянский сын из Холмогор.
Решил: учиться так учиться,
Во весь размах,
На весь напор.
Готов в стихах воспеть Россию.
В трудах не есть, не спать готов.
От Тредьяковского Василья
Купил трактат
О тайне слов.
Перешагнув угрозы шторма,
Поплыл в Кронштадт и за Кронштадт...
Встал перед ним вершиной горной
В конце пути германский град.
Стал Марбург городом желанным
В те незабвенные года.
Сияла Вольфа Христиана
Там лучезарная звезда.
Студенты – шумный и весёлый
Народ, остряк на остряке:
Гуляют в бархатных камзолах,
С косою толстой в парике.
Михайло вскоре стал примерным.
Писал не даром Христиан:
“Любил учение безмерно,
К наукам дар великий дан.

Коль будет впредь с таким раченьем
Шагать упорно на восход,
То заграничное ученье
Большую пользу принесёт”.
И впрямь, три года не пропали,
А в душу крепко залегли.
В полях – уборка урожая,
А тут – дорога далека...
Сидел фореитор, оглашая
Окрестность звуками рожка.
Конями кучер ловко правил.
А наш герой главой поник.
Он сердце в Марбурге оставил,
Перед глазами – милый лик.
Ученьем душу он возвысил.
Но как же горек был отъезд!
Наобещал ей сотни писем
Из ближних мест
И дальних мест...
Во граде Фрейбурге науки
Иных мастей,
Иных пород.
Тут металлические звуки
Повсюду слушает народ.
Чуть свет шагают рудокопы
В сопровождении детей.
Наверное, по всей Европе
Нет разнесчастнее людей.
Суровы темные карьеры.
Мальчишки трут во тьме сырой
Руду, насыщенную серой
И ядовитую сурьмой.
Тут каждый кашлем обеспечен
И болью лёгких с юных лет.

“Здоровье тратят, жизнь калечат” –
Писал печально наш поэт.
Толпу большую он увидел,
Наружу вышли стар и мал.
Король катил,
В карете сидя,
Народ же гневом закипал.
Карета далее катила,
Забот не сдвинулась гора...
Старик вослед смотрел уныло
И вспоминал царя Петра.
Ста королей
Он в мире стоил,
Дела великие верша:
Он дело горное освоил
И на прощанье пир устроил:
Что значит русская душа!

8

Суров и горд профессор Генкель,
Глазами холоден, как лёд.
Живёт, с наук срывая пенки,
Михайле хода не даёт.
Как никогда, живётся туго.
Санкт-Петербург на деньги скуп.
Нет ни товарища,
Ни друга,
Сходить за гильденом к кому б.
Простой едой не обеспечен.
Терзает голод по ночам.
А как устал от чуждой речи!
Как по Отечеству скучал!
Печаль о Родине как рана,

И вдруг – победный зов трубы:
Мы взяли крепость на Балканах
Святым велением судьбы.
Узрели турки исполином
Солдата русского в бою...
Земли родной достойным сыном
Михайло был в чужом краю.
Читал из Дрездена газету –
Цвела душа, кипела кровь.
Звала на подвиг новость эта,
Крепила к Родине любовь!
Глазами сердца видел Хотин,
Где русский штык врага смирил,
И ода первая в полёте:
“Восторг внезапный ум пленил...
Победа, Русская победа!
Шумит ручьями бор и дол.
Боишься собственного следа
Наш враг, что от меча ушёл”.
О, как Россия-мать желанна!
Как весел вид её лугов!
Петра и Грозного Ивана
Взирали тени с облаков...
В Санкт-Петербург отправил оду
Михайло с почтой корабля,
Ещё стихов такого рода
Не знала Русская земля.
Сам Корф бесценные страницы
Прочёл с восторгом раз и два
И показал императрице,
Сказав: “Какая голова!
Герои наши взяли Хотин,
Поэт же славу им поёт.

У Кантемира не найдёте
И у других подобных од”.
Чутье – вернейшая цензура
В горячей области стиха.
Признал умнейший Ададуров,
Что ода очень неплоха.
Сказала строгая царица:
“Он Тредьяковского сильнее!”
Придворных пасмурные лица
Мгновенно сделались светлей.
Царица Анна все болела,
Просила часто пить да пить,
Поэта-автора велела
Не потерять,
Не позабыть.
Она ушла в иные дали,
А наши горе-чудаки
Ему ни слова не сказали,
Не написали ни строки...
Жизнь – улетающая птица.
В ней дорог сердцу каждый звук.
Велела молодцу жениться
Любовь – наука из наук.
Обрёл немалое значенье
Град Марбург в жизни молодой,
Венчаньем кончилось ученье
Перед иконою святой.
Ковры лугов стелило лето,
Бродили сытые стада.
И стала Цильх Елизавета
Вдруг Ломоносовой тогда..
На девять лет была моложе,
Скромна, улыбчива, нежна,
К себе старалась быть поостроже,
К нему – примерная жена.

Медовый месяц был недолог:
Звала забота за порог,
Историк, химик и геолог
Дорогу выбрал из дорог.
Пошёл пешком,
Большой и сильный,
На Любек, Франкфурт, Амстердам.
Он предпочёл свою Россию
Всем европейским городам.
Порою был бедней бродяги,
Искал приюта и тепла.
В голландском городе Гааге
Просил подмоги у посла.
Не все встречали хлебом-солью,
Нередко следовал отказ,
И вдруг – весёлое застолье:
Пьют, разумеется, не квас,
Зазвали, приняли как брата,
Уговорили есть и пить.
Назавтра сделали солдатом,
Погнали герцогу служить.
Был как у зверя в цепких лапах
И всё ж бежал, сорвав замок.
Прости-прощай, коварный Запад!
Ему дорога – на Восток!
Мечтал он в блеске жизни новой
Явиться к старому отцу.
Судьба дала ответ суровый,
И тень прихлынула к лицу,
Приснился сон,
И болью острой
Пронзило грудь, душа болит.

Во сне увидел море, остров –
Отец на острове лежит.
Домой приехал – разговоры
Повёл, решителен и скор,
Искал на рынке Холмогоры.
Услышал: “Я из Холмогор!”
Стал задавать ему вопросы
И в цель печальную попал:
“Крепись, Михайло Ломоносов!
Отец твой без вести пропал.
Уплыл, как только вскрылись воды,
Четыре месяца, как нет.
Видать, игрушкой непогоды
Стал твой родитель,
Наш сосед”.

Просился сын в родные дали,
Отца несчастного любя,
Но в Академии сказали:
“Сиди! Найдут и без тебя”.

Отца чужие хоронили.
Роняли слезы рыбаки.
А сын, трудясь, как лошадь в мыле,
Сидел, стараясь в две руки.
Шло время жуткое Бирона.
Подмяли немцы русский двор.
Пошли остзейские бароны
На Петербург во весь опор.
Шуты работали прекрасно.
У них позиция своя.
Царица Анна в кофте красной
Стрелять любила из ружья.
Не стало Анны.
В прежнем страхе
Народ под немцами сидел,

Из канцелярии Шумахер
Всей Академией владел.
Не знал ни горя, ни печали,
Довольный властью и судьбой,
И речи чуждые звучали
С учёной кафедры любой...
Михайло выступил с докладом.
С большим вниманьем слушал зал.
Сказали: “Здорово! Что надо.
Не зря в Европе побывал”.
Сносил бы далее нагрузки,
Не прочь ночей недосыпать.
И вдруг сказал:
“Пора по-русски,
По-русски лекции читать!”
“Зачем?!”
Науку мы угробим!
Над головою взвился крик. —
Язык России неудобен.
Он слишком беден,
Ваш язык”.
Держась спокойней и смелее,
Михайло свет зажёл во тьме:
“Язык России не беднее,
А всех богаче на земле!”

10

Всегда о Родине желанной
Кипели думы в голове:
И там, в Германии туманной,
И тут, во граде на Неве.
Жил поначалу в одиночку,
От счастья главного вдали.
Всё ждал и ждал жену и дочку.

И вот приехали они.
Навеки Марбургу обязан:
Ученью рад,
Ученым рад.
С его любовью нежно связан
Германский град,
Прекрасный град.
Елизавета свет Христина
Сняла гору большую с плеч.
Свела три сердца воедино
Её пленительная речь.
В жене любимой столько света,
Хватило им на все года.
Он звал её Елизаветой,
Христиной – реже, иногда.
Снимал парик пышноволосый,
Родным теплом был разогрет.
Была супруга златокосой,
Как утверждал один поэт.
Жила не в клетке золочёной,
В долгах и хлопотах жила.
Как уверял один учёный,
Она великою была.
Теряли дочь,
Теряли сына
И снова дочку обрели.
Плечом к плечу два исполина
Дорогу трудную прошли...
В заботах жили постоянно.
Чуть что – встревожена она.
Жаль, просыпается он рано
И пропадает дотемна.
Всё ждёт и ждёт,

Как голос гулкий
Вновь у порога загремит...
Однажды шёл по переулку.
Навстречу трое – грозный вид.
Его раздеть решили трое
Непробиваемых невежд.
Он принял бой.
Бежали двое.
Остался третий без одежд.
Гол как сокол, не взвидел света...
Поэт с добычею своей
Пришёл, крича:
“Елизавета!
Сюда!
Прими-ка мой трофей!”
Жена довольна: всё в порядке,
С лица мгновенно спал испуг.
А муж: “У нас похлеще схватки”. –
“Где?” – “В Академии, мой друг!”

11

Он дорожил ученым словом,
Будь просто речь или доклад.
В горячий спор вступал с Тепловым,
Был Крашенинникову рад.
Чистейший Рихман
Хоть из немцев,
А другом стал своих милей,
Таких побольше иноземцев,
Было б Отечество сильней.
Жаль, грозовым убит разрядом.
Михайло плакал:
“Милый брат!

Мы были рядом,
Всюду рядом.
Прости меня, в чём виноват!”
Но эти Бауэр и Миллер
И прочих типов тёмный ряд,
Они на вас глядят умильно,
Но правды всей не говорят.
И эти Тауберт, Шумахер
С лихой компанией своей
Держать людей умеют в страхе,
Играя роль учителей.
Они в речах велеречивы,
Они достоинства полны,
Жадны их руки до наживы,
До государственной казны.
И тот, и этот – академик,
Спешат выпячивать себя.
Не ради чести,
Ради денег
Сошлись на русские хлеба.
Не спор, а бой с утра до ночи,
Хоть вон иконы выноси...
На двадцать пять веков короче
У них история Руси.
На первом месте – скандинавы,
Германцы,
Греки,
Мы – потом.
У нас ни древности, ни славы,
А дикость полная кругом.
Направо глянь,
Взгляни налево –
Полно нерусских там побед.

А мы сошли как будто с древа:
Ни городов, ни княжеств нет...
Спешит Михайло на работу,
Большую палку попросил:
Опять прихлынула забота
Во весь размах душевных сил.
“Бывают жаркие моменты, –
Дал пояснение жене, –
Дубина служит инструментом:
Бью по столу,
Как по спине”...
Блестает время именами,
Как небо – заревом-огнём.
Все разговаривают с нами
О нём, решительно о нём,
Он – знамя гордое эпохи.
Таких в бессмертие берут.
Враги его ценили плохо:
Дай слово – грязью оболъют.
Смотри, как лезут вон из кожи,
Как жадно ищут дураков:
Твердят о нём одно и то же:
“Из мужиков,
Из мужиков”...

12

Возликовал народ московский!
В тот день великий
Вместо роз
Елизавете Разумовский
С поклоном оду преподнёс.
Взяла и сразу же с вопросом:
“Кто автор?” –
“Наш учёный друг.

Зовут Михайло Ломоносов”.
Все словно замерли вокруг.
“Спасибо автору. Я рада”.
Как будто в сад
Вошла она:
“Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина...!”
“О, Боже! Что это такое?
Чудесный автор!
Как он мил!
Его талантливой рукою
Сам ангел, видимо, водил”.
А там...
Какие тут вопросы?
Прочла и раз она, и два.
Сумел Михайло Ломоносов
Найти достойные слова.
Поэт в восторге небывалом:
Его забвение прошло.
Его привёз Иван Шувалов
К царице в Царское Село.
Предстала радостной и милой
За малым столиком своим.
Всё говорила, говорила,
Как с давним другом дорогим.
Была сплошная лучезарность,
Нежнейшим голосом звеня:
“Примите нашу благодарность,
Хвалить умеете меня”.
Её рука – цветок сирени.
И он, профессор в парике,
Упал, ликуя, на колени,
Прильнул, как раб, к её руке.

Она: “Прочла я со вниманьем
Стихи, довольная вполне,
Отныне Ваше дарованье
Нашло ценителя во мне.
Творите дальше честь по чести,
От всей души благодарю.
Тут есть за городом поместье.
Отныне Вам его дарю”.

“Отныне, – думал он, – отныне
Нужды, как прежде, не видать”.

Пришёл домой:
“Она – богиня!!!
Мне больше нечего сказать”.

Такого сроду не бывало.
Жена растрогана до слез.
Назавтра снова был Шувалов,
Бумагу нужную привёз.
Кипенье чувств.
О, праздник света!
Как в летний полдень на реке,
Бумагу ту Елизаветы
Держала бережно в руке.
Сияло солнце в небе синем.
Шувалов принял важный вид:
“Писать Историю России
Её Величество велит”.

“О Боже! Радость-то какая!
Берусь! Вот Вам моя рука”.

Друг друга вежливо толкая,
По небу плыли облака.
Ходил в архив,
Сидел в архиве,
Листая множество томов,

И, наконец, сказал, счастливый:
“Теперь к работе я готов!”
Пошли истории страницы
Ложиться в толстую тетрадь....
Вдруг схватка с Миллером приснится,
Возьмёмся нервами играть.
Успокоение – в работе!
Дивит усердием семью.
“Прочтёте, милые, прочтёте!
Поймёте летопись мою!”

13

Один с ружьём пугает заек,
Другой – охотник до лисиц.
А он картиной из мозаик
Увлёк себя и прочих лиц.
Творит картину про Полтаву
С Петром Великим на коне...
И тут о нем худую славу
Пустить решили по стране.
Мол, он Историю не пишет,
А Муза явно умерла,
Пустой мазнёй живёт и дышит,
Забросил важные дела.
Творил интриги Сумароков,
Не унимаясь до седин.
Слова подбрасывал жестоко:
“Невежа он, рыбацкий сын”.
Такого разного напели
И при дворе в горячий час,
Что встал Шувалов:
“Неужели
Он там обманывает нас?”

“Нет!” – рассердился Ломоносов
И за обеденным столом
Ответил прямо на вопросы,
Свои же выставил потом.
“Что говорить? – взмахнул рукою. –
Кого угодно заклюют.
На этом свете нет покоя,
На том покоя не дадут.
Разубеждать неинтересно:
Торчат у каждого плетня.
Они и в Царствии Небесном
Найдут с клеветами меня.
А впрочем, будем ближе к делу,
О чём шуметь, где чести нет”.
Сказал решительно и смело:
“Нам нужен университет!”
Ещё отметил, как в экстазе:
“Нельзя жить без библиотек!
Никак нельзя и без гимназий!
Растёт же русский человек”.
Сюрпризов ждал он со дня на день.
Вдруг с удивленьем узнаёт:
Его представили к награде,
Но порешили:
“Подождёт!”
“Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина...”
Кому-то надо,
Очень надо,
Чтоб гений выгорел до дна.
Он обнимал моря, и земли,
И многозвёздный небосклон...
“Священный ужас нас объемлет”.
Как много знал и сделал он!
Познаний даль, как мир, просторна.

Ручьями пот бежал со лба.
Шёл от одной вершины горной
К другой – великая судьба.
Россия, тройка удалая,
Несётся, удалюю звеня.
Он, гений, время обгоняя,
Из сказки взял себе коня.

14

Пусть жизни срок не будет долог,
Бери всё главное у ней:
Он – металлург,
И он – геолог,
Моряк, строитель кораблей.
Матросу он, и капитану,
И адмиралу – верный друг.
Готовит путь по океану
И изучает всё вокруг.
До мелочей,
До сути самой
Доходит в поиске своём,
В незримом атоме упрямо
Для смелых дум
Находит дом.
“Науки юношей питают,
Отраду старцам подают”.
Мечты, как ангелы, летают,
Как птицы, в сумерках снуют.
Сомненьем душу не сломал он,
Не сжёг средь пламенных светил.
Во мгле миров,
В большом и малом
Дыханье Божье находил.
Как он болел стекольным делом!
Душа поэму родила.

А там такое возгремело,
Что выше всякого стекла.
Его Стекло – герой поэмы –
Писалось с буквы прописной,
Он подошёл к великой теме,
Где в малой капле шар земной.
Стеклу Огонь – всегда родитель,
Вода Огню – вернейший враг,
Дрожат невидимые нити,
Как паруса на кораблях.
Стекло сравнимо с чудесами,
В нём сердце радость обрело...
Под голубыми небесами
Играет море,
Как Стекло.
Он уходил умом и взглядом
В простор, не знающий границ,
И находил повсюду рядом
Взаимодействие частиц.
Как звёзды, атомы роятся,
Безмолвны, сказочно просты.
Умрут и снова народятся
По всем законам красоты.
Сам Бог законам тем послушен,
Поскольку сам их создавал.
Он ко всему равнодушен –
Отца родного идеал.
Не бойся, друг, что даль безбрежна,
Не мучь сомнением себя:
Тогда поймёшь, как любят нежно,
Как нежат ласково тебя.
Да будь светла твоя дорога!
Да будет ясен путь прямой!

Пойми, ты сам – частица Бога,
Дыханье Вечности самой,
Храни младенческого детства
И пылкой юности мечты.
Нам никуда, поверь, не деться
Из мира чудо-красоты.
Всегда нова и неизменна,
Она, как Бог, всегда жива.
Из этой музыки Вселенной
Родятся звуки и слова.
Прекрасен мир добра и веры,
Побед в решительной борьбе.
Бери высокие примеры
Для подражания себе!

15

Писал он прозой и стихами,
Святым Заветом дорожил.
Недаром дедушка во храме
Со всем усердием служил.
Любил не зря язык церковный,
Славянской юности язык...
Всё в нас от предков, безусловно:
К чему привык,
К тому привык.
Он доходил до сути самой
И жидких тел,
И твёрдых тел,
Между наукою и храмом
Противоречий не имел.
Он на Венере атмосферу
Открыл, Коперника хвалил.
От Православной Русской веры
Нигде на шаг не отступил.

Андрей Апостол был иль не был?
“Вопросов нет у нас!” – рубил.
Ему была дороже хлеба
Святая истина,
Что был.
Он был не горд,
Но мог гордиться
Числом своих прекрасных дел
И, как серебряная птица,
Над целым миром пролетел.
Нева вздыхала к непогоде,
А он, упрямый человек,
Всё чаще думал о народе
На всём пути
Из века в век.
Родной народ не знал он диким,
Во все года считать привык,
Что самый древний и великий
Наш удивительный язык.
Он был до Рима и до греков
Веленьем свыше сотворён.
В нём честь и совесть человека
И справедливости закон.
Да будет русский люд умножен,
Всемирной славою повит!
Но отчего он так встревожен,
С каких причин печальный вид?
Был спор как бой,
Но где победы?
Забыт земли родной восход.
Мы растеряли наши Веды
В пучине мелочных забот.
Столетий целые пространства
Легко оставили врагам.

А были славою славянства...
Надеждой века
Тут и там.
Давным-давно, где жили россы,
Стояли густо города...
За правду дрался Ломоносов,
Не отступая никогда.
Путь выбрал он себе неблизкий,
Когда над темой нависал.
“Блуждаю в древностях российских”, –
С восторгом Эйлеру писал.
Блуждал в легендах осторожно,
Во все заглядывал углы:
“Да, вероятно!
Да, возможно!
Но доказательства малы”.
По десять книг читал в неделю.
Конспекты выросли горой.
С ним спорить многие не смели,
Всегда готов принять был бой.
Трудясь во имя русской славы,
Он верил, ждал:
Придёт пора!
Среди правителей державы
Искал наследников Петра.

16

“Во след Вергилию, Гомеру”, –
Однажды начал в ноябре.
В своей излюбленной манере
Большое слово о Петре.
Писал о том, что знал от дедов,
О том, что слышал от отца,

О первых северных победах,
О славе русского бойца.
Хвалу, как ратною трубою,
Вознёс царю, что спас Азов
И смерть державною рукою
Отвёл от русских берегов.
“О море! О земля!” – гремело,
Брало в столетия разбег.
В лучах победы молодел он,
Освобождённый русский брег.
Он пел российского героя,
Что вёл священную войну,
Большие грады,
Флоты строя,
Крепя любимую страну.
Его премудрость бесконечна,
Жива в преданиях вокруг.
Любя Отечество сердечно,
Поднять умел он русский дух.
Достиг в трудах высот прекрасных,
Во льдах бывал он и в огне.
Хоть были бедствия ужасны,
Свою дорогу видел ясной
На корабле и на коне.
Гуляет ветер по равнине,
Качает ниву на заре.
Собрал все мысли воедино
Поэт в поэму о Петре,
Полки российские во славе
Вполне заслуженно воспел,
На сто столетий бой кровавый
В дыму Полтавы возгремел.
Давно ли “бомб и ядер кучи”
Царь видел там перед собой?

Россия сделалась могучей,
С большой и чудною судьбой.
Где лёд был “грозен и ужасен”,
Плывут, “презрев угрюмый рок”,
Колумбы русские,
Прекрасен
Их путь на Запад и Восток.
“Он Бог, он Бог твой был, Россия”, –
Так о Петре поэт писал.
И вот опять он в полной силе
Царя рисует идеал.
Писал поэт, душа живая,
Как будто памятник гранит.
“Других таких не обретаю”, –
С невольной грустью обронил.
Пётр Первый – новая Россия,
Работа сердцу и уму.
Что сделал он,
То не под силу
На белом свете никому.
“Он был работником на троне”, –
Как жемчуг, падали слова.
Всех лучше Пушкин это понял:
В нём та же истина жива:
“То академик, то герой,
То мореплаватель,
То плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник”...
Поэт учил быть в каждом деле
Петру Великому сродни,
Боясь, чтоб мы не проглядели
Сей опыт в суетные дни.

“Делами дивными он славен,
Наш Государь”, – твердил поэт.
Потом о том писал Державин,
И Пушкин шёл ему вослед.
Давали классики советы
Любому-каждому из нас.
Мы забывали их за это,
Судьба наказывала нас.
Встают вопросы, как торосы,
На всём пути у корабля,
Ответы знает Ломоносов.
Не спи, родимая земля!
Он был поэтом и пророком
И счастлив был мечту иметь:
Взойти на верх горы высокой
И в полной славе умереть.
Поэт был зарево и пламя,
Старался правду возвышать:
“Доколе, счастье, ты венцами
Злодеев будешь украшать?”
Стихи обдумывал ночами,
Священным гневом накалён:
“Доколе ложными лучами
Наш разум будет ослеплён?”
Как много знал он, наш учитель!
И вывод был его таков!
Писал: “Язык наш – повелитель
Всех на планете языков!”
Стоял горой за мир и братство,
Звал, как бесценный дар, беречь
Своё великое богатство –
Родной язык,
Родную речь.

17

Имел с Шуваловым свободу
Друг другу тайны открывать...
О сбережении народа,
Об умножении народа
Решил Записку написать.
Писал понятно и душевно
О том, что близко искони,
О том, что было злободневно,
Не устарело в наши дни.
Писал, охватывал пространства
До самых северных морей,
Где, как чума, гуляло пьянство,
Топило в пропасти людей.
Где были редкими больницы,
Бродили толпы знахарей,
Детей измученные лица
Терзали души матерей.
Одним как рай такое царство,
Растёт доход из года в год.
Другим нет денег на лекарство
И нет на правильный уход.
Век станет веком Пугачева
В крови, в отчаянной борьбе...
Одно записывал он слово,
Держал другое при себе.
Писал об исправленье нравов,
О просвещении писал.
Наследников петровской славы
Дружить с наукой призывал.
Потом о главном,
Самом главном,
О чём не знать – великий грех:

О Русской Церкви Православной,
Её влиянии на всех.
Да будет пастырь для народа
Хранитель мудрой старины,
Защитник подлинной свободы
От зла,
От козней сатаны!
Да будет грамотен, как надо,
Строг поведением везде
Любой из нас,
Найди усладу
Но не в разгуле,
А в труде.
Приложим дружные усилия
Ко всем хозяйственным делам,
Продуктов будет изобилье,
И голод путь забудет к нам.
Пусть наши баре не лютуют,
Не обижают мужиков,
Купцы же
Правильно торгуют
Вдали от русских берегов...
Стрелять умеют наши пушки,
Но и без боя в плен берут.
Торговый плен – не безделушки,
Держите ушки на макушке,
Коль иноземцы
Тут как тут.
В его наказах лжи ни грамма:
“На радость ближнему живи!”
Царице – целая программа
Во имя света и любви:
“Храните праведны заслуги
И милуйте сирот и вдов.

Сердцам нелживым будьте други
И бедным полный будь покров”.

18

Он славил русские победы,
Геройство русское хвалил.
Отменно прадеды и деды
Явили ярость наших сил.
Спешил сказать
Петровой дочери:
Всего важней – конец войне,
Пора закрыть “военны двери”,
Вернуться к мирной тишине.
Мы строим фабрики, заводы,
Выводим трубы в небеса.
Но что мы сделали с природой?
Как бережём свои леса?
У нас растут заботы густо.
Но в годы мирной тишины
Крепить военное искусство
Мы обязательно должны.
Труба походная играет
Не ради штурма крепостей,
Военный люд не загорают
Среди играющих детей.
Тут вам, друзья мои, не Сочи.
А потому герой-солдат
Ружьё почистил,
Саблю точит,
Спортивным играм тоже рад...
Народ России множит браки,
Как и любой другой народ.
Бывают браки

Хуже драки
У мужиков и у господ.
Живите правильно и дружно,
В большом согласии, в любви.
Во браке ссориться не нужно:
Семью не строят на крови.
Не надо ссор, измены, пьянства,
Невоздержанья за столом.
Через семейное пространство
Мы к высшей радости идём.
Растите бережно младенцев,
Читать учите с малых лет.
Хороший опыт есть у немцев,
А у французов разве нет?
Есть добрый опыт у китайцев,
Созрел в надёжных головах
И у японцев, у малайцев,
У австралийцев, африканцев
На самых дальних островах.
Полны всемирного значенья
О детях хлопоты кругом...
А мы ученье,
Как лечение,
Порой неправильно ведём.
Позор! Под русским небом синим
Нередко лечат наугад.
А сколько знахарей в России?
Какие ужасы творят!
Себя Христом объявит некто
Наживы ради и забав,
И вот наверх всплывает секта
И душит души, как удав.
О, эта псевдомедицина,
Шептанья хитрых ворожей!

От их лечения скотина
Копыта выбросит скорей.
На Божьих заповедях с детства
Старайся вырасти, любой...
Хватает нам стихийных бедствий,
Так нет же –
Есть ещё разбой...
Читаю далее, читаю.
Советы добрые нужны.
Была бы книга золотая
Из нашей умной старины.
Послал пророческие строки
Поэт движением руки.
О Боже! Как они далеки!
О Боже! Как они близки!

19

Во сне такое не приснится:
К нему на Мойку
Прямо в дом
Явилась вдруг императрица,
Сказала: “Ваша ученица” –
И села рядом за столом.
Великая Екатерина,
Как другу, руку подала.
С Елизаветою – Христиной
Речь по-немецки повела.
Со всеми с ласкою во взоре
Была пленительно проста,
Чья власть от моря и до моря,
До каждой тропки и куста.
От счастья встал он на колени,
В стихах приезд её воспел.

Забыть великих тех мгновений
До самой смерти не посмел.
Сказав похвал ему немало,
Ушла в мир царственных забот...
Новейшей одой пожелала
Украстить свой грядущий год.
Он сочинил такую оду.
Дивилась быстрому уму.
Дала, пометив тем же годом,
Чин статс-советника ему...
Придворный мир.
Сияют лица.
Княгиня Дашкова плывёт.
Статс-дамою императрицы
Перед поэтом предстаёт.
Заговорила, как запела,
С чем голос ласковый сравнить:
“Мне государыня велела
За оду Вас благодарить”.
Встречает весело, как брата.
Глаза играют и цветут...
Державин, Новиков, Щербатов
И Фёдор Эмин тоже тут.
А это кто такой суровый
И молодой ещё на вид?
В карман не лезет он за словом,
Того и этого бранит?
Надменный, вроде полководца,
Такой не станет в общий ряд...
“Историк новый Август Шлёцер, –
О нём с почтеньем говорят. –
Её Величеством замечен,
Уже на раут приглашён.

Берёт Историю за плечи,
Читает летописи он.
Наделал выписок немало,
Немало лишнего нашёл”.
Душа поэта бушевала.
“Ну, это – чистый произвол.
Такой оставит наших с носом,
Пойдём как нищие с сумой”, –
Вздыхнул Михайло Ломоносов
И молча двинулся домой.
Река Нева спокойно льётся,
Ласкают волны берега.
А перед ним всё тот же Шлёцер,
Вредней не выдумать врага.
Самолюбивый и бесстрашный,
Себя умеет показать.
Побыл учителем домашним
И взялся “Нестора” писать.
С ним трудно в споре состязаться:
Начитан, смел, весьма толков,
Поэт наш выучил двенадцать,
А он пятнадцать языков.
Горяч и молод Август Шлёцер,
Был Михаэлисом возвращён.
Не дрогнет он, не покачнётся,
В науках крепко закалён.
Трудясь над книгою упорно,
Он темой русской овладел.
Создал “Грамматику” проворно.
Прочёл поэт
И обомлел.
“Да, пишет лихо.
Ловкий парень!
Явился к нам как ураган.

Выводит звание “боярин”
От слова грубого “баран”.
Выводит “деву” он от “вора”,
От “суки”...
Господи, прости!”
Пылала ярость у помора:
“И этот хам у нас в чести!!!
Пустите к древностям нахала –
Святое дело пропадёт.
Гнуснейших мерзостей немало
Сия скотина разведёт”.

20

Чем жил последние он годы?
Морскими промыслами жил.
В дни пробуждения природы
Над картой Севера кружил.
Мерцали в небе метеоры.
А тут – нашествие гостей:
Четыре важные помора
Явили ворох новостей.
Держались смело и свободно,
Весенним воздухом дыша.
Он их расспрашивал подробно,
Восторгом наполнилась душа.
Вставал – скрипели половицы,
Обнять был каждого готов.
Смотрел в обветренные лица
Неутомимых земляков.
Листок пометами усеян,
Учёный в планах – сам не свой,
Ему на карте путь на Север
Как возвращение домой.

Душа покоя не знавала,
В больших делах летели дни.
Адмиралтейство заседало
Его мечтаниям сродни.
Родного ветра дуновенье
Принёс на Мойку океан,
За Прибавленьем Прибавленье
Спешит вписать учёный в план.
И сердце вновь, как молодое,
Горит, зовёт на край земли:
За Алеутскою грядою
Два новых острова нашли.
Над новой картой Ломоносов
Сидел, забыв передохнуть:
Вычерчивал для храбрых россов,
Для Чичагова
Дальний путь.
Да будет он как смелый Беринг,
Как славный Чириков в волнах,
Чтоб на открытый нами берег
Был водружён российский флаг!
Два корабля перед глазами
Вздымали мачты в высоту,
Под голубыми небесами
Несли вперёд его мечту.
Узрят отважные Шпицберген,
Старинный Грумант, чтобы там
Начать свой подвиг беспримерный
По бурным северным волнам.
Взойдут ли смело и сурово
На гребень славы наших лет?
У адмирала Чичагова –
Нераспечатанный пакет.
В пакете том императрицы
Сокрыт Указ, минуты ждёт.

Прочтут – и хлынет свет на лица,
И тайна крылья распахнёт,
Умом и сердцем был он связан
С великой целью русских сил.
И над загадочным Указом
Бессонной думою парил...
В бумагах сына Чичагова
Найдут к открытиям исток:
Прочтут загадочное слово
“Гиперборей”
Между строк.
Учёный множил наши знания,
Волнуясь, радуясь, творя,
Познав Полярное сиянье,
Познав природу янтаря.
Когда бродил казённым садом,
Стоял в тени его ветвей
И, в космос проникая взглядом,
Был он Пророк и Прометей.
Остался яростным и юным,
Как в те года,
Когда в Мезень
На беломорской плавал шхуне
Вдали от сёл и деревень.
Был Ломоносов полон силы,
Учил, работая, дерзать,
Писал: “Могущество России
Сибирью будет прирастать.
И Ледовитым океаном,
А в нём путями кораблей”.
Был убеждён, что россиянам
И “климат тамошний сносней”.
Писал и верил неуклонно:
Даст много пользы океан,

Что “Хинды, Инды и Японы”
Увидят скоро россиян.
В пути своём они, как в сказке,
Придут как старые друзья
К открытой дедами Аляске,
В золотоносные края...
Михайло вдруг темнее ночи
Пришёл.
Волнуется жена.
Он ей рассказывать не хочет.
Но раз жена, то знать должна.
“Не надо, Миша!
Будь потише”, –
Даёт любимый свой совет.
И вновь, растерянная, слышит
Его решительное “Нет!
Умру скорее под забором,
Чем правду выставлю за двор.
Назвал Шумахера я вором.
Но как иначе,
Если вор?!”
Присел писать.
Дошла тревога
До наших дней черней чернил:
“Молчал я много,
Вынес много
И слишком много уступил”.
Берёт Отечество и славил,
А тут поступок как мятеж:
Шумахер взял да и отправил
Две наши карты за рубеж.
На них в проекте два похода,
Заплыв на Север и Восток:

Там и погода, и природа,
И чётко выверенный срок.
Прильнув к секретнейшим бумагам,
Читали тайны господ,
Следя за каждым русским шагом...
Урок на долгие года!

21

Он знал, что делать, умирая:
Пришла беда лавиной с гор...
Культуру русскую спасая,
Науку русскую спасая,
Готовил долгий разговор.
Давно успел насторожиться,
Понять, что близится гроза.
Не славословие царице,
А правду
Выложит в глаза.
Нет места, скажет откровенно,
И в Академии ему:
Превращены родные стены
Не в храм науки,
А в тюрьму.
Цветёт шумахерщина!
Это
Всеми Отечеству беда!!!
Коль не пресечь, не взвидим света –
Придут последние года...
Свеча в окне его светилась,
Темнели хмурые дома.
Царица славно обходилась
Без хлопотливого ума.
Ему легко рубили крылья
И утешали: “Не грусти!”

Росло немецкое засилье,
Всё иностранное в чести.
Как подражатели нахальны:
Давно б одуматься пора!
Россия наша уникальна
С времён Великого Петра.
Он сам в науках уникален,
Неподражаемо глубок,
Чистейшей совестью хрустален,
В могучих замыслах далёк.
Не зря в трудах бежали годы,
Не зря держал в затворе лень:
Он в осмыслении природы
Взошёл на высшую ступень.
О чём он думал, умирая,
Открытый Богу одному,
Когда простор родного края
Вдруг да пожаловал к нему?
Деревья глянули в окошко,
Дома огнями расцвели,
Оттуда клюкву и морошку
Ему недавно привезли.
Племянник Мишенька оттуда
Заботой дядюшки польщён...
“Через ученье счастлив будет”, –
Сестре не зря ответил он...
И вот последняя на взлёте
Для Государыни строка:
“Ежели Вы не пресечёте,
То будет буря велика”.
Писал, волнуясь, брови хмуря,
В тревожном будучи кольце,
И слово взрывчатое “буря”
Набатом вырвалось в конце...

Как было сердцу не томиться
В стране, закованной бедой?
На первом месте у царицы
Не он, а Шлецер молодой.
В почёте он и в полной силе
Свою Историю творит,
Раздел “Цветущая Россия”
Екатерине посвятит!
Как он напишет,
Так и будет
По иностранному уму.
Читайте, люди!
Верьте, люди,
Как императору, ему!
Мол, все вы жили раньше дико,
Послужный список невелик.
Из рук Германии великой
У вас культура и язык.
Свет воссиял вам среди ночи,
Извольте так на мир взглянуть...
На двадцать пять веков короче
Войдёт в Историю
Наш путь...

22

Труба от ветра завывала,
Шум полых вод в реке возрос.
Иван Иванович Шувалов
Приехал, новости привёз.
Узнал, что Миллер в прежней силе,
А Шлёцер весь на высоте.
Стал грустно думать о России,
О золотой своей мечте.

Грачи за окнами шумели.
А боль не шла из головы.
Приехал снова Якоб Штелин:
“Как себя чувствуете Вы?”
Поэт: “Просветы стали редки”.
Потом жене – светлей зари:
“Возьми кофейник у соседки
Да кофе, кофе завари”.
Вздыхнул: “Налить не то бы надо,
Но чую, это не по мне”.
Жена глядит печальным взглядом,
Вдыхает, стоя в стороне...
В середине марта был простужен
И слёг в постылую кровать.
Себя он чувствовал всё хуже.
Неужто время умирать?
Звенели, падали капли
По всем просторам дорогим...
Сидел и слушал верный Штелин,
Спешил, записывал за ним:
“Смотрю на смерть я равнодушно.
Жаль, дело выпало из рук.
Не всё успел для добрых душ я,
Для приращения наук”.
Чем будет век идущий славен,
Как будет словом утверждён:
Идёт по городу Державин,
В большие думы погружён,
Он скоро к струнам прикоснётся,
Прекрасной одой прозвенит,
И речь державная прольётся,
России славу укрепит.
Живёт в неизвестности Радищев,
Народа нашего поэт,

Его полиция разыщет,
Едва лишь книга выйдет в свет...
Звенел апрель.
Гремели тройки.
Сияла неба синева.
Сошлись друзья,
Сошлись на Мойке
Принять последние слова:
“Прощайте, други дорогие!
Жизнь отшумела, как вода.
Мои намеренья благие,
Боюсь, исчезнут навсегда.
Всю жизнь боролся я, как воин,
И вот...”
Закрыв глаза в тоске.
Лежал величествен, спокоен,
Как будто в лодке на реке.
Своих противников простил он,
Уйдя от всех, как в долгий сон...
Царица денег отпустила
Для проведения похорон.
У ней своё разыграло дело
В дворцовой камерной тиши:
Она комедию смотрела
И отдыхала от души...
Кругом природа ликовала.
А тут,
Прости, родной порог!
Иван Иванович Шувалов
Семью поддерживал как мог.
В потоке слез Елизавета
Была, как смерть, бледным-бледна.
Уехал милый на край света,
Туда где бездна звёзд полна.

Не больше года ей осталось
Жить после горьких похорон.
Сгубила бедную не старость,
А то, что умер.
Умер он.
Стояли в чёрном
Дочь Елена,
Зять Константинов Алексей.
Прощальный траур пал на стены,
На лица добрые друзей.
Рыдал Шувалов, плакал Штелин.
А старый мастер Соколов
Был так убит и так растерян,
Не находил от горя слов.
Нашёл слова он, тёмный с горя,
Вложил в слова всю боль и грусть:
“Такой головушки не скоро
Теперь дождётся наша Русь”.
Когда в могилу опускали
Тяжёлый гроб в монастыре,
Все люди в голос зарыдали,
Как в день прощанья
При Петре.
И повторяли с громким плачем,
Платками белыми шурша:
“Он – русский гений, не иначе!
Какая редкая душа!
Забывать такого невозможно
Среди блистательных побед:
Историк, физик и художник,
Геолог, химик и поэт!
Он волей Божьей вышел к людям.
Как лучезарная звезда.

Такого не было, не будет,
Не повторится никогда”.
Он был России верным сыном,
Покинув северный придел:
К родным горам, морям, долинам
Горячим сердцем прикипел.
Жил до последнего дыханья
Святой поэзией добра...
В народе вызрело преданье,
Что Ломоносов – сын Петра.

23

Дни без хозяина зловещи,
Берут за сердце пустотой.
О нём рассказывают вещи
Со всей печальной прямотой.
Вот здесь часами в кабинете
Писал, обдумывал слова.
В окно стучался зимний ветер,
Росли сугробы-острова.
Весною зори с соловьями
Встречал он с радостью в лице.
Там пировать любил с друзьями
На белокаменном крыльце.
За русский Север поднимали
Бокалы, дружества полны,
Отцов и дедов вспоминали,
Героев русской старины.
Высокой верой озарённый,
Любил он страстно повторять,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать...

Летят на север птичьи стаи,
Опять повеяло весной.
Я Ломоносова читаю:
Его история со мной.
Его рассказ – с времён далёких.
Там было всё:
И бой, и плен.
Немало трудных и жестоких
Мы испытали перемен.
Путь утеснений,
Путь кровавый
Прошли в истории своей.
Пришли к могуществу и славе
Всех высочайших степеней.
Извне татары, печенеги,
Поляки, шведы, турки шли.
Но их коварные набеги
Сломать Россию не смогли.
Не расточились, не исчезли,
А крепче стали во сто раз.
Враги опять с войною лезли,
Но Божий Промысел за нас.
Сравните наш народ с другими –
Не знала Русь извечной тьмы.
Делами славными своими
Давным-давно известны мы.
Верны мы истине высокой,
Даём пример для молодых
В словах о праотцах далёких
И современниках своих.
Летят на север птичьи стаи.
Струится в окна ясный свет.
Я Ломоносова читаю
И тех, кто двинулся вослед.

Был человек он самый русский
По-русски пел и говорил.
И все же в память по-французски
Шувалов оду сочинил.
Спасибо графу Воронцову:
Отличный мрамор отыскал...
А через годы
Пушкин слово
О нём прекрасное сказал.
О нём – Радищев и Погодин,
Аксаков, Лебедев о нём.
Горит любовь к нему в народе
Незатухающим огнем.
Он прошумел, как сильный ветер,
Был целый мир освоить рад,
Познавший Русь от тёмной клетки
До гордых княжеских палат.
Он каждым словом,
Каждой строчкой
Сработал памятник себе.
Но был нередко одиночкой
В незатихающей борьбе.
Жил, очарован русской далью,
А не исканием красот.
И вдруг – с глубокою печалью:
“Меня объял чужой народ.
В пучине я погряз глубокой...”
Искал в сиянье высоты
Свой Спас,
Как путник одинокий,
На крыльях солнечной мечты...
Россия!
Матушка Россия!
Родная доченька Руси!

От иностранного засилья
Себя помилуй и спаси.
Не раз за тягу к иноземцам
Господь Отечество карал.
“Произведите меня в немцы!” –
Ермолов с горечью сказал.
Разговорились по-французски,
И к нам пришёл Наполеон.
Пришлось дубиною по-русски
Его крушить со всех сторон.
А там из дали деревенской
Взошли, как звёзды над водой,
Иван Забелин, и Ключевский,
И Афанасьев удалой.
Пошли Киреевский, Якушкин
В народ,
Любя родную речь.
“Там русский дух” –
Недаром Пушкин
Нам дал завет, как добрый меч.
И гнев, и боль держа в запасе,
Не в силах более молчать,
Решил Егор Иваныч Классен
Родную древность раскатать.
Совсем не важно, что из немцев,
Пошёл он, страстный, как поэт,
На норманистов-иноземцев
За Ломоносовым вослед.
Нас повело заре навстречу,
Туда, где мир и благодать,
В Москве издательское “Вече”
За тайной тайну открывать.
На тайны дружно мы насели,
И всё задвигалось вокруг:

Дорога Дёмину – на север,
А Петухову – путь на юг.
За книгой книгу выдал Асов
О самой древней старине:
Открыл нам русские запасы
В невероятной глубине.
Под мирным русским небосводом
Вослед за правдою идём.
“Мы были все одним народом!” –
Как откровение берем.
В индийских Ведах,
В русских Ведах
Родная сердцу старина,
Там наши первые победы
И наша первая весна.
И скифы мы,
И кимерийцы,
Арийцы мы из века в век,
И черноглазые индийцы,
Что жили там, у синих рек.
Душой, не золотом богаты
Прапрапра, прадедов края,
Где нет ни рабства, ни разврата
И все равны,
Одна семья.
До Вавилона гордых башен
Дошли в том давнем далеке.
Писалась Библия на нашем,
На арамейском языке.

24

Россия потеряла сына.
Вздохали верные друзья.

Повёз Елену Константинов
В Орловско-Брянские края.
А там у них родится дочка,
В краю полей,
Среди лесов.
Придёт в рассказ поставить точку
Иван Андреевич Крылов.
Придёт, охваченный любовью,
Анюту сватать.
Скажут: “Нет!”
И со стены у изголовья
С портрета глянет наш поэт.
Печаль последнего свиданья –
Забота сердцу и уму.
Крылов посмотрит на прощанье –
Дед посочувствует ему.
Потомки – в славе королевской,
Они превыше королей:
Вот генерал идёт Раевский,
Ведёт в атаку сыновей!
А вот Раевская Мария,
Волконской помнится она:
Ей Пушкин строки золотые
Дарил в былые времена:
“Я помню море пред грозою.
О, как завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою,
С любовью лечь к её ногам!”
Потом опять случилась встреча,
Ей Пушкин душу озарил:
Свои восторженные речи
О декабристах говорил.
Венчал их славою стозвонской,
Её в Сибирь благословил,

А там Некрасов о Волконской
На всю страну заговорил.
Читали,
Плакали, читая,
О самом важном – о святом:
Поэма вышла золотая
Под удивительным пером.

25

Родная Русская равнина.
Год сорок третий, славный год.
Мы были в радости едины:
Едина Русь, един народ.
Нас окрыляло в те минуты,
Что Русь Советская жива.
Раскаты первого Салюта,
Орёл и Белгород слова.
Мы были верою едины,
Сиял надежды горизонт...
Стихи “На взятие Хотина”
Пришли новинкою на фронт.
Читали пламенные строки:
“Восторг внезапный ум пленил.
Ведёт на верх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл.
“Победа, Русская победа!” –
Шумел ручьями бор и дол.
Боится собственного следа
И враг, что от меча ушёл”.
Читала Русская равнина:
“От воли русской власти ждут,
И сердце гордого Берлина,
Неистового исполина,
Перуны, близь гремя, трясут”.

Вновь Ломоносов перед нами
Взывал превыше всех наук:
“Перед берлинскими вратами
Победы нашей дайте звук”.
Война гремела и гремела,
Огнём Европу обдало.
И ломоносовское дело
Там продолжение нашло.
Совсем близка была победа.
Вот-вот придёт
Желанный мир.
С бойцами вёл политбеседу
Видавший виды командир.
Горело зарево заката.
Чернела трасса на Берлин.
“Здесь жили русские когда-то”, –
Сказал доживший до седин.
Он говорил всё интересней,
Знать, вдохновение нашло:
Седым преданием, как песней,
Привел в селение Берло.
Когда посыпались вопросы,
Вздыхнул, кончая разговор:
“Про это ведал Ломоносов,
Жаль, мы не знаем до сих пор.
Прошли мы путь большой, кровавый,
Всё ближе мирные дела.
Идём, друзья, дорогой славы,
Где раньше Славия была”.

Германский край стал мирным краем,
Всё меньше помнят о войне...

Олег Михайлович Карнаев
Однажды вдруг поведал мне:
“Отец в войну возил снаряды
За эшелоном эшелон.
Вдруг понял я:
Увидеть надо,
Где путешествовал он.
И вот в Германию поехал –
Миролюбивейший народ...
Нигде не ведали помехи,
Скорей, совсем наоборот.
Давно ль земля была пустыней?!
Теперь застроились вполне.
Был праздник в городе Берлине,
Гремели песни в тишине.
Один был родом из Ростова,
Военных лет всё песни пел.
На немцев не глядел сурово,
Скорей, приветливо смотрел.
Достойный сын своей державы,
Был по веселью впереди.
Имел медали, орден Славы –
И всё сверкало на груди.
Не ветеран был, а картина.
В глазах плясали огоньки.
Всё пел, как едут по Берлину,
Эх, едут наши казаки!
Мы с ним отужинали славно.
Наутро встретили село.
Стояли в храме православном.
Нас пенье за душу взяло.
Забыты вина и закуски,
Берлинский шумный ресторан.

Тут нас приветствовал по-русски
Священник
Батюшка Иван.
А хор всё пел и пел молитвы,
Как будто в городе Орле.
Неужто здесь гремела битва
И дым стелился по земле?
Сказал священник:
“Мы – казаки!
Мы из суворовских полков”.
Село старинное, однако,
Из незапамятных веков.
В краю чужом отрадно было
Стоять, смотреть на купола.
Седая Русь заговорила
И крепко за сердце взяла.
Наверно, что-то подсказало
Там стародавним казакам,
Что Русь недаром там стояла,
Пахала, сеяла, плясала,
Вот потому и вырос храм.
Германский край
Был русским краем,
Нам не уйти от тех корней!
Чем чаще это вспоминаем,
Тем мы становимся дружной.
Народов двух скрепляя узы,
Любил Оку мою, как Рейн,
Герой Советского Союза
Орловский немец Роберт Клейн.
Он Днепр форсировал с востока
В те знаменитые года.
Вот почему его глубоко
Мы полюбили навсегда.

27

В глуши губернии Смоленской,
В краю лесов,
Среди болот
Рос мальчик самый деревенский,
В избушке – окна на восход.
Он был двенадцатым ребёнком,
Лучину помнил, знал свечу.
В голодный год не плакал звонко,
Лишь признавался:
“Есть хочу!”
И вот ему сказали в школе,
Что в старину один мужик
Стал по своей и Божьей воле
Разумен, славен и велик.
Как он в Москву пришёл, услышал,
Подумал, радость затая:
“Михайло он, я – тоже Миша.
Василич он, Василич я”.
Мы из крестьян, двойные тёзки.
Был совпаденьем разогрет.
Смотрел на клёны и берёзки
И полюбил их, как поэт.
Ходил с косою по травам в росах,
С пером склонялся над столом.
Был всюду рядом Ломоносов
С живым классическим стихом.
Душа к народу прикипела,
Высоких дум и чувств полна.
И Исаковского запела
Россия – славная страна.
И стар, и млад охотно слушал
Мелодий ливень золотой.

Запели люди о Катюше,
Что вышла на берег крутой.
Сердечным словом отозвался
Души нарушенный покой:
“Каким ты был, таким остался,
Но ты мне дорог и такой”.
Он пел туманы-растуманы,
Баян в лесу прифронтовом,
И бой, в котором партизаны
Врагу устроили разгром.
Перед утратами солдата
Склонял он голову свою:
“Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью”.
В цвету сады, луга, опушки,
А тут простор одним слезам:
“И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам”.
Была гармонь за старым садом.
И тут же рядом – старина:
“Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина”...

28

Что имя? Звук один. И всё же
Эпоха им озарена.
Гор золотых
Они дороже,
Сынов великих имена.
Был Ломоносов верным сыном
Страны, всё благ её искал.
Вот почему его Россия
И подняла на пьедестал.

Руками сильными своими
Обняв,
Вела на гребень лет.
И, как награду, принял имя
Московский университет.
За труд, за подвиг беспримерный
Прошла молва по всей земле.
Мы дали имя
Школе Первой
В старинном городе Орле.
Налюбоваться невозможно
На строгий бюст во цвете лет:
Историк, физик и художник,
Географ, химик и поэт.
О нём стихи читают в школе,
И каждый к ним давно привык,
Как по своей и Божьей воле
Он стал разумен и велик...
Нас до войны,
Как сталь, ковали,
Гранили душу, как алмаз,
Стихи Некрасова читали
О Ломоносове не раз.
Что сделал я родному краю?
Что подарил родной стране?
Стою у школы, вспоминаю
О самой грозной старине.
Год сорок первый, немцы, танки —
Та осень в душу залегла.
Давным-давно ушли в останки
Бойцы, защитники Орла,
Где нынче шум и гам весёлый,
Рвалась на части тишина.

К себе домой из Первой школы
Спешила девушка одна.
Враги катили перед нами
К Москве лавиною стальной...
А дочь Орла
Спасала знамя,
Честь пионерии родной.
Угнали Тоню на чужбину,
В колючий лагерь, в лай собак,
Она несла свою святыню,
Она спасла её, святыню,
Сперва зашив её в полсак.
Она под стражею томилась,
Овчарок слышала во мгле.
Жизнь довоенная всё снилась
В старинном городе Орле:
Костры за Орликом-рекою,
И Лутовиново,
И Льгов,
Дубравы, полные покоя,
Где и в помине нет врагов.
Рекою песня разливалась,
Алело знамя, как заря,
Победа наша приближалась,
Надежду узникам даря.
Родной Орёл,
Родную школу
Опять увидела она.
Услышав шум и гам весёлый,
Была до слез потрясена.
Домой,
Домой вернулось знамя!
Поёт вода в родной Оке...
И Ломоносов перед нами
В комзоле, в пышном парике.

Его престол
Превыше трона,
И правда правд
Гремит опять,
Что может собственных
Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

29

Царей и царств земных отрада,
Сошла на землю тишина.
Встаёт луна над сонным садом,
Сияет главная звезда.
Полярная от слова “поле”
Выводит звёздные полки.
На всем – покой
И Божья воля,
Повсюду след
Его руки.
Под той высокою звездою
Лежит, покоем обуян,
Повитый белой пеленою,
Во льды укрытый океан.
Там имена – золотые слитки
Судьба Отечеству дала.
Средь них и Пахтусов, и Литке,
Русанов – рыцарь из Орла.
Там в именах высоких берег
Неутомимых моряков:
Челюскин, Лаптевы и Беринг,
Седов, Лавров и Ушаков.
Тот славный день не затуманен.

В молве народной не затих,
Когда высаживал Папанин
На лёд папанинцев своих...
Теней великих сон лелея,
В своей немыслимой дали
Живёт страна Гиперборея,
Плывут легенды-корабли.
Во дни тревоги и сомненья
И долговечной темноты
Приводят в бухту Провиденья
Нас лучезарные мечты.

30

Живут, живут, не умирая,
Тех лет могучие леса,
Краса тропического края,
Руси Арктической
Краса.
Где нынче море,
Были рощи,
Плясал и пел счастливый люд.
И огнекрылых молний росчерк
Благословлял упорный труд.
Рожь волновалась золотая,
И радость била через край.
Пришла пора —
И всё пропало.
Куда сокрылось?
Угадай!
Где соловьиные напевы?
Где голос звончатый скворца?
Знать, был Господь
Во власти гнева,
Ударив холодом в сердца...

Души виденье золотое –
На дне глубоком есть гора
В три километра высотой,
Длиной в две тысячи гора.
Бесценный памятник природы,
Сил неземных упорный труд.
Её ни месяцы,
Ни годы,
Тысячелетья не сотрут.
Тут и Донбассы, и Кузбассы
У моря синего в плену,
И нефть, и золота запасы
Привыкли слушать тишину.
На воле ветер, завывая,
Гуляет, стужею грозя.
А тут – природы кладовая:
Словами выразить нельзя.
Гора-хребет на радость россам,
Себе на радость
Мы храним.
Родное имя Ломоносов,
Как чайка белая над ним.

2007

СОДЕРЖАНИЕ

Родина	4
Река	5
Качели	7
Утро	8
Шофер	9
В саду	10
Косари	11
У бабушки	13
Жук	14
Кукуруза	15
На возу	17
Кораблик	18
Привет	19
Полевая сторона	21
Дождик	22
Молоток	23
Рак	24
Парашют	25
Красавка	26
Колокольчик	27
Крапива	28
Сон	29
Бобры	30
Бычок	31
Барбос	32
Ссора	33
Смородина	34
Воробей	35
Паровоз	36
Школа	37
Березка	38

Тележка	39
Радуга	40
Козлик	41
Кот	42
Грибок	43
Море	44
Лопух	45
Карандаши	46
Ковер	47
Наташа	48
Темнота	49
Листья	51
По ягоды	53
Пчелы	54
Грибы	55
Искорки	56
После дождя	57
Лесной телефон	58
Елки	59
Петух	60
Ракита у пруда	61
Калинка	62
Куманика	63
На горе	64
Скворец	65
Черёмуха	66
Мастерская	67
Ручеек	68
Кот на пне	69
На опушке	70
Сток	71
Линайка	72
Иголки	73
Капуста	74
В телеге	75
Маня	76
Таня	77
Мостик	78
Егорка	79
Золушка	80
Костры	81

Чибис	82
Город у речки	83
Комары	84
В сумерках	85
Колобок	86
Мячик	87
Музыка	88
Груша	89
Звездочка	90
Кукушка	91
Филин	92
Заяц	93
В лодке	94
Куст	95
Чижик	96
Подснежник	97
Холодок	98
Кот на снегу	99
Рукавичка	100
Ветер	101
Снежинка	102
Гора	103
Под елкой	104
Галка	105
Воробьи	106
Черномор	107
Жду весну	108
На дворе	109
Крокодил	110
Зима	111
Поле	112
Стужа	113
Птичник	114
Звездочки	115
Проталины	116
У порога	117
Капели	118
Снежок	119
Апрель	120
Дорога	121
На солнце	122

Ручей	123
Зяблики	124
Малыш	125
В саду	126
Рыболов	127
Кролики	128
Жаворонок	129
Горнист	130
Зарядка	131
Луч	132
Картинки	133
Звезда	134
Ежики	135
Соловьи	136
Котята	137
Одуванчик	138
Тропинка	139
Месяц	140
Тростник	141
Чердак	142
Горошина	143
Родник	145
Яблоко	146
Рукавица	147
Столбы	148
Тишина	149
Друзья поэта	150
Берег детства	151
Ракита	152
Кот Баюн	153
Родня	154
Кленок	155
Облако	156
Роцца	157
В поле	158
Пашня	159
Мост	160
Самолет	161
Подсолнух	162
Медведь	163
Моська	164

За лесом	165
Жар-птица	166
Шалаш	167
Над рекою	168
Туман	169
В саду	170
Картошка	171
На огороде	172
Веселинка	173
На грядках	174
Сорока	175
Рябина	176
Сосна	177
Кочаны	178
Под рябиной	179
Издалека	180
Яблоня	181
Русский витязь	182
Однажды под елкой	183
Русская зима	185
Мороз	186
Беда	187
Сорока	188
Тузик	189
Зимний лес	190
В полях	191
Метель	192
Озеро	193
Ящерица	194
Солома	195
Аист	196
Дедушкин дом	197
Рассвет	198
Щенки	199
Слоненок	200
Трактор	201
Царевна	203
На лугу	204
Скамейка	205
Дуб	206
За окном	207

Бабушка Клава	208
Волк	209
Черныш	211
Ястреб	212
Бор	213
Лада	214
Дина	215
Анфиса	216
Сено	217
Слоник	218
Стадо	219
Работа	220
Крепнут руки	221
Вечный зов	222
Настя	223
Мама	224
Бабка Ефросинья	225
Храм	226
Лето	227
В музее	228
Дятел	229
Муравей	230
Снежок	231
Кувшинка	232
Ландыши	233
Мотя	234
Репей	235
Узоры	236
Маруся	237
Собаки	238
Ветер	239
Солнце	240
Котёнок	241
Два кота	242
На елке	243
Облака	244
Кот	245
Бабушка Прасковья	246
Праздник	247
Санки	248
Один	249
Снеговик	250

Бабушка	251
В саду	252
Глаша	253
Сказка о сказке	254
Дома вставали	255
Сова и ворон	256
Спасибо	258
Огонь-трава (сказка)	261
Вера	277

РАССКАЗЫ И БЫЛИ

Родословная	282
Родная старина	287
Мишка и Машка	300
Игра	302
Чибиc	303
Капитанка	304
Коньки	306
Скворцы прилетели	307
На горе	308
Компас	310
Бык	312
Кавказка	314
Патефон	316
Волки	318
Гармошка	320
Рябчик	323
Август	324
Подсолнухи	329
Жил-был Шарик	333
Незнакомка	336
След на снегу	338
Слоненок	340
Друзья поэта	341
Орел	343
Спутник Петра Великого	345
Царь-освободитель	352
Великий князь	354
Клятва юности	356

ПОЭМА

Михайло Ломоносов	359
-------------------------	-----

Василий Михайлович КАТАНОВ

БЕРЕГ ДЕТСТВА

Книга для детей

Ответственный за выпуск *А.И. Лысенко*
Технический редактор *Н.М. Крыжановская*
Корректор *А.А. Гудкова*

Издательство “Вешние воды”. 302000, г. Орел, ул. С.-Щедрина, 1.
Подписано в печать 25.11.2010. Формат 84x108¹/₃₂. Усл.-печ. л. 23,52.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1200 экз. Заказ 155.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии “Новое время”.
Орёл, ул. Итальянская, 23.